

Министерство образования Российской Федерации
ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
Факультет удмуртской филологии
Кафедра общего и финно-угорского языкознания

**Финно-угорские языки
в образовательном пространстве**

Материалы Международной
научно-практической конференции

Ижевск
2010

УДК 811.511.1(043)

ББК 81.66я431

Ф605

Редакционная коллегия:

В. К. Кельмаков, доктор филол. наук, профессор
(ответственный редактор);

М. А. Самарова, кандидат филол. наук, доцент

Д. А. Ефремов, кандидат филол. наук, доцент

Ф605 Финно-угорские языки в образовательном пространстве: Материалы Международной научно-практической конференции. – Ижевск, 2010. – 118 с.

Сборник составлен на основе материалов Международной научно-практической конференции «Финно-угорские языки в образовательном пространстве», посвященной юбилею специализации «удмуртский язык и литература, финский/венгерский язык», которая осуществляется в Удмуртском государственном университете. В научных работах уделяется внимание вопросам преподавания финно-угорских языков и современным проблемам функционирования и развития данных языков.

Сборник предназначен для преподавателей, студентов вузов, а также сотрудников научно-исследовательских организаций.

УДК 811.511.1(043)

ББК 81.66я431

© Коллектив авторов, 2010

© ГОУВПО «Удмуртский государственный университет», 2010

Содержание

Предисловие	5
Проблемы преподавания языков	
<i>Кельмаков В. К. (Ижевск)</i> Ab ovo ... до “финно-угорского отделения”	7
<i>Кондратьева Н. В. (Ижевск)</i> О преподавании финского и венгерского языков в Удмуртском государственном университете	16
<i>Самарова М. А. (Ижевск)</i> Роль приглашенных специалистов в учебной деятельности факультета удмуртской филологии	22
<i>Андрианова Е. М., Гаврилова В. Г., Сергеев О. А. (Йошкар-Ола)</i> Преподавание финского языка в марийском государственном университете	25
<i>Ефремов Д. А. (Ижевск)</i> Деятельность Международных курсов «Язык и вербальная культура удмуртского народа» как средство сохранения и развития удмуртского этноса в условиях глобализации	32
<i>Лобанова А. С. (Пермь)</i> Финно-угорский компонент в учебном плане коми-пермяцко-русского отделения ПГПУ	36
<i>Лудыкова В. М. (Сыктывкар)</i> Коми язык в новых социально-экономических условиях: проблемы развития и преподавания	40
<i>Водясова Л. П. (Саранск)</i> Интегративное изучение лингвистических микросистем как способ преодоления поляризации в выражении ценностного отношения к национальным языкам полиэтнического региона	48
<i>Каракулов Б. И. (Глазов)</i> Некоторые спорные вопросы удмуртской грамматики в связи с обучением удмуртскому языку	52

Кибардина Т. М. (Можга) Можга педколледжысь дышетӥсьёслэн удмурт кылэз дышетон удысын ужамзы	61
Попова О. А. (Пермь) К вопросу об учебно-методическом обеспечении преподавания родному языку в среднем звене коми-пермяцкой школы	64
Богданова Е. Ю. (Глазов) Работа над речевой связностью и логичностью текста на уроках русского языка в национальной школе (в рамках задания «С» ЕГЭ по русскому языку)	69
Кузнецова Р. А. (Ижевск) Колыбельные песни как средство приобщения детей дошкольного возраста к диалогу культур	73

Статьи и исследования

Бусыгина Л. В. (Ижевск) Территориальное распространение и происхождение наименований комара в удмуртском языке	77
Кузнецова Р. А., Кузнецова Т. Г. (Ижевск) Лингвистические особенности колыбельных песен (на материале русского, удмуртского и венгерского языков)	87
Максимов С. А. (Ижевск) Территориальное распространение и происхождение названий чеснока в удмуртском языке	93
Насипов И. С. (Стерлитамак) О типах татарско-финно-угорских языковых контактов в Волго-Камье	100
Сайнахова А. И. (Ханты-Мансийск) Лексико-семантические разряды слов	109
Стрелкова О. Б. (Ижевск) Дробные числительные удмуртского языка: способы выражения и особенности употребления в речи	117
Тот С. (Таллин) Проблема датировки опосредованного пермизма <i>peltenis</i> ~ <i>pelteņi</i> ‘пельмень ~ пельмени’ в латышском языке в свете новых данных	124

Предисловие

Факультет удмуртской филологии, созданный в 1992 году на базе трех кафедр, в настоящее время является одновременно образовательным и научным финно-угорским центром, способствующим развитию международного сотрудничества. Международная деятельность факультета главным образом направлена на развитие и поддержку контактов с западными финно-угорскими центрами. Создаваемые при этом возможности участия студентов в реальной коммуникации способствуют повышению уровня знаний наших выпускников и формированию целостного культурного образовательного пространства. Умение осуществлять мыслительную деятельность не только на родном, но и на иностранном языке имеет неоценимое значение в условиях глобализации, толерантности и национальной идентификации общества и личности.

С момента открытия на факультете специализации «удмуртский язык и литература, финский/венгерский язык» (первый прием был осуществлен 1995 году) появилась возможность изучать финский и венгерский языки на профессиональном уровне с целью знакомства с научной литературой и развития научных кадров по удмуртской филологии. Изучение дальнородственных языков способствует введению в научный оборот нового обширного материала в области удмуртского языкознания в сравнительно-сопоставительном аспекте. Для открытия и подготовки документации по данной специализации в свое время много сил вложили В. К. Кельмаков, С. Хяниккяйнен, И. Козмач, Г. А. Ушаков, А. В. Ишмуратов, С. Т. Арекеева, Л. П. Федорова, Г. В. Горбушина.

В настоящее время значительную роль в подготовке специалистов по специализации «удмуртский язык и литература, финский/венгерский язык» играет кафедра общего и финно-угорско-

угорского языкознания (заведующий кафедрой доктор филол. наук, профессор В. К. Кельмаков). Выпускники финно-угорского отделения ныне работают в различных областях. За десять лет выпускники специализации «удмуртский язык и литература, финский/ венгерский язык» достигли определенных результатов как в области науки, так и образования.

Предлагаемый сборник статей составлен на основе научных докладов, сделанных на Международной научно-практической конференции «Финно-угорские языки в образовательном пространстве», посвященной юбилею специализации «удмуртский язык и литература, финский/венгерский язык». Конференция состоялась 18–19 марта 2010 года на базе факультета удмуртской филологии Удмуртского государственного университета. Целью научно-практической конференции явились использование и распространение инновационного опыта, накопленного в области преподавания финно-угорских языков как в вузовской, так и школьной системе образования; демонстрация возможностей новых педагогических технологий и использования их в процессе обучения; расширение научно-методического сотрудничества между российскими и зарубежными образовательными учреждениями.

Сборник материалов конференции отражает современное состояние преподавания финского и венгерского языков в Удмуртском государственном университете и других финно-угорских вузах России. В работах отражаются проблемы функционирования и развития финно-угорских языков, освещаются вопросы приобщения учащихся к диалогу культур через языковую картину мира. Статьи и исследования посвящены отдельным научным вопросам в области современного финно-угорского языкознания.

М. А. Самарова

ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ

В. К. Кельмаков (Ижевск)

Ab ovo ... до “финно-угорского отделения”

0. Открытию **“финно-угорского отделения”** (точнее, специализации “удмуртский язык и литература, венгерский язык” и “удмуртский язык и литература, финский язык”), 15-летие которого мы нынче отмечаем, предшествовал ряд важных событий в жизни нашего учебного заведения и факультета, таких событий, которые и создали условия и базу для его основания.

1. Первым и наиболее важным из них, т. е. тем самым *divit*-ом, который обозначен в заголовке статьи, явилось **преобразование Удмуртского государственного педагогического института им. X-летия УАО в Удмуртский государственный университет им. 50-летия СССР**. Вслед за Постановлением Совета Министров СССР № 150 от 5 марта 1971 г. «Об организации Удмуртского государственного университета», которое явилось ответом на соответствующее предложение Совета Министров РСФСР и Министерства высшего и среднего специального образования СССР, вышло Постановление Совета Министров РСФСР № 181 от 26 марта 1971 г., обязавшее Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР «организовать в 1972 г. в г. Ижевске Удмуртский государственный университет на базе Удмуртского государственного педагогического института Министерства просвещения РСФСР <...>» (цитируется по: [Пузанов, Верижникова 2001: 87–88]. Общественная презентация (такое слово тогда еще не было в ходу) университета состоялась 16 октября 1972 г. во Дворце культуры “Ижмаш”. Правда, уже до этой даты многие факультеты, в их числе наш филологический, приступили к работе по университетскому учебному плану; для удмуртско-русского отделения (в обычной речи называемого “удмуртским отделением”) такой план был составлен доцентом

И. В. Таракановым, заведовавшим в то время кафедрой удмуртского языка и литературы.

Создание в республике университета явилось исключительно важным событием не только для удмуртского отделения, но и всей удмуртской филологии в целом, ибо впервые в истории высшего филологического образования республики в солидном объеме были включены в учебный план такие специальные и обобщающие учебные дисциплины по языкознанию, как “Введение в удмуртскую и финно-угорскую филологию”, “История изучения удмуртского языка”, “Удмуртская диалектология”, “Удмуртская ономастика”, “Историческая грамматика удмуртского языка”, “Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков”, “Коми язык”, “Практический курс венгерского языка”, “Сравнительная грамматика финно-угорских языков” и др., которые не только значительно углубили лингвистическую подготовку удмуртских студентов, но и способствовали дальнейшему развитию удмуртского языкознания в указанных направлениях.

Ведение всех этих “университетских” дисциплин, за исключением коми языка, было поручено мне, недавнему аспиранту Института языкознания АН СССР (1964–1968 гг.), лишь в сентябре 1971 г. перешедшего на работу из Удмуртского научно-исследовательского института в Удмуртский пединститут; а традиционно читаемые лингвистические дисциплины – различные разделы современного удмуртского языкознания (лексикология, фонетика, морфология, синтаксис) – оставались за прежними кадрами кафедры удмуртского языка и литературы – доцентами И. В. Таракановым и Р. И. Яшиной. Правда, некоторые из вышеперечисленных курсов, в частности удмуртская диалектология и историческая грамматика удмуртского языка, в небольшом объеме велись И. В. Таракановым еще до преобразования пединститута в университет в конце 60-х – начале 70-х гг., тем не менее в моем распоряжении не оказалось ни записей этих лекций (я выпустился из пединститута несколько раньше – в 1964 г.), ни рабочих программ и других документов по ним (в пединституте еще не было принято издавать учебно-методические пособия для студентов), так что все вышеназванные дисциплины пришлось разработать почти с “нуля”. К тому же ряд узловых проблем, связанных

с ними, не был исследован в удмуртском языкознании и в теоретическом отношении; это касалось в первую очередь удмуртской диалектологии, исторической фонетики и истории удмуртского языкознания. Именно эти последние учебные дисциплины впоследствии надолго закрепились за мной не только как предмет университетского преподавания, но и в качестве объекта научного исследования.

Впрочем, возложенная на меня тогда ноша не казалась для меня излишне обременительной, ибо я имел, помимо огромного желания и неумной энергии, еще и неплохую для своего времени “московскую” аспирантскую подготовку и, следовательно, неплохую осведомленность в различных областях удмуртского языкознания и финно-угристики:

1) в связи с работой над кандидатской диссертацией по диалектологии мне пришлось ознакомиться в московских библиотеках (Государственной библиотеке им. В. И. Ленина и библиотеке Института языкознания АН СССР) со многими имеющимися в них и получаемыми по МБА из других книгохранилищ страны отечественными (в том числе изданными у нас в республике) и зарубежными публикациями не только в области удмуртской лингвистики и по другим финно-угорским языкам, но и по ранней истории удмуртов;

2) в рамках подготовки к кандидатскому экзамену по специальности (“удмуртский язык с финно-угроведением”) я проштудировал ряд изданий из финно-угроведческой классики, которые в те времена в Ижевске вообще невозможно было и найти;

3) в качестве дальнеродственного языка, обязательного в аспирантском образовании по языку, я выбрал свою юношескую “школьную мечту” – венгерский язык, и, проработав определенное время с В. И. Клепко, который в то время преподавал слушателям военной академии этот язык в качестве второго иностранного, я вскоре начал переводить специальную литературу с венгерского. И в этой череде первой переведенной мною с венгерского языка работой оказалась статья К. Редее “Vannak-e az előmagyar-permi érintkezésnek nyelvi nyomai” [Rédei 1964];

4) знание венгерского языка, хотя и пассивное, явилось для меня ключом ко многим исследованиям в области удмуртско-

го и финно-угорского языкознания; однако особенно впечатляющим и весьма полезным среди них оказался вузовский учебник П. Хайду «Bevezetés az urali nyelvtudományba» [Hajdú 1966] – я приобрел его в московском книжном магазине “Дружба”, специализировавшемся на продаже изданий из социалистических стран. При отсутствии в нашей стране обобщающего исследования по уралистике (такая работа в трех томах вышла лишь в 1974–1976 гг. под общим названием «Основы финно-угорского языкознания» [Основы 1974; 1975; 1976]) книга П. Хайду оказала мне неоценимую помощь не только в систематизации разрозненных и порою противоречивых сведений в области финно-угристики, полученных мною из монографий и статей по частным вопросам, но и на первых порах теоретической основой для ведения курса “Сравнительная грамматика финно-угорских языков” в УдГУ;

5) пользуясь своими “международными связями”, налаженными в Москве, и услугами книжного магазина “Дружба” и знаменитой “Ленинки”, я смог существенно обогатить свою личную библиотеку зарубежными и ранними российскими изданиями или их ксерокопиями, так что, приступая к преподаванию ряда вышеперечисленных университетских дисциплин, я не только имел соответствующее представление о важнейших финно-угроведческих и удмуртоведческих исследованиях в виде конспектов или понаслышке, но и лично располагал самими изданиями.

Вопрос о том, который же из дальнеродственных языков – венгерский или финский – ввести в университетский учебный план, разумеется, не мог дискутироваться по той простой причине, что финским языком в то время никто в республике не владел, о венгерском же хоть кто-то на кафедре имел определенное представление. К тому же по счастливой случайности обнаружился и «Учебник венгерского языка» В. С. Иванова [1961], некогда по настоянию Г. А. Архипова приобретенный Глазовским государственным педагогическим институтом в количестве 15 экземпляров, но по прошествии определенного времени списанный за ненужностью и в полном составе переданный в распоряжение Удмуртского университета. Именно по этому учебнику наши студенты, выбравшие лингвистическую специализацию, знакомились с венгерским языком в течение не одного десятка лет.

По учебному плану этой специализации на венгерский язык отводилось в зависимости от учебного года от 56 до 72 часов, что было ничтожно мало для практического освоения языка, но, по видимому, вполне достаточно для ознакомления с весьма сложной фонетикой венгерского языка и получения определенного представления о его морфологии. Тем не менее силами студентов лингвистической специализации, которые слушали курс венгерского языка, проводились небольшие мероприятия в пределах удмуртского отделения, посвященные Венгрии, с коротенькими докладами и чтением стихов на венгерском, удмуртском и русском языках. С этой целью чаще всего пользовались сборником песен и стихов Ш. Петефи, изданном в республике на трех языках [Петефи Шандор 1975].

Значительно позднее библиотека Удмуртского университета в большом количестве приобрела «Практический курс венгерского языка», составленный А. Науменко-Папп [1982], который, правда, для ознакомительного курса оказался все же несколько сложноватым.

2. Вторым немаловажным событием явилось то, что в 1992 г. под руководством ректора УдГУ профессора В. А. Журавлева и при деятельном участии первого проректора профессора Г. А. Ушакова **удмуртскому отделению был придан статус самостоятельного факультета**. Вновь образованный факультет получил бóльшую свободу и возможность:

во-первых, основательно закрепить в учебном плане соответствующие лингвоисторические и финно-угроведческие дисциплины, способствующие повышению научного уровня подготовки будущих удмуртских филологов;

во-вторых, относительно более свободно распоряжаться возможностью приглашения преподавателей из иностранных вузов;

в-третьих, перестроить факультет в структурном отношении. При формировании системы структурных подразделений в руководящих кругах университета были серьезные сомнения в необходимости создания новых кафедр германских языков и русской филологии при наличии аналогичных – как говорили тогда, “материнских” – кафедр на других филологических факультетах. Решающими при создании их на факультете оказались два довода:

1) обе эти кафедры, наравне с двумя остальными (кафедрой удмуртского и финно-угорского языкознания и кафедрой удмуртской литературы), оказались выпускающими;

2) целью создания этих кафедр было осуществление преподавания русского и иностранных языков с учетом особенностей родного (удмуртского) языка учащихся.

3. Третьим важным событием на пути к созданию “финно-угорского отделения” явилось разделение в 1994 г. кафедры удмуртского и финно-угорского языкознания на две, в результате чего, параллельно с кафедрой удмуртского языка и методики его преподавания, **появилась кафедра общего и финно-угорского языкознания**. В обязанности последней было вменено ведение трех циклов общих и специальных дисциплин, связанных:

1) с языкознанием (“Введение в языкознание”, “Общее языкознание”);

2) с историей удмуртского языка и языкознания (“История изучения удмуртского языка”, “Удмуртская диалектология”, “Удмуртская ономастика”, “Историческая грамматика удмуртского языка” и др.) и

3) с финно-угроведением (“Введение в удмуртскую и финно-угорскую филологию”, коми язык, практический курс венгерского языка, “Сравнительная грамматика пермских и финно-угорских языков” и др.).

Заметим, что преподавание венгерского и коми языков в то время не ставило своей целью обучение студентов этим языкам, а служило лишь созданию определенной базы для лучшего усвоения материала по истории удмуртского языка и основам финно-угроведения.

Создание специализированной кафедры дало возможность целенаправленно готовить преподавательские кадры для работы со студентами будущего финно-угорского отделения, и организационная работа с этой целью была направлена, с одной стороны, на подбор кадров – принятие на работу выпускников своей же аспирантуры (М. А. Самарова, Д. А. Ефремов, Н. В. Кондратьева) и, с другой стороны, на обучение их финно-угорским языкам через стажировки в Венгрии и Финляндии. Так, Г. Н. Лесникова 5 лет работала приглашенным лектором удмуртского языка в Венгрии, там же прошел годичную стажировку Д. А. Ефремов;

в Финляндии стажировались (некоторые неоднократно) М. А. Самарова, Д. А. Ефремов, В. К. Кельмаков, Н. В. Кондратьева; в Республике Коми – М. А. Самарова.

4. Следующим шагом к открытию финно-угроведческой специализации на удмуртском отделении явилось **приглашение в 1994 г. на факультет удмуртской филологии лекторов Иштвана Козмача (Kozmács István) и Сары Хянникяйнен (Sara Hännikäinen)** с целью преподавания венгерского и финского языков в качестве обязательной дисциплины для студентов, специализирующихся в области удмуртской лингвистики, а также как факультативного курса – для всех желающих. Приезд венгерского и финского специалистов имел далеко идущее положительное значение для открытия так называемого “финно-угорского отделения”:

1) венгерский и финский (или вообще иностранный) язык впервые в истории Удмуртского университета начали преподавать не только специалисты высокого класса, но и носители языка, что имело большую притягательную силу для студентов;

2) приглашенные лекторы, если даже первоначально и не владели удмуртским языком в совершенстве, но уже в определенной степени знали его. Так, И. Козмач, будучи студентом Сегедского университета, специализировался по удмуртскому языку и писал дипломную работу об удмуртских именах под руководством проф. Петера Домокоша; С. Хянникяйнен, студентка Туркусского университета, была одной из лучших среди тех, кто занимался удмуртским языком на курсах, организованных Хельсинкским и Туркусским университетами в 1992–1993 и 1993–1994 учебных годах (6 часов в неделю; преподаватель – доц. В. К. Кельмаков). Знание удмуртского языка позволило им использовать оптимальную методику преподавания своих родных языков в удмуртской аудитории;

3) немаловажным оказалось и то, что вместе с преподавателями “пришла” на факультет большая и разнообразная учебно-методическая, справочная и научная литература по венгерскому, финскому языкам и финно-угроведению, причем не только на этих языках, но и на ряде других – немецком, английском, шведском. И эта литература постоянно пополняется.

5. Конкретным, завершающим этапом к открытию финно-угорского отделения на факультете удмуртской филологии явились переговоры, состоявшиеся весной 1995 г. между ректором Удмуртского университета профессором В. А. Журавлевым, с одной стороны, и преподавателями кафедры общего и финно-угорского языкознания В. К. Кельмаковым (заведующим кафедрой), И. Козмачем и С. Хянникяйнен, – с другой. На этом приеме и было получено устное принципиальное согласие ректората на такой шаг.

И, наконец, с сентября 1995 г. была официально открыта очередная удмуртско-иностранный (наряду с уже имевшимися удмуртско-немецкой и удмуртско-английской) специализация, присваивающая выпускникам факультета следующие специальности: “Филолог. Преподаватель удмуртского языка и литературы, венгерского языка” и “Филолог. Преподаватель удмуртского языка и литературы, финского языка”, т. е. так называемое “финно-угорское отделение” (о структуре “отделения” и распределении часов финно-угроведческого цикла в его учебном плане в 1990–2000-е гг. подробнее см.: [Кельмаков 2002: 158–160]). Однако окончательное утверждение учебного плана специализации в Министерстве произошло лишь в конце 1990-х гг. при деятельном участии тогдашнего декана факультета удмуртской филологии доцента А. В. Ишмуратова.

Функционирование на факультете удмуртской филологии “финно-угорского отделения” имеет огромное значение не только для развития удмуртской филологической науки (это может быть предметом специального разговора), но и для всего университета в целом как одно из его немаловажных звеньев, через которые осуществляется непосредственная живая связь нашего учебного заведения со многими вузами Российской Федерации (Республики Коми, Мари-Эл, Мордовии, Карелии, Югры, Пермь) и зарубежных стран (Венгрии, Финляндии, Эстонии, Германии, Франции и др.), где ведется преподавание и научное изучение языка и культуры финно-угорских народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Иванов, В. С. Учебник венгерского языка / В. С. Иванов. – М. : Изд-во лит. на иностр. языках, 1961. – 346 с.

Кельмаков, В. К. К истории удмуртского и пермского языкознания: Хрестоматия по курсу “История изучения удмуртского языка”. Ч. I / В. К. Кельмаков. Удм. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. – Ижевск : Изд. дом «Удмуртский университет», 2002. – 445 с.

Науменко-Папп, А. Практический курс венгерского языка / А. Науменко-Папп. – М. : Высш. школа, 1982. – 351 с.

Основы 1974 – Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков / АН СССР. Ин-т языкозн. – М. : Наука, 1974. – 484 с.

Основы 1975 – Основы финно-угорского языкознания: Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки / АН СССР. Ин-т языкозн. – М. : Наука, 1974. – 348 с.

Основы 1976 – Основы финно-угорского языкознания: Марийский, пермские и угорские языки / АН СССР. Ин-т языкозн. – М. : Наука, 1976. – 464 с.

Петефи Шандор: Стихи на венгерском, удмуртском и русском языках. – Ижевск : Удмуртия, 1975. – 96 с.

Пузанов, В. В. История Удмуртского государственного университета. Краткие очерки. 1931–2001 гг. / В. В. Пузанов, И. В. Верижников. – Ижевск : НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2001. – 272 с.

Hajdú, P. Bevezetés az urali nyelvtudományba (A magyar nyelv finnugor alapjai). – Budapest: Tankönyvkiadó, 1966. – 180 l.

Rédei, K. Vannek-e az előmagyar-permi érintkezésnek nyelvi nyoma? // NyK 1964. LXVI/2. 253–261 old.

Н. В. Кондратьева (*Ижевск*)

**О преподавании финского и венгерского языков
в Удмуртском государственном университете**

Кажется, это было совсем недавно и ново: в Удмуртском государственном университете (г. Ижевск, Россия) на базе факультета удмуртской филологии в 1995 году было открыто финно-угорское отделение, присваивающее выпускникам специальность «Филолог. Преподаватель удмуртского языка и литературы, финского/венгерского языка» (см. об этом: [Кельмаков 2002: 32–45; 2002а: 148–162]). Сегодня кафедра общего и финно-угорского языкознания отмечает ответственную дату – 15-летие со дня основания специализации «Удмуртский язык и литература, финский/венгерский язык». Огромная роль в формировании данной специализации принадлежит кафедре общего и финно-угорского языкознания. С одной стороны, пятнадцатилетие – это небольшой срок, когда важные достижения и результаты ждут еще впереди, с другой стороны – уже имеется узнаваемое имя, добротная репутация и профессиональные успехи.

У истоков деятельности кафедры общего и финно-угорского языкознания стояли такие высокообразованные, талантливые люди, как доктор филол. наук, профессор И. В. Тараканов, доктор филол. наук, профессор Г. А. Ушаков, а также В. К. Кельмаков – бессменный заведующий кафедрой, доктор филологических наук, профессор университета, автор многих рабочих программ и учебных пособий, человек масштабно и современно мыслящий, мудрый профессиональный наставник, сумевший создать дружный коллектив преподавателей-единомышленников. Под его руководством более десяти лет на кафедре работают кандидаты филологических наук М. А. Самарова, Г. Н. Лесникова, Д. А. Ефремов, Н. В. Кондратьева, старший преподаватель Н. А. Сергеева, методист З. Б. Байбекова, заведующий кабинетом удмуртского языка Р. А. Шкляева и методист кабинета А. А. Калинина. Этот дружный коллектив и определяет парадигму развития кафедры, принципы ее деятельности, дух и традиции коллектива, закладывает основы профессиональной и этической культуры каждого члена кафедры. Весомый вклад в развитие кафедры внесли также преподаватели финского

и венгерского языков канд. филол. наук П. И. Воронцов, канд. филол. наук Е. Б. Белова, канд. филол. наук О. Б. Стрелкова, ассистенты С. Г. Конева, Е. Ю. Щеклеина, О. В. Титова, Л. М. Ившин, Н. Ф. Гусева, В. А. Кириллова и др.

Живую струю в развитие кафедры вливают приглашенные лекторы – преподаватели финского и венгерского языков. Основоположниками этой доброй традиции стали преподаватели с большой буквы и просто замечательные люди – Сара Хянкяйнен и Иштван Козмач, проделавшие большую организационную работу по внедрению финского и венгерского языков в учебный процесс. В дальнейшем преподавание финского языка было подхвачено молодыми специалистами финского языка – Лаурой Пертиля, Эсой-Юсси Салминеном, Кайсой Хууско, Симом Кантелем; венгерского языка – Фейшем Ласлом, Чабой Надем Имрем, Юдит Майорош, Силардом Тотом, Миклошем Деметером. Их личностные и профессиональные качества позволяют поддерживать неутомимый интерес к финскому и венгерскому языкам и культуре среди студентов кафедры и университета в целом.

Профессорско-педагогический состав кафедры проводит большую научно-исследовательскую работу, принимает самое активное участие в организации и проведении различных научных мероприятий (см. подробнее: [Кельмаков 2002а: 163–185]), а также постоянно стремится к развитию и совершенствованию системы и методов преподавания, старается систематически улучшать и модернизировать учебные материалы и содержание каждого курса.

Как уже отмечалось выше, выпускники кафедры общего и финно-угорского языкознания получают двупрофильное образование. Образовательные программы позволяют раскрыть творческий потенциал студента, сформировать целостный взгляд на его будущую профессию и свое место в ней. Помимо общелингологических дисциплин и дисциплин по удмуртскому языку и литературе, учебный план для студентов финно-угорского отделения включает изучение таких предметов как практический курс финского/венгерского языка (1194 ч.), теоретическая фонетика финского/венгерского языка (36 ч.), теоретическая грамматика финского/венгерского языка (24 ч.), диалектология финско-

го/венгерского языка (18 ч.), лексикология финского/венгерского языка (18 ч.), история финского/венгерского языка (12 ч.), страноведение Финляндии/Венгрии (18 ч.), история финской/венгерской литературы (36 ч.), сопоставительная грамматика финского/венгерского и удмуртского языков (36 ч.), фольклор финского/венгерского народа (34 ч.) и др. Основная задача обучения в рамках данной учебной программы – дать студентам такую подготовку в устной и письменной коммуникации, которая позволила бы им не испытывать серьезных затруднений в повседневном бытовом и рабочем общении с носителями языка, обеспечить их достаточным уровнем знаний языка и культуры, чтобы впоследствии в своей профессиональной или исследовательской деятельности они смогли пользоваться источниками информации на финском/ венгерском языке. По завершении обучения все студенты сдают государственный экзамен, выявляющий уровень знаний, умений и навыков выпускника по изучаемому языку. Многие студенты защищают свои выпускные квалификационные работы по тематике, связанной с языком и культурой Финляндии и Венгрии.

Важным звеном в системе учебного процесса является организация самостоятельной работы студентов, а также проведение внеучебных мероприятий, в частности, работа киноклуба, организация и проведение финно-угорских национальных праздников, проведение дней финно-угорских народов в университете и школах Удмуртии и т. д. Формированию навыков письменного перевода с финского/венгерского языка на удмуртский способствует участие студентов в работе летнего университета «Школа переводчика», деятельность которой уже на протяжении пяти лет финансируется обществом М. А. Кастрена. Значимость этой работы заключается не только в знакомстве удмуртского читателя с классиками финской литературы, но и в том, что материал переводов становится объектом для научных сопоставительно-типологических исследований и участвует в кодификации норм современного удмуртского языка. Большое значение для становления будущего специалиста имеет прохождение педагогической практики по финскому и венгерскому языкам в школах и гимназиях республики. На сегодняшний день изучение данных предметов осуществляется в Гимназии № 56, школе № 97 и

УГНЦ им. К. Герда г. Ижевска и основывается на нормативно-правовую базу, регламентирующую образовательный процесс в сфере общего образования. В частности, согласно нормативно-правовым документам, преподавание финского языка может вестись как в соответствии с Федеральным компонентом государственного стандарта общего образования, обязательными минимумами содержания основного и среднего (полного) общего образования, так и в соответствии с региональным (национально-региональным) компонентом государственного стандарта (см. об этом подробнее: [Богданова 2010: 467–470]).

Учитывая требования современной системы образования, при котором акцент в подготовке выпускников-специалистов, бакалавров, магистров постепенно смещается в сторону формирования многомерной творческой личности с высокой креативной и исследовательской культурой, способной эффективно действовать в профессиональной и социальной среде, основным направлением работы кафедры в настоящее время является повышение уровня преподавания родственных языков и совершенствование учебных программ по практическим и теоретическим дисциплинам. Прежде всего это достигается путем использования в учебном процессе современных информационных технологий, а также изучения опыта преподавания иностранных языков в других вузах страны и за рубежом. Как показал многолетний опыт, при преподавании финского языка удмуртским студентам большую помощь оказывает знание родного языка. Именно поэтому при обучении начальному и элементарному владению языком занятия ведут местные преподаватели венгерского и финского языков (Д. А. Ефремов, Г. Н. Лесникова М. А. Самарова, Н. В. Кондратьева, О. Б. Стрелкова, и др.), тогда как на более продвинутых уровнях студенты совершенствуют свои знания, умения и навыки под руководством приглашенных лекторов, при этом и они, в той или иной степени владеющие удмуртским языком, нередко обращаются к родному языку студентов.

Важную роль при формировании языковой компетенции выпускника играют зарубежные стажировки. Как показывает прак-

тика, участие на летних курсах финского и венгерского языков или прохождение практики по программе «Suomea Suomessa» способствуют не только формированию опыта общения на изучаемом языке и сбору фактического материала для написания исследовательских работ, но и меняют отношение к родному – удмуртскому – языку: студенты начинают бережнее относиться к своему родному языку и национальным традициям, формируются толерантное отношение к другим языкам и культурам.

За время существования кафедры из стен университета вышло более двухсот выпускников-специалистов по финскому и венгерскому языкам. Более трехсот человек знания по указанным языкам получали в рамках дополнительного образования. Выпускники финно-угорского отделения факультета удмуртской филологии работают учителями родного и финского языков в средней и высшей школе, в редакциях национальных журналов и газет, обучаются в аспирантуре российских и зарубежных вузов. Они востребованы как квалифицированные переводчики в различных фирмах, туристических организациях и бюро переводов по всей России и за рубежом.

Следует отметить, что целевой аудиторией по изучению финского/венгерского языков в Удмуртском государственном университете являются не только студенты. Интерес к изучению родственных языков проявляют профессорско-преподавательский состав факультета, а также начинающие исследователи. Знание языков позволяет открыть широкие горизонты: это и знакомство с научной литературой, написанной на иностранных языках, и проведение исследований в сопоставительно-типологическом аспекте, и повышение профессиональной компетентности в целом. Благодаря финансовой поддержке Центра Интернациональной Мобильности (СИМО, Финляндия) и Министерства образования Венгерской Республики профессорско-преподавательский состав и аспиранты Удмуртского госуниверситета имеют возможность проходить научные стажировки в высших учебных заведениях Финляндии и Венгрии, работать в библиотечных и архивных фондах этих стран, разрабатывать исследовательские темы, касающиеся финно-угорских языков и литератур в историко-сопоставительном аспекте, готовить монографические исследования, учебно-методические пособия и др.

За пятнадцать лет активной деятельности кафедры высшая школа РФ претерпела серьезные изменения, сформировалась новая концепция развития гуманитарных наук. В этом отношении кафедра общего и финно-угорского языкознания шагает в ногу со временем, и юбилей специализации она встречает еще с одним нововведением – переходом на двухуровневую систему образования, что будет способствовать дальнейшему процессу интеграции кафедры в международное научное и образовательное пространство.

Юбилеи бывают разные и отмечают их по-разному. Пятнадцать лет специализации «удмуртский язык и литература, финский/венгерский язык» – это лишь определенный этап в развитии кафедры общего и финно-угорского языкознания, когда позади остаются пятнадцать лет энтузиазма, творчества, совершенствования и развития, а впереди ожидают новые проблемы и трудности, с одной стороны, успехи и вдохновения, – с другой. Неизменным остается любовь к университету, студентам и своей профессии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Богданова, Е. Финский язык в системе общего образования Республики Карелия / Е. Богданова. // Изучение и преподавание русского языка в Финляндии: Сб. статей / Под ред. А. Мустайоки и др. – СПб : Златоуст, 2010. – С. 465–480.

Кельмаков, В. К. Преподавание финно-угорских языков в Удмуртском университете в свете проведения национальной политики государства / В. К. Кельмаков. // Научные издания Московского Венгерского колледжа II / I. Актуальные вопросы финно-угроведения и преподавания финно-угорских языков. – М. : «Валанг», 2002. – С. 32–45.

Кельмаков, В. К. К истории удмуртского и пермского языкознания: Хрестоматия по курсу «История изучения удмуртского языка» / В. К. Кельмаков. Удмуртский государственный университет. Кафедра общего и финно-угорского языкознания. – Ижевск : Изд. дом «Удмуртский университет», 2002а. – 445 с.

М. А. Самарова (*Ижевск*)

Роль приглашенных специалистов в учебной деятельности факультета удмуртской филологии

В настоящее время ключевыми для всех областей образования являются принципы солидарности и партнерства. Современное открытое образовательное пространство предполагает рост мобильности студентов и сотрудничества преподавателей университетов разных стран. Сложный и многоплановый процесс обмена научными и культурными ресурсами, технологиями обучения обуславливает привлечение к учебной деятельности приглашенных специалистов.

Расширение международных связей Удмуртского государственного университета дало предпосылки для эффективного обучения иностранных языков, в том числе финского и венгерского. Финский и венгерский языки стали осознаться как средство общения, взаимопонимания, взаимодействия людей и как средство приобщения к культуре других народов.

Иностранные языки в современном мире требуются исключительно в качестве средства общения с людьми из других стран. Современный принцип коммуникативной направленности при обучении иностранным языкам требует овладения необходимым минимумом языкового и культурного материала для полноценного участия коммуниканта в речевой деятельности. Каждый урок иностранного языка является своеобразным перекрестком культур, практикой межкультурной коммуникации, где учащиеся через слово постигают иностранный мир и иностранную культуру, так как за каждым словом стоит обусловленное национальным сознанием представление о мире. Учитывая современные требования, в формировании языковой компетенции студентов важную роль в учебной деятельности факультета удмуртской филологии играют лекторы финского и венгерского языков.

Кафедра общего и финно-угорского языкознания в течение уже нескольких лет привлекает к учебному процессу приглашенных специалистов финского и венгерского языков. Сотрудничество осуществляется при помощи Центра Международной мобильности (СИМО, Финляндия) и Института имени Балашши Балинта (Венгрия). В рамках Программы поддержки финно-угор-

ских народов России эти организации оказывают содействие сохранению языков и культурной идентичности финно-угорских народов. С этой целью в 1994 году из Финляндии и Венгрии были направлены в Удмуртию преподаватели финского и венгерского языков. Зачинателями стали Сара Хяннякяйнен – лектор финского языка и Иштван Козмач – лектор венгерского языка. Именно эти преподаватели и заведующий кафедрой общего и финно-угорского языкознания, профессор В. К. Кельмаков проделали большую организационную работу по внедрению финского и венгерского языков в учебный процесс. Благодаря этой организационной работе в 1995 году на факультете удмуртской филологии была открыта специализация «удмуртский язык и литература, финский/венгерский язык», где финский и венгерский языки стали основными языками изучения.

Двупрофильная образовательная программа специализации «удмуртский язык и литература, финский/венгерский язык» включает изучение как практического курса финского/венгерского языка, так и теоретических курсов. Студенты изучают диалектологию, лексикологию, теоретическую грамматику, историю финского/венгерского языка, финскую/венгерскую литературу, страноведение Финляндии/Венгрии.

Для чтения теоретических курсов при поддержке СИМО и Института Б. Балинта привлекаются и лекторы из профессорско-преподавательского состава вузов Финляндии и Венгрии. В разное время для наших студентов читали лекции С. Сааринен – профессор Туркуского университета, Я. Саарикиви – профессор Хельсинкского университета, П. Домокош – профессора Будапештского университета, Ш. Чуч – профессор католического университета имени П. Пазманя (г. Пелишчаба).

Кроме преподавательской деятельности немаловажное значение имеет и научная деятельность приглашенных специалистов. Лекторы финского и венгерского языков являются активными участниками научных конференций и симпозиумов различного уровня, содействуют в организации и проведении мероприятий как научного, так и научно-практического плана. Благодаря организационной работе лекторов финского языка на факультете прошли семинары для преподавателей финского языка Российских вузов (2005). При содействии СИМО были организо-

ваны встречи со студентами Туркуского университета (2008) и со студентами Хельсинкского университета (2009) по проблемам Болонского процесса. Подобные семинары активизируют межличностное и межкультурное общение преподавателей и студентов. По инициативе и участии приглашенных лекторов проводятся выставки, киноклубы, встречи с финскими и венгерскими деятелями науки и культуры.

Знание иностранного языка расширяет кругозор, позволяет узнать культуру и обычаи другого народа, дает возможность общения с людьми и с другим пластом мировоззрения и ментальности. Приглашенными лекторами проводятся финские, венгерские национальные праздники, организуются дни финно-угорских народов. Знакомство с языком, культурой родственных народов меняет отношение студентов к родному языку и культуре. На основе знаний о языковых явлениях изучаемого языка формируются умения выражать мысли на родном и изучаемом языке разными способами. В процессе приобщения к культуре изучаемого финского/венгерского языка складываются умения представлять свой народ, его культуру в условиях иноязычного межкультурного общения.

Участвуя вместе со студентами в различных факультетских и университетских мероприятиях: например, в фестивале культур народов мира (13–16 апреля 2010 г), в факультетских научных и научно-практических конференциях различного уровня, приглашенные специалисты проявляют личностные и профессиональные качества, усиливая при этом интерес к изучаемому языку и культуре.

Огромную работу лекторы финского и венгерского языков ведут с нашими абитуриентами. Совместно с преподавателями кафедры общего и финно-угорского языкознания они выезжают в сельские школы в целях профориентационной работы. Знакомство с образовательной системой в Финляндии и Венгрии, знакомство с самими лекторами пробуждает интерес школьников к финскому и венгерскому языкам. Умение иностранных специалистов общаться на разных языках развивает у школьников понимания важности изучения иностранного языка в современном мире и потребности пользоваться им как средством общения, познания, самореализации и социальной адаптации.

Приглашение лекторов для факультета удмуртской филологии имеет значимость в нескольких направлениях:

а) благодаря приглашенным специалистам библиотека факультета пополняется научной и художественной литературой, учебными пособиями, периодическими изданиями, необходимыми для учебной и научно-исследовательской работы студентов и преподавателей;

б) решая проблему обеспеченности учебной литературой, создаются совместные учебно-методические издания, учитывающие особенности родного языка студентов;

в) лекторы финского и венгерского языков оказывают помощь в оформлении заявок на зарубежные стажировки студентам и преподавателям;

г) иностранные специалисты, поддерживая тесные связи со студентами и преподавателями факультета, проявляют содействие

в приглашении наших преподавателей в зарубежные вузы в качестве лекторов и стажеров;

д) продолжая свою научную деятельность, приглашенные преподаватели становятся исследователями и удмуртского языка и популяризаторами удмуртской культуры за рубежом.

Е. М. Андрианова, В. Г. Гаврилова, О. А. Сергеев (*Йошкар-Ола*)

Преподавание финского языка в марийском государственном университете

В ГОУ ВПО «Марийский государственный университет» финский язык преподаётся на трёх факультетах.

Ведущим центром преподавания финского языка в нашем университете является Институт финно-угроведения (ранее историко-филологический факультет).

Преподавание финского языка в МарГУ началось на историко-филологическом факультете в 1983 году. Из родственных финно-угорских языков на выбор студентов предлагались эстонский и финский языки. Безусловно, в советское время предпочтение отдавалось изучению эстонского языка. Студенты свой выбор мотивировали, в основном, возможностью побывать

в Эстонии, а также другим немаловажным аспектом выбора эстонского языка был и тот факт, что многие преподаватели МарГУ учились в аспирантуре г. Тарту (Эстония) под руководством академика П. Аристэ. В дальнейшем положение несколько изменилось: на сегодняшний день в связи с сокращением приема абитуриентов на наши специальности в институте изучается лишь финский язык. Впервые финский язык начал преподавать доктор филол. наук проф. Ю. В. Андуганов, в последующие годы со студентами марийского отделения работали доктор философии доцент С. П. Чеснокова, канд. филол. наук доцент Г. Н. Валитов, канд. филол. наук доцент В. Н. Васильев, канд. филол. наук доцент М. Ю. Андуганова. В настоящее время в Институте финно-угроведения на кафедре общего и финно-угорского языкознания финский язык преподают канд. филол. наук доценты О. А. Сергеев, Л. С. Матросова, В. Г. Гаврилова, Е. М. Андрианова, а также в своё время привлекались старшие преподаватели кафедры журналистики Г. В. Салмиянов и научный сотрудник МарНИИЯЛИ М. Т. Ипакова. Институт тесно сотрудничает с зарубежными вузами, в том числе и с университетами Финляндии. При поддержке СИМО в МарГУ были направлены лекторы для преподавания финского языка. Впервые в 1995 году побывала Райса Маянен (университет г. Турку), а также преподавали Анна-Майя Луоми (университет г. Хельсинки), Тимо Витанен (университет г. Турку), Анника Пасанен (университет г. Хельсинки), Эса-Юсси Салминен (университет г. Турку), Хилкка Ахола (университет г. Турку).

После реорганизации Марийского государственного университета в 2008 году (присоединение Марийского государственного педагогического института им. Н. К. Крупской) на базе историко-филологического факультета и гуманитарного факультета двух вузов образовались три структурных подразделения, одним из которых является Институт финно-угроведения. На сегодняшний день в Институте ведется подготовка специалистов по двум специальностям: 031001.65 – Филология. Языки и литературы народов России с дополнительной специализацией русский язык и литература / иностранный язык (английский) и 050302.65 – Родной язык и

литература с дополнительной специальностью иностранный язык (финский / английский). Всего в Институте финский язык изучают 85 студентов.

Согласно Государственному образовательному стандарту высшего профессионального образования по специальности «Филология» (марийский язык и литература, английский язык) изучение финского языка ведется по циклу гуманитарных и социально-экономических дисциплин на 1–2 курсах; по специальности «Филология» (марийский язык и литература, русский язык и литература) изучение финского языка предусмотрено по циклу общепрофессиональных дисциплин (иностраные языки) на втором курсе в течение двух семестров.

В 2005 году впервые был осуществлен набор абитуриентов по специальности «Родной язык и литература» с дополнительной специальностью иностранный язык (финский). Кроме данного цикла финский язык ведется также по блоку гуманитарных и социально-экономических дисциплин (иностраный язык). Цикл дисциплин дополнительной специальности состоит из следующих предметов: практический курс финского языка (1–2 курс), практический курс перевода финского языка, практикум по культуре речевого общения (3–5 курс). Распределение часов по дисциплинам см. в табл. № 1.

Таблица № 1

Название предмета	Специальность	Количество часов
Иностранный язык (финский)	Филология (марийский и английский)	340
Финно-угорские языки (финский)	Филология (марийский и русский)	700
Иностранный язык (финский)	Родной язык и литература	340
Практический курс финского языка	Родной язык и литература	538
Практический курс перевода финского языка с	Родной язык и литература	482

Практикум по культуре речевого общения	Родной язык и литература	480
Теория и методика обучения иностранному языку	Родной язык и литература	188
Итого		3068

Студенты специальности 050302.65. Родной язык и литература проходят педагогическую практику по финскому языку в IX семестре в объеме 6 недель. Изучение финского языка завершается сдачей государственного экзамена.

Студенты с большим интересом подходят к изучению финского языка. В учебном плане по специальности 031001.65 «Филология» включены дисциплины, охватывающие проблемы финно-угроведения в целом (введение в финно-угроведение, сравнительно-историческая грамматика финно-угорских языков, культура и традиции финно-угорских стран, языковые контакты финно-угорских народов, литература финно-угорских народов, фольклор финно-угорских народов). Следовательно, изучение финского языка на 1–2 курсах в дальнейшем содействует четкому и глубокому пониманию вышеперечисленных дисциплин.

Финский язык как язык изучаемого региона преподается на историческом факультете МарГУ для студентов специальности 032301.65. Регионоведение. Данная специальность открыта в 2001 году. Преподавание ведется по двум направлениям: изучение стран северной и восточной Европы. Набор студентов на эти направления чередуется, два года подряд набираются группы студентов, изучающих страны северной Европы и финский язык, и следующие два года производится набор студентов, изучающих страны восточной Европы и немецкий язык. По окончании университета студенты получают дополнительную квалификацию «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации». Преподавателем финского языка исторического факультета в настоящее время является канд. филол. наук доцент кафедры регионоведения В. Г. Гаврилова. На этапах становления дан-

ной специальности финский язык преподавали канд. филол. наук доцент Л. С. Матросова, канд. филол. наук доцент В. Н. Васильев. Курс «Язык изучаемого региона (финский)» предполагает 2528 часов. В VIII семестре студенты проходят переводческую практику на предприятиях, учреждениях и туристических фирмах и занимаются переводами аутентичных текстов с финского на русский и с русского на финский. Студенты сдают государственный экзамен

по финскому языку. В настоящее время на историческом факультете финский язык изучает 31 студент. За время существования специальности подготовлено всего 25 студентов, владеющих финским языком. Студенты участвуют в языковых курсах финского языка, проводимых как в Финляндии, так и в России, на конференциях разного уровня (ИФУСКО, «Северный дискурс»).

Факультет международных отношений является одним из престижных факультетов Марийского государственного университета. Финский язык преподается на этом факультете с 2005 года. В этом году состоится первый выпуск студентов, владеющих финским языком. Первыми преподавателями финского языка факультета международных отношений были доктор философии доцент С. П. Чеснокова, канд. филол. наук доцент В. Н. Васильев, канд. филол. наук доцент Л. С. Матросова. В настоящее время ведущим преподавателем факультета является старший преподаватель кафедры иностранных языков № 1 Л. В. Калашникова. Финский язык изучают студенты трёх специальностей: 030700.62 Международные отношения, 031202.65 Перевод и переводоведение, 031100.62 Лингвистика. Финский язык изучается как второй иностранный язык и как факультативная дисциплина «Европейские и восточные языки». Весь курс финского языка предполагает несколько предметов: Практический курс второго иностранного языка, Практический курс перевода, Практикум по культуре речевого общения, Письменный и устный перевод. Распределение часов согласно учебному плану по данным курсам выглядит таким образом (см. табл. № 2):

Таблица № 2

№	Название предмета	Специальность	Количество часов
1.	Практический курс второго иностранного языка	Международные отношения	860
2.	Практикум по культуре речевого общения	Международные отношения	520
3.	Европейские и восточные языки	Международные отношения	732
4.	Практический курс	Перевод и переводоведение	744
5.	Практический курс перевода	Перевод и переводоведение	900
6.	Практикум по культуре речевого общения	Перевод и переводоведение	1029
7.	Письменный и устный перевод	Перевод и переводоведение	250
8.	Европейские и восточные языки	Перевод и переводоведение	450
9.	Практический курс второго иностранного языка	Лингвистика	878
10	Практический курс перевода второго иностранного языка	Лингвистика	580
11	Практикум по культуре речевого общения	Лингвистика	580
12	Европейские и восточные языки	Лингвистика	450
	Итого		7973

Студенты данного факультета также проходят переводческую практику и сдают государственный экзамен по финскому языку: итоговый экзамен по второму иностранному языку и междисциплинарный экзамен по второму иностранному языку. Следует отметить, что факультет работает по балльно-

рейтинговой системе и европейской системе оценки знаний, участвует в эксперименте по введению зачетных единиц, что дает право перераспределять соотношение аудиторной и самостоятельной работы. В настоящее время финский язык на данном факультете изучает 48 студентов.

В 2005-2008 учебных годах финский язык как факультативная дисциплина преподавался в Институте экономики, финансов и развития (ранее экономический факультет). Преподаватель – канд. филол. наук доцент кафедры иностранных языков № 4 М. В. Сидорова. Финский язык изучали 22 студента этого института.

Таблица № 3

Количество студентов, изучающих финский язык,
на 2009/2010 учебный год

Факультет	Специальность	Кол-во студентов
Институт финно-угроведения	Филология	36
	Родной язык и литература	49
<i>Итого по институту</i>		85
Исторический факультет	Регионоведение	31
<i>Итого по факультету</i>		31
Факультет международных отношений	Международные отношения	11
	Перевод и переводоведение	15
	Лингвистика	17
<i>Итого по факультету</i>		48
Итого по университету		164

Для успешного изучения иностранных языков немаловажным фактором является наличие учебных пособий. В университете преподавание финского языка ведется, в основном, по таким учебникам, как *Suomea suomeksi* (Olli Nuutinen), *Suomen kielen alkeisoppikirja* (Anna-Liisa Lepäsmää, Leena Silfverberg), *Puhutaan suomea* (M. Mullanen, E. Hämäläinen, L.

Silfverberg), Учебник финского языка (В. В. Чернявская). Именно эти учебные пособия послужили базовым материалом при разработке учебно-методического комплекса по дисциплинам. Вышеперечисленные учебники имеются в библиотеке МарГУ, но не в достаточном количестве. В качестве дополнительных учебных пособий преподавателями используются и другие учебники финского языка, которые находятся на кафедре общего и финно-угорского языкознания, но в малом количестве или даже в одном-двух экземплярах. Ощущается нехватка учебно-методических пособий по финскому языку для студентов некоторых специальностей.

Финский язык и в будущем будет преподаваться в Марийском государственном университете. Успешное преподавание финского языка предполагает решение следующих задач:

- 1) обеспечение студентов учебно-методическими, аудио- и видеоматериалами;
- 2) открытие кабинета финского языка, оборудованного современными техническими средствами;
- 3) приглашение преподавателей финского языка из Финляндии.

Расширение сферы употребления финского языка мы видим через школу. В расписание гуманитарных школ и лицеев можно ввести предмет «Финский язык», в начале хотя бы как факультативное занятие.

Д. А. Ефремов (*Ижевск*)

Деятельность Международных курсов «Язык и вербальная культура удмуртского народа» как средство сохранения и развития удмуртского этноса в условиях глобализации

В июле текущего года были проведены X Международные летние курсы «Язык и вербальная культура удмуртского народа». Таким образом, в 2010 г. данные курсы справили свой юбилей, и, соответственно, хотелось бы сделать определенные выводы по проделанной работе.

В далеком 2001 году на базе факультета удмуртской филологии Удмуртского государственного университета были проведены первые курсы удмуртского языка и культуры для иностранных студентов. Необходимость организации подобных курсов назрела сама собой, поскольку было довольно много обращений от иностранных студентов, которые желали изучать удмуртский язык и познакомиться с традиционной культурой удмуртского народа. Начало этим курсам дали М. И. Безносова (начальник управления международных связей УдГУ) и П. И. Воронцов (декан ФУдФ в 2000–2001 гг.), которые после совместной деловой поездки в Хельсинкский университет Финляндии были поражены, узнав, как много студентов приезжает ежегодно изучать финский язык в различные вузы Финляндии. Воплотить идею в жизнь помогли профессор В. К. Кельмаков, который как знаток финно-угорского мира выступил в качестве консультанта, а в дальнейшем в течение длительного времени также и преподавал на этих курсах, и старший преподаватель кафедры германских языков

Г. П. Чиркова, которая была руководителем курсов с 2001 по 2004 гг. С 2005 г. организацию и проведение курсов полностью взяла на себя кафедра общего и финно-угорского языкознания, руководителем курсов с этого года является один из преподавателей этой кафедры Д. А. Ефремов. Проведение курсов не было бы возможным без финансовой поддержки Удмуртского государственного университета, Министерства национальной политики УР и Государственного Совета УР.

За 10 лет работы курсов в них принимали участие студенты из множества стран. Традиционно изучать удмуртский язык и знакомиться с культурой удмуртов приезжают представители финно-угорских стран – Венгрии, Финляндии и Эстонии; наряду с ними на курсах участвуют также желающие и из других стран – Германии, США, Австрии, Италии, Чехии, Нидерландов, Бельгии, Франции, Словакии, Польши. География курсов из года в год становится все шире и шире. Данные курсы заинтересовали не только иностранных студентов, но и некоторых наших соотечественников – на курсы приезжали из Сыктывкара и г. Апатиты Мурманской области.

Программа курсов включает начальный и продвинутый уровни изучения удмуртского языка; занятия ведут преподаватели с богатым опытом работы с иностранными студентами и знаниями нескольких языков. Кроме практических занятий по удмуртскому языку, по просьбе самих студентов проводятся лекции по диалектологии и истории удмуртского языка, а также по удмуртскому фольклору. За время проведения курсов занятия вели следующие преподаватели: В. К. Кельмаков, Р. А. Кузнецова, С. В. Герасимова, Н. В. Кондратьева, Г. Н. Лесникова, М. А. Самарова, Д. А. Ефремов, Н. В. Ильина, О. Б. Стрелкова, Е. Ю. Щеклеина, А. А. Кузнецов, В. А. Иванова.

Наряду с лекционными и практическими занятиями курсы предполагают богатую культурную программу. Студенты посещают различные музеи: Национальный краеведческий музей им. К. Герда, Дом-музей П. И. Чайковского, музей А. Оки и др.; знакомятся по возможности с городами и районами республики, в частности, курсанты выезжали в Сарапул, Воткинск, Глазов. Участники курсов встречаются с яркими представителями удмуртского народа, заслуженными деятелями науки и культуры, к примеру, профессорами университета (В. К. Кельмаковым, В. Е. Владыкиным, М. Г. Атамановым и др.), писателями (В. Ар-Серги, С. Матвеевым), художниками (Ю. Лобановым). Организуются встречи с представителями издательств газет и журналов.

Время проведения курсов в некоторых случаях корректируется относительно времени проведения культурных мероприятий республиканского масштаба. В 2005 году студенты участвовали в этнофутуристическом фестивале «Артана» (< удм. 'поленница' – символизирует единство представителей разных народов). В 2007 г. слушателей курсов пригласили на участие в открытом финно-угорском университете, который проходил в д. Нижние Юри Малопургинского района. На открытие летнего университета была приглашена студия народного танца «Эктон корка». Курсанты познакомились с удмуртскими народными танцами. В 2010 г. иностранные студенты, проявляя внимание к изучению удмуртского языка, вызвали заинтересованность родным языком участников языкового лагеря удмуртской молодежи наиболее подверженных русификации северных районов Удмуртской Рес-

публики. Иностранцы активно участвуют во всех мероприятиях, посвященных удмуртской культуре. Курсы проводятся в течение 3 недель. После каждой учебной недели иностранцы отправляются со студентами ФУдФ в деревню, в удмуртские семьи, где они получают возможность практически использовать полученные на занятиях знания по языку, а также познакомиться с традиционной бытовой культурой удмуртов.

Помимо основной задачи, стоящей перед студентами, – практическое овладение удмуртским языком – они занимаются сбором фактического материала. Собирав фольклорный и диалектологический материал, студенты пишут курсовые и дипломные работы, активно занимаются научным исследованием удмуртского языка. Многие из участников после окончания курсов приезжают в Удмуртию на стажировку или вторично на летние курсы для более глубокого изучения языка. Некоторые студенты из Финляндии и Венгрии впоследствии приезжали в Удмуртский университет в качестве лектора финского/венгерского языка.

Ежегодно деятельность курсов освещается на страницах газет, в теле- и радиопередачах: различные статьи вышли в таких газетах, как «Удмурт дунне», «Зечбур», «Центр», «Удмуртский университет»; о курсантах летних курсов делали репортажи телекомпании «ВГТРК Удмуртия», «Моя Удмуртия», «Новый регион». Радио Удмуртии неоднократно приглашало для участия в прямом эфире иностранных студентов, которые поражали своим уровнем владения удмуртским языком ведущих и слушателей.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что Международные курсы «Язык и вербальная культура удмуртского народа» имеют огромное значение в популяризации удмуртского языка и культуры как среди зарубежных участников, так и среди местного населения республики. Иностранцы приезжают в Удмуртию, проделав путь в несколько тысяч километров, изучают язык, знакомятся с удмуртской национальной культурой, участвуют в различных мероприятиях и, проявляя интерес к удмуртской нации, языку, пробуждают любовь и уважение удмуртов к своей культуре. Таким образом, деятельность летних курсов направлена не только на ознакомление мирового сообщества с самобытной культурой удмуртского народа, но, прежде всего,

на сохранение национального самосознания удмуртского этноса в условиях глобализации.

А. С. Лобанова (*Пермь*)

**Финно-угорский компонент в учебном плане
коми-пермяцко-русского отделения ПГПУ**

*Работа выполнена в рамках реализации гранта РГНФ.
Проект № 10-01-82108а-У*

Первые сведения о языке коми-пермяков, народа финно-угорской языковой семьи, относятся к концу XVII века прошлого тысячелетия. Долгие годы этот язык не считался самостоятельным, в силу разных причин (в большей степени из-за отсутствия необходимых исследований) многие лингвисты его принимали за диалект языка коми (зырян). Только во второй половине XX столетия, когда коми-пермяцкое языкознание состоялось как научное направление, ситуация стала меняться, хотя и сегодня многие лингвисты не отказались от сформулированного выше мнения.

С момента функционирования единого коми-пермяцкого литературного языка (с 20-х годов прошлого столетия) основная проблема состояла в том, что практически не было кадров со специальным филологическим образованием. Огромное количество учебников, выходивших в тот период на национальном языке (преподавание в школе осуществлялось на родном языке, и учебники, практически все, были переведены на коми-пермяцкий язык), нужно было разрабатывать в кратчайшие сроки. Эту проблему с 1940-го года вполне успешно решал Кудымкарский учительский институт (с трёхгодичным сроком обучения, где можно было получить так называемое неполное высшее образование), в составе которого был факультет коми-пермяцкого языка и литературы. В начале 50-х годов стало очевидным, что требуются специалисты родного языка и литературы, русского языка и литературы с базовым высшим педагогическим образованием. В условиях г. Кудымкар тогда эту задачу решить было практически невозможно. Единственным выходом из создавшегося положения могла стать организация и форми-

рование коми-пермяцко-русского отделения на базе одного из вузов. Судя по всему, рассматривалось несколько вариантов: этим вузом мог стать Сыктывкарский государственный университет, Институт народов севера в Ленинграде и Пермский (тогда Молотовский) государственный педагогический университет (тогда институт). Выбор пал на пермский вуз, и 55 лет тому назад, точнее 12 сентября 1955 года, ректором Молотовского (ныне Пермского) государственного педагогического института был подписан приказ о зачислении на первый курс коми-пермяцкого отделения филологического факультета 27 студентов-первокурсников.

За эти годы из стен ПГПУ выпущено около тысячи специалистов, учителей коми-пермяцкого языка и литературы, русского языка и литературы («учитель русского языка и литературы» является дополнительной специальностью).

Пермский государственный педагогический университет явился тем единственным вузом в России, где преподаётся современный коми-пермяцкий язык, изучается национальная литература, где учат бережно относиться к своим корням, любить и лелеять культуру родного народа.

Оглядываясь назад, осознаешь всю важность и правильность решения тех, кто стоял у истоков создания отделения. Их действия оправданы временем, неоценимым вкладом выпускников в культурное, педагогическое, научное развитие округа. Обучаясь за пределами распространения привычной культурной среды, студент больше и острее осознаёт, оценивает свою национальную индивидуальность. Профессорско-преподавательский состав университета, зная национальную специфику отделения, всегда учитывает эту особенность в своей педагогической практике.

Высшее филологическое образование по коми-пермяцкому языку и литературе сегодня можно получить только в названном учебном заведении – в Пермском государственном педагогическом университете.

За последние семь лет учебные планы по инициативе Министерства образования РФ дважды подвергались небольшим корректировкам. Не вдаваясь в детали всего учебного плана, отметим, что специальность «Родной язык и литература с дополни-

тельной специальностью» позволяет более раскованному распределению учебной нагрузки по коми-пермяцкому языку, литературе и фольклору. Следовательно, имеется возможность включения в учебный процесс и тех дисциплин, содержание которых связано с финно-угроведением вообще. Если бы студенты обучались по специальности «Русский язык с дополнительной специальностью», ситуация была бы иной.

Такие дисциплины как «Родной язык», «Родная диалектология», «Древние языки. Древнепермский язык», «История родной литературы», «Литература родственных народов», «Сопоставительное языкознание» и др., преподаются согласно Учебному плану специальности 033000.00 «Родной язык и литература с дополнительной специальностью». В рамках национально-регионального компонента и дисциплин по выбору сегодня на отделении ведется ряд, на наш взгляд, очень важных дисциплин. Дополняя друг друга, они позволяют выпускнику нашего отделения сформировать научную, научно-педагогическую картину места и роли в этом мире родного, коми-пермяцкого языка. Мы надеемся, что они несут не только познавательные функции, но и являются большим педагогическим, воспитательным моментом. Попытаемся прокомментировать некоторые из них.

На первом курсе во втором семестре студентам на выбор предложены спецсеминары: «Пассивная лексика коми-пермяцкого языка» и «Коми-пермяцкая фразеология» (30 ауд. часов). Напомним, что эти дисциплины идут параллельно с курсом «Родной язык. Лексика», что позволяет более детально, более предметно обсудить лингвистический материал, связанный с вопросами коми-пермяцкой лексикологии. Студенты занимаются отбором материала из различных источников, предпринимают попытки классификации (чаще тематические).

Поскольку в последние годы набор на национальное отделение проходит довольно сложно, поступают дети, не всегда изучавшие родной язык с первого по девятый класс, а, следовательно, иногда не владеющие в полной мере навыками грамотного правописания, нам удалось продлить практикум родного языка до конца второго курса. Поэтому на 3-м и на 4-м семестрах есть дисциплина «Трудные случаи орфографии и пунктуации коми-пермяцкого языка» (50 ауд. часов).

Нравится студентам курс «Ономастика Прикамья» (4-й семестр, 30 ауд. часов), он идет в цикле дисциплин по выбору. Впоследствии многие выбирают это научное направление в своих курсовых работах.

Далее отметим еще две дисциплины – «Введение в финно-угроведение» и «Фольклорные традиции финно-угорских народов» (курсы по выбору, 7-й семестр, 18 часов). Здесь, скорее всего, не совсем удачно выбран семестр. Наверное, они лучше бы вписались в учебный план на более ранних курсах. Тем не менее, отметим, что сравнительный аспект, присутствующий в этих дисциплинах, удачно пополняет уже имеющиеся знания и умения студентов.

Из числа лингвистических дисциплин можно отметить курс «История изучения родного языка» (9-й семестр 18 ауд. часов). Студентов при изучении этого курса больше всего привлекают сохранившиеся письменные памятники по родному языку. Они пытаются подвергнуть их анализу с различных позиций: от графических особенностей до вопросов, касающихся степени влияния русского языка на язык коми-пермяков в различные периоды.

В 9-м семестре 50 аудиторных часов отводится курсу «Сравнительная морфология финно-угорских языков». Трудности в большей степени возникают из-за отсутствия единого учебного пособия по финно-угорским языкам (желательно подготовить учебник сравнительной морфологии по пермским языкам). Имеющиеся издания несколько устарели, или в них не все разделы грамматик этих языков освещены равномерно.

В девятом семестре, когда студенты уже определились своими научными интересами, уже выбрали лингвистическое или литературоведческое направление, в цикле дисциплин по выбору предлагаются «Лингвистический анализ коми-пермяцкого текста» и «Новинки коми-пермяцкой литературы» (30 ауд. часов).

К числу дисциплин этнографического, культурологического характера можно отнести следующие курсы: «Этнопедagogика» (4-й семестр, 22 ауд. часа), «Этнопсихология» (5-й семестр, 26 ауд. часов), «Этнография и этнология финно-угорских народов» (8-й семестр, 24 ауд. часа). Эти дисциплины в учебном плане возникли не случайно: филологический факультет Пермского

государственного педагогического университета уже давно является объектом исследования социологов, этнопсихологов и других специалистов, занимающихся вопросами межнациональных отношений.

Факультативно изучается финский язык (при наличии специалиста по данному языку).

Надо признать, что при распределении часов и предметов в рамках дисциплин национально-регионального компонента и дисциплин по выбору превалирует субъективный подход. Возможности профессорско-преподавательского состава зачастую определяют выбор дисциплин и соответственно качество их преподавания. К сожалению, традиционно сложилось так, что коми-пермяцкое литературоведение занимает более скромное место по сравнению с исследованиями, связанными с коми-пермяцким языком. Сложившаяся ситуация отражается и в учебных планах, по которым занимаются студенты национального отделения.

Заметим, что наше отделение за годы своего функционирования стало своеобразным консультационным и организационным центром в Перми по вопросам языка, культуры и истории коми-пермяцкого народа. Поэтому неслучайно появление на базе ПГПУ научно-исследовательского института, занимающегося этими проблемами.

В. М. Лудыкова (*Сыктывкар*)

Коми язык в новых социально-экономических условиях: проблемы развития и преподавания

Современная картина развития национальных и этнических культур в республике Коми отражает ту особенность культурного развития, что история этих культур в течение нескольких столетий тесным образом была связана с культурой русского народа. Не одно столетие наблюдаются тесные контакты между коми и русским языками. Влияние русского языка отмечается на всех уровнях коми языка – фонетическом, лексическом, грамматическом. В настоящее время абсолютное большинство коми является билингвами, носителями одновременно родного литературного

языка или диалектного варианта языка и русского литературного языка.

Развитие коми языка имеет глубокие корни, оно имело место в разные исторические периоды развития общества. Ещё в XIV веке была заложена основа письменности. В XIX веке создаются коми грамматики. Кодифицированная форма общенационального языка активно развивается в начале XX века, именно тогда было введено преподавание коми языка в школах, создана учебная литература, переведено большое количество литературы самых разных стилей и разных жанров, существенно были расширены общественные функции коми языка, были заложены основы коми художественной литературы.

Новый импульс развитию коми языка был дан в конце XX века. В 1992 году был принят «Закон о государственных языках Республики Коми», в соответствии с которым коми язык получил статус государственного. В конце 1980-х годов – в 1990-е годы было издано большое количество учебно-методической литературы для средних общеобразовательных школ, введено преподавание коми языка в русскоязычные школы и детские сады республики, разработана терминология на коми языке, изданы двуязычные словари, подготовлена и издана первая научная грамматика на коми языке и т. п., в этот период были значительно расширены общественные функции коми языка. Однако в последние годы картина существенно меняется. Коммуникативная мощь коми и русского языков, естественно, не была равнозначной и в предшествующие периоды, но эта неравнозначность особенно начинает проявляться в современных условиях. При владении двумя языками молодое поколение коми всё больше отдаёт предпочтение русскому языку, во многих случаях даже в бытовой сфере. Этому способствует телевидение, радио, интернет и другие средства массовой коммуникации, культурное пространство молодёжи. Коми язык выполняет в основном функции межличностного общения в семье, среди близких людей или выполняет функцию общения социальных групп. Известно, что коми язык является в основном языком сельского населения, т. к. коми проживают преимущественно в сельских населённых пунктах. Однако в социально-экономических условиях XXI века

сокращается само число сельского населения – основного носителя коми языка.

В 2000-е годы в республике сокращается число школ, в которых ведётся преподавание коми языка как родного, а такими являются, как правило, сельские, идёт сокращение числа русскоязычных школ с преподаванием коми языка. В условиях финансово-экономического кризиса наблюдается тенденция к закрытию так называемых малокомплектных школ, многие средние общеобразовательные реорганизуются в неполные средние школы, закрываются начальные школы. Для продолжения учёбы дети вынуждены ездить в другие учебные заведения более крупных населённых пунктов, райцентров, которые находятся на значительном расстоянии от родного дома и в которых, как правило, не изучается родной коми язык. В результате таких реорганизаций дети отдаляются от дома, теряют свои корни и свой родной язык.

Кроме того, в школах наблюдается сокращение часов коми языка, что связано в первую очередь с введением единых государственных экзаменов для выпускников школ. С одной стороны, необходима качественная подготовка к таким экзаменам, для этого нужны дополнительные часы, так как от результатов ЕГЭ зависит поступление выпускников в вузы, а также и престиж школы. И эти дополнительные часы во многих случаях берут за счёт сокращения часов, выделенных на изучение родного языка. С другой стороны, это ведёт к падению интереса к изучению родного языка, к его необязательности и ненужности. Школьники делают вывод о том, что для дальнейшей учёбы, работы родной язык не является важным и обязательным. Молодёжь даже в сельской местности между собой всё чаще начинает общаться на русском языке (это можно наблюдать и в школах, когда дети сразу после окончания урока родного языка переходят на русский язык), всё больше погружается в язык и культуру русского народа, составляющего абсолютное большинство в республике. Полное погружение в культуру другого народа означает, что забываются традиции и ценности родной культуры, родного языка, забываются свои корни, нравственные постулаты дедов и прадедов. Всё это неизбежно ведёт к ассимиляции. Здесь следует добавить и то, что несколько лет назад в республике было закры-

то единственное книжное издательство, которое занималось выпуском литературы на коми языке, книга на родном языке практически становится недоступной для широкого читателя. Министрство по делам национальной политики РК издает книги очень небольшими тиражами и они не доходят до адресата. Отсутствие книг на родном языке не способствует повышению интереса к чтению, к родному языку, не способствует развитию языка и не повышает престижа языка среди молодого поколения. Также хорошо известно, что с усвоением родного языка тесно связано и формирование патриотических чувств и толерантности.

Важной задачей школы является обучение детей литературному языку, которым они будут пользоваться в своей взрослой жизни, т. к. именно кодифицированная часть общенационального языка представляет собой официальное средство общения. Дети не приходят в школу говорить, они делали это и раньше. Как справедливо отмечает М. Раннут, «обязательное школьное образование остаётся главным производителем литературного языка, будучи в то же время предпосылкой для дальнейшей приспособляемости литературного языка к переменам в обществе. Таким образом, действует общая закономерность консолидации власти и литературного языка. Это является не только основой существования литературного языка, но и сохранения государства» [Раннут 2004: 125]. Именно школа является основным местом функционирования литературного языка, однако в школах освоению норм литературного языка уделяют внимания явно недостаточно, об этом красноречиво свидетельствуют письменные работы выпускников во время вступительных экзаменов. Отметим, что и журналисты средств массовой информации РК во многих случаях нарушают орфоэпические, грамматические, лексические и даже орфографические нормы. Всё это, конечно, в дальнейшем скажется на качестве литературного языка, на сохранении и развитии языка.

Таким образом, в настоящее время, с одной стороны, происходит процесс глобализации, взаимопроникновения различных культур, взаимовлияния языков, идёт снижение интереса к языкам меньшинства, сокращение числа носителей этих языков (всё это в полной мере относится и к коми языку), и вместе с тем,

с другой стороны, существует острая необходимость сохранить уникальность языков, культур малочисленных народов. Общеизвестно, что самые разные языки, материальная и духовная культура разных народов, в том числе и финно-угорских, в частности, коми, составляют богатство и уникальность России. И в условиях глобализации должны сохраняться и развиваться самые различные языки и культуры. Как подмечает С. В. Мартыненко, «образ глобальной культуры должен учитывать не только интеграционные процессы, не только то обстоятельство, что глобализация значительно расширяет ареал культурного общения, обмена идеями и научными, технологическими свершениями, открывает новые перспективы для творчества, но и кризисные явления, охватившие весь комплекс взаимодействия людей друг с другом, с обществом и природой, проявления центробежной силы глобализации, разрывающие культурные связи, подводящие всё многообразие жизни народов под однообразные стандарты. Всё это может привести к утрате целых блоков региональных культур, породить культурный шок из-за того, что не созданы предпосылки имплантации глобальных установок в тело национальных культурных традиций. Глобальная культура возможна только в форме взаимопереплетения, взаимовлияния разных культур, в рамках которого недопустимо вытеснение одной культуры другой» [Мартыненко 2008: 83–84]. В этих условиях является важным сохранить многообразие языков, не допустить вытеснения одних языков другими. Важной задачей современной школы является формирование языковой личности и развитие полилингвистической коммуникативной компетенции школьников, необходимой для общения на родном и русском языках, развитие способностей школьников использовать язык как средство самообразования, самореализации и самовыражения.

Языковая коммуникация является необходимым условием существования и развития человеческой культуры, в языке отражена языковая картина мира. В языковой коммуникации осуществляется диалог культур, представляющий огромную важность и жизненную необходимость для поддержания межнационального согласия в обществе.

Каждый язык, в том числе и коми, представляет собой ценность в истории человечества. «Не существует качественно лучших или худших языков, есть те, которые признаются социумом, и те, которые не признаются. Язык не является вещью в себе, его ценность определяется обществом с конкретной структурой власти» [Раннунт 2004: 16]. Любой язык должен быть признан и поддержан обществом и государством. Ими должны быть предоставлены условия для функционирования и развития, для полноценного изучения языков. Каждый язык должен быть сохранён. Для этого необходимо приложить определённые усилия.

Университеты как основные научные и образовательные учреждения, особенно в республиках РФ, должны стать центрами сохранения языков, их научного исследования и преподавания. Именно университеты занимаются подготовкой национальных кадров. К примеру, Сыктывкарский государственный университет с 1972 г. готовит учителей коми языка и литературы, работников средств массовой информации, научных сотрудников и других специалистов по коми филологии. Для подготовки специалистов по коми филологии на кафедре коми и финно-угорской филологии имеется квалифицированный кадровый состав, необходимая учебно-методическая литература, материально-техническая база, сложившиеся традиции, опыт проведения научных исследований и учебного процесса. Однако быстро меняющаяся новая социально-культурная и экономическая среда, переоценка социальных и других ценностей, быстрое расширение информации, в том числе и по финно-угроведению, новые достижения и открытия в области исследования финно-угорских языков требуют находить новые подходы к ценностям и содержанию образования. Развиваются и меняются требования к выпускнику, предъявляемые современным обществом. В связи с этим необходимо повышать качество подготовки специалиста, который должен обладать универсальными филологическими компетентностями, способен работать с информацией, уметь использовать полученные лингвистические знания и умения в профессиональной Деятельности, а также в различных жизненных ситуациях, и у которого должны быть коммуникативные умения. Из вышесказанного вытекают 3 взаимосвязанные проблемы:

1) быстро развивающаяся новая социоэкономическая и культурная среда, процесс глобализации;

2) язык меньшинства, функционирующий в этой среде, падение его престижа и необходимость его сохранения, развития и исследования;

3) подготовка специалистов по этому языку с учётом требований современной жизни.

С целью разрешения этих проблем прежде всего необходимо повышать престиж коми языка в языковом пространстве республики Коми. В этом должны принимать участие средства массовой информации, властные структуры, общественные организации, молодёжные движения и т. п. Принятый закон о государственных языках должен работать в полной мере, и в соответствии с ним коми язык должен функционировать во всех стилях речи, в том числе – официально-деловом, научном. Коми речь должна больше звучать по радио и телевидению, со сцены, на различных официальных мероприятиях, в государственных органах и общественных организациях.

Высшие учебные заведения должны разработать новую систему совместной работы со средними общеобразовательными школами и средне-специальными учебными заведениями РК, позволяющую проводить непрерывную работу в различных формах с учащейся молодёжью, вести непрерывную лингвистическую подготовку: школьник – абитуриент – студент – выпускник – специалист. Преподаватели вузов должны хорошо знать ситуацию преподавания коми языка в школах, проводить социолингвистические исследования о владении учащихся родным языком,

об уровне знания языка, об интересах и предпочтениях учащихся, проводить разъяснительную работу о ценности родного языка, о необходимости его изучения и знания. Необходимо проводить совместные мероприятия, способствующие повышению интереса к родному языку, студентам и преподавателям вузов регулярно выезжать в сельские школы, а школьники должны быть желанными гостями вузов. В целях повышения интереса к изучению коми языка, повышения его престижа в жизни общества к работе со школами необходимо привлекать и научных сотрудников академических учреждений.

Весьма важным является качественное издание детской литературы, литературы для среднего и старшего школьного возраста, для студентов и рабочей молодёжи, причём изданная литература должна быть доступной для учащихся и их родителей, студентов и преподавателей, а также для всех желающих читать на родном языке. Для студентов вузов, обучающихся на национальных отделениях, необходимо готовить и издавать учебно-методическую литературу нового поколения, в соответствии с новыми требованиями, новыми образовательными стандартами и новыми достижениями современной лингвистической науки. Государство должно изыскать финансовые средства на издание литературы не только для школ, но и для вузов, в том числе и электронных и других пособий.

В целях сохранения языка должны приложить усилия и работники культуры. Следует понимать, что без изучения и усвоения родного языка невозможно изучение родной культуры и традиций своего народа. К сожалению, учреждения культуры с образовательными учреждениями работают явно недостаточно, к тому же все свои мероприятия проводят на русском языке, демонстрируя этим, что коми язык является ненужным для культуры.

В современных условиях необходима государственная поддержка языка национального меньшинства республики, государством должны быть созданы условия для использования коми языка в сферах образования, культуры, СМИ, услуг, экономики, социальной жизни. Безусловно, сохранение языков и культур – это дело государства совместно с самим народом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Мартыненко, С. В. Глобализация и культура / С. В. Мартыненко // Социально-гуманитарные знания. – 2008. – № 5. – С. 77–86.

Раннут, М. Пособие по языковой политике / М. Раннут. – Таллинн, 2004. – 215 с.

Л. П. Водясова (*Ижевск*)

Интегративное изучение лингвистических микросистем как способ преодоления поляризации в выражении ценностного отношения к национальным языкам полиэтнического региона

В Российской Федерации в настоящее время в центре пристального внимания широкой общественности находятся проблемы возрождения и развития национальной культуры.

У представителей различных народов возросло стремление сохранить свои социо-этнопсихологические особенности, национальные традиции и обычаи. В связи с этим огромное значение приобретает знание, связанное с опытом общения, умением установить диалог национального и общемирового. Особое место в этом диалоге занимает **язык**. Будучи не просто средством общения, но, прежде всего, явлением самоопределения нации, он **является базой для становления, формирования и дальнейшего развития национальной культуры**. В его образах и понятиях сосредоточен огромный умственный, чувственный, духовно-нравственный и практический опыт общества. Он, в сущности, основной способ духовного бытия, главный инструмент освоения окружающего мира, школа мысли и единственное средство получения знаний. Вместе с тем следует отметить, что существование человека в национальной культуре неразрывно связано с конкретной языковой системой (как механизмом сохранения и трансляции культурных символов, так и средством и целью культурного диалога).

Навыки и умения вести межкультурный диалог, толерантность, стремление к демократии и уважительное отношение к общечеловеческим ценностям составляют целевой и содержательный аспекты гуманитарного образования, к которому относятся и языковое образование. Данный подход нацеливает на поиск объединяющего начала между соседствующими этносами, вызывая всё больший интерес к такому лингво-педагогическому явлению, как би- и полилингвизм. Именно при условии реализации идеи интеграции лингвистических микросистем возможно преодоление поляризации в выражении ценностного отношения к языкам в ситуации полиэтнического региона, которым являет-

ся и современная Мордовия, основное население которой составляют русские, мордва (мокша и эрзя) и татары (представители других наций составляют $\approx 5\%$).

Как известно, **ценностное отношение к языку рассматривается в соотношении с** так называемыми **коммуникативными ресурсами языка**, иными словами, с теми свойствами, которые обеспечивают его возможность быть средством общения между людьми. К ним, прежде всего, относятся: 1) ресурс внутренней структуры языка (он выражается в наличии нормированного литературного языка и иных вариантов); 2) ресурс диалога в системе этнокультуры (он связан с развитием системы передачи и распространения информации на языке); 3) ресурс безопасности языка (он связан с потребностью сохранения языка, его воспроизводстве и одновременно – приспособлении к меняющемуся миру, реализуется в сознательной деятельности общества и государства); 4) производственный ресурс (он реализуется в процессе продуцирования текстов разных жанров и разных стилей на данном языке); 5) информационный ресурс (он реализуется в процессе приспособления языка к вновь добываемому знанию и соответствует его когнитивной функции и прагматическим установкам).

Современная ситуация характеризуется определённой поляризацией ценностного (идеального и реального) отношения к языкам. С одной стороны, язык рассматривается как одна из величайших ценностей, духовное богатство народа, с другой, воспринимается как явление, ценность которого весьма условна (экспансия жаргонизмов, сленга, просторечных выражений в обиходном общении и даже средствах масс-медиа). Подобная поляризация проявляется и в выражении ценностного отношения к языкам в полиэтнических ситуациях общения. Его преодоление, как было уже сказано выше, возможно, прежде всего, при условии интегративного изучения лингвистических микросистем. Формирование ценностного отношения к языку должно стать одной из важнейших задач образования.

Эта мысль может быть воплощена, прежде всего, в учебном процессе при подборе средств обучения, соответствующего дидактического материала. Для методики важно, что представления, знания и концепты рассматриваются как компоненты язы-

ковой картины мира и языковой способности, развитие которых в современной лингводидактике является одной из важнейших задач. Представления – это та категория, которая объединяет предметы изучения когнитивной лингвистики и методики через понятия языковой картины мира (как формы целостного представления о мире) и языковой способности [Шушарина 2002: 186–189]. В процессе познания они выступают в роли чувственной опоры при формировании *понятий* [Давыдов 2004, 2005], а также могут являться элементами теоретического мышления [Леонтьев 1997].

Специфика русского, мордовских (мокшанского и эрзянского) и татарского языков позволяет осуществить такой подход с учётом национально специфических культурных концептов, средств их выражения и реализовать в аспекте каждого конкретного языка ресурс диалога этнокультур. Именно в диалоге, по мнению М. М. Бахтина, и возможно как существование культур, так и дальнейшее их развитие, открывающее новые грани и перспективы совершенствования творческой личности: «Только в общении, во взаимодействии человека с человеком раскрывается и «человек в человеке», как для других, так и для самого себя» [Бахтин 1972: 294].

Общее и различное, прежде всего, можно проследить, обращаясь к косвенным номинациям – языковым метафорам, фразеологизмам, имеющим общий семантический компонент. Так, анализ зоо- и фитометафор в рассматриваемых языках убеждает нас, что их можно разделить на две группы. Первую составляют метафоры, в которых образы совпадают. Сюда входят, например, *зоонимы*: рус. *медведь*, мокш. *офта*, эрз. *овто*, тат. *аю* – грубый неуклюжий человек; рус. *волк*, мокш. *въръгаз*, эрз. *веръгиз*, тат. *буре* – злой нелюдимый человек; рус. *корова*, мокш. *тракс*, эрз. *скал*, тат. *сыер* – толстая неряшливая женщина; рус. *лиса*, мокш. *келазь*, эрз. *ривезь*, тат. *телке* – хитрец; рус. *петух*, мокш. *атёки*, эрз. *атяки*, тат. *кучат* – задира, забияка; *фитонимы* (употребляемые чаще всего с уменьшительно-ласкательными суффиксами): рус. *берёзка*, мокш. *келуня*, эрз. *килейне*, тат. *кечкенә каен* – стройная девушка; рус. *цветочек*, мокш. *пачфке*, эрз. *цецине*, тат. *кечкенә чәчәк* – красивая, вызывающая чувство умиления девушка и многие другие. Вторая

группа метафор, иллюстрирующая различия в рассматриваемых языках, немногочисленна. И это объяснимо: и русские, и мордва, и татары подобные номинации создавали, исходя из жизненных реалий, в данном случае – внешних или внутренних характеристик одинаковых для региона представителей флоры и фауны. Сюда мы можем отнести, например, зоонимы: рус. *воробей* – опытный человек, которого трудно провести («стреляный воробей»), мокш. *киръхкс*, эрз. *озяз* – крикливо-суетливый и трусоватый человек, тат. *чыпчык* – маленький, тщедушный человек; рус. *вошь* – мелкий никчёмный человек, мокш. *си*, эрз. *сий* – медлительный человек, тат. *бет* – маленький человек; рус. *овца* – 1) покорный человек («ведут, словно овцу, на заклание»; 2) вертлявая глуповатая женщина (мокш. *уча*, эрз. *реве*, тат. *куй* используются только во втором значении) и др.

Подобное сопоставление метафорических систем даёт возможность использовать диалоговый ресурс каждого отдельного языка в процессе его изучения, что способствует формированию ценностного отношения ко всем языкам полиэтнического региона.

Язык, таким образом, выступает в качестве средства диалога культуры, ибо он **есть способ познания чужой национальной культуры и способ сохранения своей собственной.**

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – М., 1972. [Электронный ресурс] // www.philosophy.ru/library/bahtin/01/.

Давыдов, В. В. Проблемы развивающего обучения / В. В. Давыдов. – М. : Academia, 2004. – 288 с.

Давыдов, В. В. Лекции по общей психологии / В. В. Давыдов. – М. : Academia, 2005. – 176 с.

Леонтьев, А. А. Основы психолингвистики / А. А. Леонтьев. – М. : Смысл, 1997. – 287 с.

Шушарина, Г. А. Языковая картина мира как форма целостного представления о мире / Г. А. Шушарина // Гуманитарные науки: научно-теоретические и логико-методологические аспекты. – Комсомольск-на-Амуре, 2002. – С. 186–189.

Б. И. Каракулов (*Глазов*)

Некоторые спорные вопросы удмуртской грамматики в связи с обучением удмуртскому языку

В последние 20 лет внезапными и радикальными переменами общественной жизни в России было вызвано ускорение языковой эволюции, которое породило процессы, связанные с демократизацией, жаргонизацией литературной речи и ее дестабилизацией. Несмотря на вышеназванные изменения, думается, школа и вуз, представляя обучающимся нормы литературного языка, должны совершенствоваться и развивать устную и письменную речь обучающихся. При этом мы должны помнить, что литературная форма языка не может усваиваться только естественным путём, так сказать, впитываться с молоком матери, а она приобретает искусственным путём, только через специальное обучение. Преподавание удмуртского языка связано еще с проблемой качественного обучения, потому что удмуртский язык в 1991 году приобрел статус государственного.

Определяя значение грамматики как инструмента описания (создания) и распространения норм литературного языка, мы видим необходимость разрешения некоторых спорных, а скорее нерешенных, вопросов удмуртской грамматики. Отрадно, что ее отдельные положения в последнее время лингвистами подвергаются более глубокому анализу и находят иную интерпретацию. Об этом справедливо отмечал в своей статье и И. В. Тараканов (1998). Следует заметить, ученые добились определенных успехов в языковом планировании, развитии литературного языка благодаря его нормированию, однако в его представлении продолжают присутствовать и другие формы языка, например диалекты (подробнее: [Каракулов 1995; 2009: 113]), и чуждые категории русской грамматики (подробнее: [Каракулова, Каракулов 2001: 35–37]).

В школьной и вузовской практике мы не раз были свидетелями затруднений обучающихся при выделении сложноподчиненных предложений с придаточными цели и причины. Если такие факты встречаются и при изучении русской грамматики, то при изучении удмуртского языка их проявление, видимо, намного

регулярней, и вызваны они, на наш взгляд, не только отсутствием прочных знаний обучаемых.

Среди причин возникновения ошибок мы замечаем то, что в современном удмуртском языке отсутствуют термины для разделения понятий “причины” и “цели”. Одним и тем же термином *муг* в удмуртском языке могут выражаться оба эти понятия. И на вопрос “*Кыће муг усиз кузь сюрес вылэ потыны?*” так же как и на обращение “*Кыће ужен ветлїськоды?*” можно назвать и причину, и цель (см. об этом подробнее: [Каракулов 2004]).

В последних удмуртско-русском словарях (1983, 2008) значения слова *муг* приводятся как *причина, довод, мотив, повод, предлог* [УРС 1983: 286; УРС 2008: 439]. И в русско-удмуртском словаре (1956 г.) слову *причина* дается удмуртский перевод *муг* [РУС 1956: 834], а русской лексеме *цель* удмуртский вариант не найден [РУС 1956: 1209].

А в современных удмуртских грамматиках термин *муг* семантически связан понятием цели. То же замечается и в школьной грамматике, где ставится такой вопрос: «Кыће послелогъёсын существительнойёс (числительнойёс но местоимениос) дырез, интыез, **мугез, причинаез** (выделено нами – К. Б.), маин ке ёшатэмез возьмато?» [Удм. кыл 2005: 74].

Языковеды по-разному рассматривают вопрос о сложных предложениях, где между предикативными частями стоит слово *соин (ик)*. Эту лексему в научной грамматике определяют как союз, но перечисляют и в группе сочинительных соединительных союзов [ГСУЯ 1962: 324], и подчинительных причинных [ГСУЯ 1962: 327]. Авторы научной грамматики раздела «Синтаксис сложного предложения» рассматриваемые структуры, предикативные части которых соединены союзами *соин, соин сэрэн* отнесли к сложносочиненным предложениям [ГСУЯ 1974: 23–24]. Школьная грамматика подобные структуры типа *Татчы вуылыкузы, пййшурасьёс со Шур дурын кёлало вылэм, соин со интыез али но «Кёлан Шур» шуо* относит к сложноподчиненным предложениям с придаточным причины [Удм. кыл 1977: 131–132].

В учебнике для 8–9 классов они также охарактеризованы как сложноподчиненные предложения с придаточным причины, а слова *соин, соин ик, соин сэрэн* названы указательными словами

[Удм. кыл 2003: 141]. Г. А. Ушаков подобные примеры ранее предлагал отнести к группе бессоюзных сложных предложений, а слово *соин* назвал наречием [Ушаков 1989: 55].

Как видно, исследователи единодушны только в том, что в таких предложениях между предикативными частями обнаруживаются причинно-следственные отношения. Однако характер смысловых отношений между предикативными частями этих структур, нам кажется, не позволяет отнести подобные предложения

к сложносочиненным: «каждая часть сложносочиненного предложения обычно оформляется как самостоятельное предложение» [ГСУЯ 1974: 9]. Такой самостоятельности в этом случае мы не наблюдаем.

Как известно, при выделении частей речи в удмуртском языке большую роль играет синтаксическая функция слова. В структуре сложного предложения, между предикативными частями которого обнаруживаются причинно-следственные отношения, слово *соин* (варианты: *соин ик*, *соин сэрен*) является союзом, потому что он, во-первых, не является членом предложения и, во-вторых, выполняет функцию союза – соединяет придаточную часть к главной. Но в рассматриваемых предложениях союз *соин* (варианты: *соин ик*, *соин сэрен*) находится в составе придаточной части, выражающей следственное отношение: *Висись нэнэзлы секыт вал куинь пичи пизэ сюдыны-вордыны, соин ик Кузьмазэ Дэбесысь нылли юртэ келяз* (УД. 2009. 2-тй окт. 13-тй б.).

Поэтому всё предложение никак не может быть охарактеризовано как сложноподчиненное предложение с придаточным причины. Нам представляется, подобные структуры можно было бы объединить в группу сложноподчиненных предложений с придаточной частью следствия.

Нужно заметить, и в научной грамматике, и в школьных грамматиках сложноподчиненные предложения с придаточными следствия не выделены.

Не менее важной задачей описания удмуртской грамматики является определение состава общих грамматических категорий, уточнение их частных грамматических категорий и синтаксических функций отдельных частей речи.

Ужам бере сиён ческыт кошке [Удм. кыл 1988: 186]. В школьном учебнике слово *ческыт*, видимо, рассмотрено как наречие. Но по синтаксической функции это слово не является обстоятельством, а выполняет функцию основной части сказуемого. Поэтому в двусоставном предложении данное слово является прилагательным.

Учкы, льёмпуос макем (бабыль, бабыль), (юг, юг) сыло [Удм. кыл 1992: 215]. Ученикам дается задание, из слов, данных в скобках образовать наречия. Однако в данном предложении из этих слов образуются не наречия, а прилагательные. В двусоставном предложении они будут основной частью сказуемого, выраженного прилагательным и связкой *сыло*.

Бёрдыса, курадзыса улон кыдёке кылиз [Удм. кыл 1992: 194]. Слова *бёрдыса, курадзыса* по форме являются деепричастиями но как причастия определяют признак отглагольного существительного *улон*. В то же время как причастие эта форма не может использоваться с выделительно-указательным суффиксом. Значит, синтаксическую функцию деепричастий также следует расширить.

Требуется уточнения и состав местоимений. Авторы школьной грамматики расширили его круг, введя в число неопределенных местоимений слова *куд, кудйиз, кудйиз-мыдыз, ма но со* [Удм. кыл 2005: 110]. Однако теоретический материал дан без примеров, поэтому, думается, *куд, кудйиз* трудно вывести из среды вопросительно-относительных местоимений, а *кудйиз-мыдыз*, как ограниченный в употреблении, диалектизм, может быть и опущен. Но есть и не учтенные формы местоимений: *Зэм, кин но со шуоз: кузь уксё съёры уйиськыны медэ* (УД. 2008. 23-тй сент.).

Требуют особого рассмотрения и притяжательные местоимения. Думается, включение падежных форм личных местоимений *мынам, тынад, солэн, милям, тйляд, соослэн* в состав притяжательных местоимений не совсем оправдано. А притяжательное местоимение *ас* «свой, своя, свое» имеет омоним:

– *Э-э, хе-хе-хе! Шумпотэ, ваше степенство, тй чанак сыче быгатйсь мурт доры учыраллям, – капчи мылкыдын серектэм Лёншо Педунь, нош ас понназ малпам: «Шедиз, лэся, ки улам. Мон тае дышето-ай»* (Улйллям-

вылйллям, 55). Пример *ас понназ* переводится *про себя*, это значение составителями грамматик не отмечается.

Грамматика не совсем правильно представляет группу взаимно-личных местоимений. Составителям грамматики нужно бы заметить, что эти местоимения не имеют форм именительного падежа. Представленные формы именительного падежа *ог-огмы* 'мы друг друга', *ог-огды* 'вы друг друга' *ог-огзы* 'они друг друга' [ГСУЯ 1962: 170–171] не соответствуют действительности, т. к. удмуртские примеры, в отличие от их русских переводов, не могут быть использованы в качестве грамматического субъекта.

В грамматике отмечается синтаксическая функция местоимения, авторы замечают, что оно может выступать в роли подлежащего или дополнения [Удм. кыл 2005: 108]. Однако местоимение может выступать и в роли сказуемого: *Тынад тетрадед кудйз?*

Следует остановиться и на послелогох, на которые в грамматиках мало обращают внимания. Даже в исследованиях удмуртских лингвистов послеложные структуры не рассматриваются в ряду падежных форм, тем самым как бы не признается выражение грамматических категории аналитическим способом. Но следует обратить внимание, в грамматиках выделяются аналитические формы превосходной степени прилагательного, притворной модальности глагола. Послеложные структуры имен названы аналитическими формами падежей и крупными пермистами, Б. А. Серебренниковым [1963: 197, 199], В. И. Лыткиным [1952: 104, 105, 107].

А. Н. Карманова в своем учебном пособии по современному коми языку послеложные структуры имен также приводит в ряду имен, где падежное значение выражается синтетическим способом. Например, в формах переходного падежа неодушевленных существительных: *вөрöd «по лесу», поскöd «по мосту»*. А «от одушевленных – ограниченно, чаще с послелогом, например: *морт вывті уна муніс «человек много испытал, перенёс»* [Карманова 1994: 40].

Формы сравнительной степени имени прилагательного в грамматиках представлены не совсем корректно: в примерах в форме сравнительной степени используют редко встречаю-

щуюся форму сравнительной степени прилагательного с суффиксом *-гем*: *Анялэн кышетэз Манилэн дэремезлэсь но чужгем (-гес)* [Удм. кыл 2005: 43].

Среди этих же примеров выявляются не грамматические формы, а словосочетания со словами-наречиями *туж*, *укыр*, *ортчит*. А пример с частицей *гинэ* вообще не содержит значения сравнения: *пичи гинэ куар* [Удм. кыл 2005: 81].

Виды глагола определены как однократный и многократный (одйглыко но трослыко) [Удм. кыл 2005: 129]. Надо заметить, что термин однократный не может обозначать всю группу глаголов, противопоставляемую многократным. Например, однокоренные глаголы *лобыны*, *лобаны*, *лобзыны* могут быть определены как некратный, кратный и однократный (подробнее см.: [Каракулова, Каракулов 2001: 158–163]).

Требуют уточнения и сами используемые в удмуртской грамматике термины.

В удмуртском языке выделяют простое склонение и притяжательное склонение. В коми языке – основное склонение и определённо-притяжательное склонение. Думается, термин коми лингвистов для обозначения этого языкового явления более правдоподобно. Притяжательные морфемы в современном удмуртском языке расширили значение и стали использоваться и с оценочным значением: 1-е лицо – со значением ласкательности, а 3-е – уничижительности, в какой-то мере эти значения можно сравнить с оценкой конкретных речевых действий у бесписьменных народов, где те получают оценку по признакам: правильное – “свое” и неправильное – “чужое”. С другой стороны эти морфемы несут действительное значение:

Ми соослы (коньяослы – К. Б.) *нянь кӧм, шундыберган тысь табаеныз кельтӱськом* [Удм. кыл 2005: 26]. *Жӱтсэ пезянай ёжӧк вылэ шутэм гордкушман пуктӱз* [Удм. кыл 2005: 34].

В глагольных формах будущего времени в форме первого лица единственного числа считается, что показатель лица *-м* не употребляется, он исторически выпал. Поэтому и в форме множественного числа вместо показателя *-мы* стало возможно использовать *-м* без последующего *-ы*. Но в северных говорах чаще в вопросительных предложениях еще широко используются древние формы. Видимо, часто используемые лексемы, как на-

пример, *карыны, улыны, адзыны* и т. д., закрепились в древней форме и в других говорах:

Ма табере каром? Кызы тонэ пумиталом? Кызы табере улом? Кызы экзаменме сётм? Мае табере лыдзом? Маин да-сяськом? Улыса аджом.

– *Ой, вай учком* (Марым, лэся, 106).

– *Кытын ношмень?*

– *А, кытысь тодом? Усиз...* (УД. 2009. 21-тй окт.).

В грамматиках не совсем правильно выделяется синтаксическая функция удмуртского инфинитива [Удм. кыл 2003: 62]. Удмуртские глаголы в неопределенной форме самостоятельно не могут нести предикативную функцию и выступать в качестве сказуемого. Видимо, под влиянием русского языка образуют структуры, где отдельный инфинитив используют в роли сказуемого, что не характерно для удмуртского языка:

Нош мукет ласянь, уксьез туж капчиен поттыны луэ, то-дйськод ке тон, кыче инструментъёсты но стратегиосты уже кутыны (Инвожо. 2005. 7–8-тй №).

В ряду бессоюзных сложных и сложноподчиненных предложений рассматриваются в ГСУЯ структуры, где в роли сказуемого выделяют инфинитив:

*Вань таچه чектон: государстволы нянь сётон планэз Октябрь праздникозь быдэстон вылысь, районысьтымы колхозьёслы өтёнэн **вазиськыны*** (Т. Архипов I) [ГСУЯ 1974: 119].

*Кёлон сярись но мар **вераськыны** шуыса, со пожарное караульщик доры пыриз* (П. Блинов) [ГСУЯ 1974: 84]. *Та кырзанэз чошен **кырзаны** понна, со монэ удмурт кыллы дышетйз* (М. Петров) [ГСУЯ 1974: 84].

В учебнике «Удмурт кыл: 6–7 классъёслы» приводится неудачный перевод стихотворения армянского поэта, в тексте переводчик не учитывает особенности удмуртского инфинитива, а именно то, что удмуртский инфинитив самостоятельно не может выступать в роли сказуемого:

*Пилемозь тынад потэ ке
Жужыт вэль юрт пуктэмед,
Кёс степьын тынад потэ ке
Тыны нюлэс мерттэмед,
Зарезьын сэзь **уяны,***

*Öрзи сямен поръяны,
Дозорын сак сылыны,-
Кулэ жеч дышетскыны.
Улонын тодмотэмзэ,
Дуннеысь но, космосысь но
Музьем шар вылысь ваньзэ
Тодэмед ке трос потэ,
Полюсэ вуттійськыны,
Тундраын сад мерттыны,
Гурезьысь дуно ваньбур
Ас кыыныд шедьтыны,-
Тыршы жеч дышетскыны,
Тыршы тодон люканы!*

[Удм. кыл 2005: 127].

В тексте нами выделены те инфинитивные формы, которые должны были быть в форме сочетания герундия со вспомогательным глаголом типа *уямед потэ ке, поръямед потэ ке* и т. д. Значения и данных сочетаний «если ты хочешь плавать», «если ты хочешь гулять» никак не могут заменить инфинитивные формы со значениями «плавать», «гулять».

ИСТОЧНИКИ

Марым, лэся – Ганеев, И. В. Марым, лэся...: Удмурт кыл нырысь кутскисьёслы. Дышетскон ёзэт / И. В. Ганеев, Ю. А. Перевозчиков. – Ижевск : Удмуртия, 2005. – 204 с.

УД – газета «Удмурт дунне»

Улйллям-вылйллям: выжыкылъёс. – Ижевск : Удмуртия, 1983. – 160 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

ГСУЯ 1962 – Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология. – Ижевск, 1962. – 376 с.

ГСУЯ 1974 – Грамматика современного удмуртского языка: Синтаксис сложного предложения. – Ижевск : Удмуртия, 1974. – 167 с.

Каракулов, Б. И. О необходимости разграничения форм существования языка в связи с обучением литературному языку / Б. И. Каракулов // Узловые проблемы современного финно-угроведе-

ния: Материалы 1 Всероссийской научной конференции финно-угроведов: Тез. докл. – Йошкар-Ола, 1995. – С. 327–328.

Каракулов, Б. И. Выражение цели и причины в удмуртском языке / Б. И. Каракулов // Г. Е. Верещагин и этнокультурное развитие народов Урало-Поволжья: Сб. статей / Сост. В. М. Ванюшев, Т. С. Зыкина. Отв. ред. В. М. Ванюшев. – Ижевск : Удм. ин-т истории, языка и лит-ры УрО РАН, 2004. – С. 184–187.

Каракулов, Б. И. Язык и время. Развитие отражения национальных особенностей в произведениях Ф. И. Васильева / Б. И. Каракулов // Третьи Флоровские чтения: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию удмуртского поэта Ф. И. Васильева. – Глазов : Гос. пед. ин-т, 2009. – С. 113–116.

Каракулова, М. К. Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков: Учебное пособие для высших учебных заведений. Изд. перераб. и доп. / М. К. Каракулов, Б. И. Каракулов. – Ижевск : Издательский дом «Удмуртский университет», 2001. – 227 с.

Карманова, А. Н. Современный коми язык : Учебное пособие по спецкурсу. 3-е изд., доп. / А. Н. Карманова. Сыктывкарский ун-т. – Сыктывкар, 1994.

Лыткин, В. И. Древнепермский язык / В. И. Лыткин. – М. : Изд-во АН СССР, 1952.

Серебренников, Б. А. Историческая морфология пермских языков / Б. А. Серебренников. – М. : Изд-во АН СССР, 1963.

РУС 1956 – Русско-удмуртский словарь / Гл. ред. В. М. Вахрушев. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956. – 1360 с.

Тараканов, И. В. К вопросу о несоответствии отдельных грамматических форм и терминов в школьной и научной литературе / И. В. Тараканов // Исследования и размышления об удмуртском языке: Сб. статей. – Ижевск : Удмуртия, 1998. – С. 221–228.

Удм. кыл 1977 – *Конюхова, А. В.* Удмурт кыл. 6–8 классъёслы / А. В. Конюхова, Р. И. Яшина. – Ижевск : Удмуртия, 1977. – 200 с.

Удм. кыл 1988 – *Никольская, Г. Н.* Удмурт кыл. 5–6 классъёслы / Г. Н. Никольская, А. А. Поздеева, И. В. Тараканов, Р. И. Яшина. – Ижевск : Удмуртия, 1988. – 234 с.

Удм. кыл 1992 – Никольская, Г. Н. Удмурт кыл: 6–7 классъёслы / Г. Н. Никольская, И. В. Тараканов. – Ижевск : Удмуртия, 1992.

Удм. кыл 2003 – Ушаков, Г. А. Удмурт кыл. 8–9 классъёслы / Г. А. Ушаков, Н. А. Ермокина, Г. В. Горбушина, Р. И. Яшина, А. В. Конюхова. – Ижевск : Удмуртия, 2003. – 232 с.

Удм. кыл 2005 – Никольская, Г. Н. Удмурт кыл. 6–7-тй классъёслы. / Г. Н. Никольская, И. В. Тараканов. – Ижевск : Удмуртия, 2005. – 264 с.

УРС 1983 – Удмуртско-русский словарь / Отв. ред. В. М. Вахрушев. – М., 1983. – 591 с.

УРС 2008 – Удмуртско-русский словарь / Отв. ред. Л. Е. Кириллова. – Ижевск, 2008. – 925 с.

Ушаков, Г. А. Родной кылъя учебник: кыче со луыны кулэ / Г. А. Ушаков // Кенеш. – 1989. – 11-тй №. – С. 54–58.

Т. М. Кибардина (*Можга*)

Можга педколледжысь дышетйсьёслэн удмурт кылэз дышетон удысын ужамзы

Можгаысь педагогической колледж Элькунысьтымы школаосын ужаны дышетйсьёсты дасясь дышетсконниос пöлысь одйгез самой арлыдоез луэ (усьтэмын 1918-тй арын Елабугаын, Можгае выжтэмын 1929-тй арын). Со вал нырысетйез семинария, кудаз дышетыны кутскизы удмурт дышетйсьёсты. Со дырысен трос воштйськонъёс ортчизы, шаерамы кылдылйзы шор профессиональной но вылй профессиональной дышетсконниос, кудъёсаз дасязы удмурт школаосын тыршисьёсты. Озы ке но, Можга педколледж туннэ нуналозь ас удысаз туж кулэ луись ёзэт луэ. Трос аръёс ёже кылдылэм но уже пычам традициосыз вылэ пыкиськыса, со дышеткисьёс пыр удмурт кыллэсь чеберлыксэ, удмурт культураез азинтыны тырше. Угось удмурт кылэз но шаерез дышетон-эскерон – колледжлэн одйгез валтйсь удысэз.

Шаермылэн кыче гинэ сэрегаз эн вуы, котькытысь шедьтод Можга педучилищез – педколледжез – йылпумъям муртэ. Соос

ас ужан интыязы отысь басьтэм тодон-валанъёссэс азинтыса тыршо, дышетскон юртсэс шуныт кылъёсын тодазы ваё. Нош котькуд дышетсконни адымилэн сюлэмаз но визьмаз кыле кыче ке но дышетйсьлэн образныз. Тодамы ваёмы соослэсь нимъёссэс, кинъёс ас визьзэс но сюлэмзылэсь шунытсэс кузьмазы дышетскисьёссылы.

Екатерина Алексеевна Коновалова. Куамын арлэсь кема со тыршиз педучилищын, удмурт литератураез самой секыт но идеология ласянь тужгес но кышкыт арьёсы дышетйз – одйг гождяськись автор сярэсь но шара, кышкатэк, мае ке ватытэк вераны уг луы вал соку. Озы ке но, литератураез гажаны, сое валаны мылкыд пычатйз ас дышетскисьёсылы. Соос пöлын кылосбур тодосъёся доктор В. М. Ванюшев, калык кылбурчи Г. А. Ходырев, калык артистка Н. П. Бакишева.

Григорий Данилович Данилов – кылбурчи, прозаик, журналист. Ас задор мылкыдыныз дышетскисьёсылэсь мылкыдзэс бурдылэз, соослы матысь но гажано эш луылйз. Литературно-творческой кружокез солэн зэмсэ школалы пöрмиз, кытын студентъёс гождяськон быгатонлыксэс муромытылйзы. Григорий Даниловичлэн дышетскисьёсыз тросэз дано адымиос луизы: кылосбур тодосъёся доктор А. Ф. Шутов, калык кылбурчи А. К. Леонтьев.

Римма Ивановна Данилова, Россиысь школалэн сйё-дано дышетйсез, СССР-ысь но РСФСР-ысь дышетон удысысь отличник, начальной школасын ужан учебникъёслэн но методической пособиослэн авторез, дышетйсь-методист. Удмурт кылэз но литератураез дышетонлы методикаез студентъёслы туж вылй куронъёсын сётйз. Тросэз дышетскисьёсыз бöрысь Элькунамы сйё-дано адымиос луизы: педагогика тодосъёся кандидатъёс З. В. Суворова, Р. А. Кузнецова, кылосбур тодосъёся доктор А. С. Измайлова-Зуева.

Берло кызь ар ёже татын тыршо Т. С. Иванова но М. А. Пискунова.

Татьяна Сергеевна Иванова – калыкез дышетон удысысь отличник, Удмурт Элькунысь сйё-дано дышетйсь, начальной классъёсын «Лыдзон книгаослэн» соавторзы. Пиналъёслы удмурт но зуч кылэз дышетон методикаез сётэ, туж бадзым уж нуэ студентъёслэсь шаерез гажан мылкыдзэс жутон но соослэсь

творческой быгатонлыкэс азинтон бордын. Трос арьёс чоже со вал удмурт отделенилэн кивалтйез. Солэн тыршеменыз педколледжын шаерысьтымы сйё-дано адымиос – Можга педколледжез йылпумьям муртёс – сярись люкамын бадзым материал. Коткуд аре кык яке куинь пол ортчытыя умурт гождьяськисьёсыз, дышетйсьёсыз, югдытйсьёсыз, удмурт культураез азинтйсьёсыз тодэ ваён творческой жытьёс. Литературно-творческой кружоказ ветлэм студентёсыз тросез литературае но журналистикае сюрес лёгизы, сборникъёсын печатлало ас ужёссэс (Эрик Батуев, Елена Миннигараева, Екатерина Макарова, Елена Сараматова). Татьяна Сергеевна ас примереныз трос сётэ пинальёслы улон шоры капчи мылкыдын учкыны, коткычёе ужын сюлэмез поныса тыршыны.

Маргарита Анатольевна Пискунова – калыкез дышетон удисысь отличник, Удмурт Элькунысь сйё-дано дышетйсь. Педколледжын удмурт но зуч кыльёсты, удмурт литературез но удмурт кылын вераськон урокъёсты нуэ. Педучилищеосын удмурт кылэз но литератураез дышетыны учебникъёс өвöлысь, ас ужаз быгатыса кутэ шаерамы печатласькись изданиосты. Дышетон материалэз газетъёсысь но журналъёсысь статьяос пыр сётэм сяна, Маргарита Анатольевна удмурт студентёслы пычатэ публицистикаез лыдзыны мылкыд, кусып возыны юрттэ удмурт изданиослэн редакциосынызы, туж бадзым уж нуэ студентёслэсь кылзэс волятон бордын. Солэн тыршеменыз пинальёс пырысько удмурт кылья но литературая Элькунамы ортчись олимпиадаосы, отын vormисе потыло. Маргарита Анатольевна студентёссэ исследовательской уж пöлы кыске. Лыдзем производениосъя конференциос дасян бордын пинальёс мылысь-кыдысь тыршо солэн кивалтэмез улсын.

Можга педколледжын удмуртлыкез возён-чаклан бордын бадзым уж лэсьтйз Л. А. Смирнов. Кылем вапумлэн 80-тй арьёсаз Лев Афанасьевич отын завуч луыса ужаны кутскиз. Удмурт культуралэн возиськемез понна сюлэмизлэсь пöсьсэ сётыса тыршиз со. Солэн кичöлтэмезъя но педучилищеен азьвыл но али дыре кивалтйсьёслэн И. М. Шавринлэн но Н. А. Пискуновлэн кыдёке азьпала учкыны быгатэмзыя, колледжын вань дышетскон группаосын, вань дышетон специальностьёсын вераськон удмурт кылэз но зуч кылэ берыктэм удмурт литератураез дыше-

то студентъёс – удмуртъёс но, зучъёс но, бигеръёс но, ваньмыз мукет выжы калыкъёс но.

Мыным шуд усиз дас ньыль ар чөже ужаны та сйё-дано дышетконниын, та дано дышетйсьёсын артэ, соослэсь дышетскыса но соосын чөш дышетскисьёслы удмуртлык пычатуса. Ас ужам пинальёсты тросгес тодматыны тырши финн-угор дуннеен, удмурт калыклэн но выжы калыкъёслэн фольклоренызы. Можга педколледжын дышетскем но бöрысь ужам арьёс улонын яркыт вакыт луизы. Азвыл арьёсы ужам дышетйсьёслэсь адзем карыса но соослэсь дышетскыса, тужгес но шöдйськод, тон бордысь но потэ, пинальёс валалозы-а, соос удмуртъёс шуыса, соослэн но анай кылзы сыче ик дано, кыче мукет выжы калыкъёслэн кылзы. Тае валаса огъя ужам одно ик сётоз аслэсьтыз кидысьёссэ.

Можга педколледжын удмурт отделение, нимаз висьямын öвöл ни ке но, улэ пöртэм ужъёс пыр. Кылсярысь, али дыре отын пусйизы вордйськем дырысеныз 70 ар тырмемзэ Р. И. Данилова-лэсь, буре ваён жыт ортчытйзы, озы ик 70 арес тырмеменыз валче, Г. Д. Даниловлы. Жоген котырес жöк сьöрын вераськон жутозы удмурт кылэз но удмуртлыкез жутон но азинтон сярись. Озыен, Можга педколледж аслэсьтыз дано ужзэ азинтоз, нош зеч кизем кидысьёсыз буй-буй пушгёзы калык пöлын.

О. А. Попова (*Пермь*)

К вопросу об учебно-методическом обеспечении преподавания родному языку в среднем звене коми-пермяцкой школы

Значительную роль в подготовке грамотного, компетентного человека, любящего свой язык, свой народ, стремящегося к развитию и сохранению традиций, ценностей родного народа и усвоению накопленного опыта предыдущих поколений имеют уроки изучения родного языка. Именно здесь главным помощником учителя-филолога является учебник по родному языку.

В настоящее время в национальных школах Коми-Пермяцкого округа задействованы новые учебники по родному языку для средней ступени «Коми-пермяцкий язык» для 5–6 классов

(Кудымкар, 2006), «Коми-пермяцкий язык» для 7–9 классов (Кудымкар, 2009). Хочется отметить, что переиздание учебников на сегодня является уже фактом того, что в округе проводится определенная работа по сохранению и развитию родного языка, проявляется забота о национальной школе. Изданные учебники привлекательны со стороны оформления, качества бумаги, включения разного вида иллюстраций и приложений.

В сравнении с предыдущими изданиями в них произошли и определенные изменения как в структуре самого учебника, так и в содержании включенных текстов. Остановимся на них подробнее, а также оценим данные изменения с точки зрения школьного учителя-практика, преподающего родной язык в национальной школе.

Учебник «Коми-пермяцкӧй кыв: 5–6 классэз понда» / «Коми-пермяцкий язык: для 5–6 классов» (Кудымкар, 2006). Учебник включает в себя такие разделы: «Текст», «Синтаксис и пунктуация», «Фонетика, графика и орфография», «Лексика и фразеология», «Состав слова и словообразование», «Морфология». В приложении включены таблицы по орфографии. Нововведением по сравнению с предыдущим изданием является раздел «Текст», включение отдельных терминов на коми-пермяцком языке (*мед-тӧчана дума* ‘основная мысль’, *отсасяна глагол* ‘вспомогательный глагол’, *везжӧртас* ‘понятие’). К сожалению, отсутствует так необходимый учащимся толковый словарь. Кроме этого, были убраны параграфы: «Причастие гижӧм» («Правописание причастия»), «Глаголлэз гижӧм» («Правописание глагола»), хотя упражнения на их написание в учебнике оставлены. Надо заметить, что оформление теоретического материала учебника, оформление его структуры выполнено редактором не всегда корректно.

Структура учебника «Коми-пермяцкӧй кыв: 7–9 классэз понда» / «Коми-пермяцкий язык» для 7–9 классов (Кудымкар, 2009) включает в себя раздел «Текст да сёрни стиллэз» («Текст и стили речи»), синтаксис сложного предложения, сведения из истории языка. В конце учебника дается объемное приложение, включающее в себя мини-ЕГЭ по родному языку, разного рода иллюстрации, таблицы по основным понятиям грамматики, ма-

териалы для изучения темы «Текст», его виды и признаки, виды ошибок в устной и письменной речи и краткий толковый словарь. Новым в данном издании является раздел «Кыв йыллысь да кыв зоралом историяись сведеннӛӛз» («О языке и сведения из истории развития языка»), тема «Текст да сёрни стиллӛз» («Текст да стили речи») разбита на два класса (в предыдущем издании он дан компактно в 9 классе в разделе «Стилистика да сёрни культура» («Стилистика и культура речи»)). Из лингвистических терминов с русского языка переведены на коми-пермяцкий язык: предложение – *сёрникузья*, словосочетание – *кывтӛчас*, названия типов текста и стилей речи.

Заметим, что в анализируемых учебниках для средней школы в сравнении с издаваемыми учебниками начальной школы отсутствует принцип преемственности в плане употребления лингвистической терминологии. Ученик начальной школы, усвоив термины на коми-пермяцком языке, попадая в школу средней ступени, сталкивается с ними вновь на русском языке. Ему и удобнее, и привычнее пользоваться русскими терминами, которые параллельно звучат на уроках русского языка. В результате чего, он теряет навыки использования в своей речи терминов на родном языке. Учебник для 7–9 классов вновь предлагает понятия, наименования на родном языке. Именно на этом этапе у учащихся появляется отторжение к употреблению искусственных форм терминов на родном языке.

Авторским коллективом внесены изменения в содержание текстов, включены новые задания. Отрадно, что в содержание дидактического материала включен этнокультуроведческий аспект по таким темам, как: предметы быта, одежда, интерьер жилища коми-пермяка, народные ремесла, языковые особенности, выраженные в фольклоре народа.

Работа над усвоением нового материала ведется поэтапно: на словах, предложениях, тексте. Вновь включенные тексты содержат материал, связанный с топонимикой, этимологией отдельных слов и выражений; даются сведения о языке, его развитии, связи с другими родственными языками; включены диалектные тексты; тексты этнокультуроведческого плана, в которых рассказывается о праздниках, обычаях и обрядах народа; тексты, взятые из фольклора и произведений коми-пермяцких писате-

лей; тексты, рассказывающие о биографиях знаменитых людей Пармы. Отдельное место занимают тексты на перевод с русского языка на коми-пермяцкий и наоборот. Однако авторы учебников все же сохранили большую часть прежних текстов без изменений, что вызывает неоднозначное мнение исследователей. Почему? Большинство из них были оставлены авторами из предыдущих изданий учебников родного языка, которые были составлены в середине прошлого столетия. Обратимся к цитате из статьи С. С. Шляховой, А. С. Лобановой «Формирование коми-пермяцкого литературного языка и социальная среда»: «Сегодня коми-пермяцкий литературный язык преимущественно является собою ту систему, которая была создана в 20–30-е гг., и подробно описана и зафиксирована в 50–80-е гг. XX в.... Кодификация, закрепление литературной формы коми-пермяцкого языка происходит в соответствии с нормами середины прошлого столетия, что отражено как в существующих словарях, так и в новых учебниках для средней школы. ... до сих пор тиражируют дореволюционные и советские мифологемы, идеологемы, штампы, лексику. И это неудивительно, поскольку авторы учебников постигали родной язык через призму новояза. ... Мир, который описывается на родном языке, не может быть привлекателен для школьников. Они живут в высокотехнологичное время компьютеров, виртуальной реальности, мировой глобализации. Читая тексты для анализа в учебнике, создается ощущение, что время остановилось и застряло где-то в 30–60-е гг. XX в.» [Шляхова, Лобанова, 2010: 62, 74].

Проведенные опросы и беседы с учителями разных школ Коми-Пермяцкого округа, практика студентов-практикантов 4-го курса коми-пермяцко-русского отделения по апробации только что изданного учебника «Коми-пермяцкӧй кыв: 7–9 классез понда» показали, что типичными замечаниями всех работающих с новым учебником для 7–9 классов явились следующие:

– термины, данные в новом учебнике (*сёрникузя, кывтэчас, шыпас, висъятыяна текст, медтӧчана дума* и др.) нелегко усваиваются как учащимися, так и самими учителями;

– материал дан предельно сжато, кратко, что недостаточно для формирования отдельных умений и навыков учащихся по изучению той или иной темы;

– недостаточное количество упражнений для закрепления и обобщения материала по теме (что касается особенно синтаксиса сложного предложения);

– не всегда остаются востребованными те виды заданий и упражнений для развития речи, которые в большом количестве представлены в учебнике (хотя это можно назвать большим плюсом);

– тема «Виды придаточных предложений в СПП» по сравнению с предыдущим изданием представлена одной таблицей, упражнений для углубленного его изучения и закрепления явно недостаточно, далеко не все они направлены на усвоение материала.

Все вышесказанные замечания заставляют учителя по родному языку возвратиться к использованию в своей работе старых учебников: «Коми-пермяцкий язык» для 5–6 классов (Кудымкар, 1990), «Коми-пермяцкий язык» для 7–9 классов (Кудымкар, 1992) либо использовать в своей работе только старые учебники.

Что же имеется у учителя из других учебно-дидактических материалов?

Существующая программа по родному языку (Коми-пермяцкӧй кыв да литература сьӧртӧ программа 5–9 классэз понда (Кудымкар, 1989)), как, впрочем, и по литературе, на сегодняшний день не соответствует содержанию и структуре последних изданий учебников.

Вся та небольшая часть учебно-методической литературы, которая была издана в 80–90-е гг. прошлого столетия давно устарела как по содержанию теоретической части, текстов, так и по структуре, терминологии. Разработкой новой по разному рода причинам никто не занимается.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что на сегодняшний день учитель родного языка в школах Коми-Пермяцкого округа не имеет руководства со стороны программы, вынужден сам строить учебно-тематический план, с критическим взглядом оценивать материалы учебника по родному языку, подбирать дополнительный дидактический материал к уроку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Коми-пермяцкӧй кыв да литература съӧрті программа 5–9 классэз понда. – Кудымкар, 1989.

Коми-пермяцкӧй кыв: 5–6 классэз понда учебник / Авт.-сост. Е. В. Ботева, З. К. Тудвасева, Н. И. Полуянова. – Кудымкар : Коми-Перм. кн. изд-во, 2006.

Коми-пермяцкӧй кыв: 5–6 классэз понда учебник / Авт.-сост. Е. В. Ботева, З. К. Тудвасева, Н. И. Полуянова. – Кудымкар, 1990.

Коми-пермяцкӧй кыв: 7–9 классэз понда учебник / Авт.-сост. Е. В. Ботева, Н. Е. Бражкина, М. Е. Галкина и мӧд. – Кудымкар : Коми-Перм. кн. изд-во, 2009.

Коми-пермяцкӧй кыв: 7–9 классэз понда учебник / Авт.-сост. Е. В. Ботева, Н. Е. Бражкина, М. Е. Галкина и мӧд. – Кудымкар, 1992.

Шляхова, С. С. Формирование коми-пермяцкого литературного языка и социальная среда / С. С. Шляхова, А. С. Лобанова / Краеведческие чтения: Сб. докл. и сообщ. – Кудымкар, 2010. – С. 62–76.

Е. Ю. Богданова (*Глазов*)

Работа над речевой связностью и логичностью текста на уроках русского языка в национальной школе (в рамках задания «С» ЕГЭ по русскому языку)

При подготовке к заданию «С» ЕГЭ по русскому языку в национальной школе особое внимание следует обратить на трудности и ошибки, связанные с построением единиц текста. В рамках данной статьи остановимся на двух моментах проблемы:

1. Отклонения от нормативного построения сложного синтаксического целого (ССЦ).

2. Работа над речевой связностью и последовательностью изложения.

В лингвистике и стилистике текста к текстовым единицам традиционно относят прежде всего сложное синтаксическое целое (ССЦ). Это структурно-смысловая единица текста, объеди-

нённая тематически и связанная логико-семантически и лексико-синтаксически.

Представляется важным рассмотреть отклонения от нормативного построения ССЦ в области связи самостоятельных предложений.

Недочёты проявляются:

- 1) в избыточности связующих единиц;
- 2) недостатке связующих единиц;
- 3) несогласовании временных глагольных форм, т. е. неучёте связующей функции лексико-грамматических единиц, появляющейся в контексте при повторе одинаковых грамматических форм.

Приведём соответствующие примеры из сочинений ЕГЭ и рассмотрим заключительную часть сочинения, представляющую собой ССЦ.

Таким образом, исходя из вышесказанного, мы можем говорить о том, что автор обращается к проблеме, относящейся к категории вечных вопросов.

В этом предложении избыточно либо вводное слово со значением подведения итога *таким образом*, либо связующий деепричастный оборот *исходя из всего вышесказанного*, выражающий отношения между такими компонентами мысли, как «основание» и «следствие».

Пример, иллюстрирующий неполноту выражения связи предложений:

Исходя из сказанного, человеческие ценности принадлежат всему миру – вместо: Исходя из сказанного, можно заключить, что человеческие ценности принадлежат всему миру.

Несогласование форм глагола является распространенным недочетом письменной речи; например:

В конце текста автор написал слово «человечество» большими буквами. Делается это для того, чтобы показать величие всех людей вместе. Только вместе, без ссор и распрей, мы можем построить нашу жизнь светлой и счастливой. Именно археология помогла нам в этом.

Легко заметить, что в данном фрагменте текста использованы различные глагольные формы: настоящего времени страдательного залога (*делается*); настоящего времени действительно-

го залога (*можем построить*); инфинитив (*показать*); прошедшего времени совершенного вида (*написал, помогла*). Такое разнообразие глагольных форм отнюдь не гармонизирует текст.

Редактирование связности текста

Текст представляет собой конструкт, в котором все элементы взаимосвязаны, логически подогнаны друг к другу, соединены специальными «скрепами», по выражению М. В. Ломоносова, «подобно гвоздям или клею». Связность пронизывает все компоненты текста, поэтому представление о ней необходимо для овладения культурой письменной речи, что имеет практическое значение.

При подготовке к сочинению в рамках задания «С» ЕГЭ рекомендуем познакомить учащихся с языковыми средствами, выражающими движение мысли. Они используются для связи самостоятельных предложений и абзацев.

1. Активизация мысли (*рассмотрим; заметим, что; обратимся; покажем, что; подчеркнём, что; перейдём*).

2. Логическое выделение мысли (*важно отметить, что; следует обратить внимание на то, что; я должен заметить, что; не должно забывать, что*).

3. Связь с вышесказанным (*было показано, что; как было ранее отмечено; мы видели, что*).

4. Связь с последующим (*будет видно из дальнейшего; как мы увидим далее*).

5. Порядок изложения (*прежде всего, сначала, теперь, далее, затем, позднее, во-первых, во-вторых, следующий*).

6. Указание на итог, обобщение (*таким образом; следовательно; итак; словом; подытоживая; можно сказать, что*).

Данная классификация усложняется применительно к заданию «С», поскольку сочинение пишется на основе прочитанного текста и, следовательно, в нём перемежается движение мысли автора текста и движение мысли автора сочинения-рассуждения. Особенно ярко это проявляется в частях текста, связанных с формулировкой проблемы, её комментарием, выделением авторской позиции. Напомним, что **проблема** – это сложный практический или теоретический вопрос, требующий решения, исследова-

дования; **позиция автора** – это вывод, к которому приходит автор, раздумывая над какой-либо проблемой.

Способы формулирования проблемы:

1. **Проблема какая:** *автор размышляет над проблемой силы человеческого духа; прочитав текст, я задумался над проблемой силы человеческого духа.*

2. **В виде вопроса:** *Что вселяет в людей веру в торжество жизни над смертью? Что заставляет их работать, как в мирное время, и обустривать свою жизнь в условиях войны? На эти проблемные вопросы отвечает военный журналист Евгений Кригер.*

Как можно противостоять хаосу и разрушению в военное время? Как соотносятся с военными условиями мирные занятия? Ответы на эти вопросы мы находим в тексте Евгения Кригера.

Вопросы, конкретизирующие содержание комментария проблемы:

- Актуальна ли проблема?
- Тип проблемы?
- На каком материале раскрывается?
- Какие эмоции автора выражены в тексте?
- Какие средства выразительности помогают выявить авторское отношение к проблеме?

Сформулировать позицию автора помогут типовые конструкции:

Позиция автора такова:...

Автор считает, что...

Автор стремится донести до читателя мысль о том, что ...

Автор убеждает нас в том, что...

В тексте доказывается мысль о том, что...

Основная мысль текста заключается в том, что ...

Проиллюстрируем употребление языковых средств и типовых конструкций в отрывке из сочинения-рассуждения на основе прочитанного текста:

*Что вселяет в людей веру в торжество жизни над смертью? Что заставляет их работать, как в мирное время, и обустривать свою жизнь в условиях войны? **На эти проблемные вопросы отвечает** военный журналист Евгений Кригер.*

Следует отметить, что проблема духовной стойкости человека актуальна во все времена. Наиболее остро она поднимается в трагические минуты военных испытаний. Автор текста повествует о событиях Великой Отечественной войны, битве за Сталинград. Он заостряет наше внимание на работе Сталинградской электростанции. Заметим, что военный журналист, очевидец описываемых событий, Евгений Кригер с документальной точностью рисует то картину разрушений, то обстановку помещения внутри здания электростанции. Он использует приём антитезы, подчёркивая исключительность соотношения разрушительного хаоса войны и созидательного труда. Евгений Кригер поражён силой духа жителей города, которые в самом пекле военных действий продолжали свой мирный труд.

Таким образом, автор стремится донести до читателя мысль о том, что сила духа помогает людям продолжать свой труд и тем самым противостоять войне.

Итак, в национальной школе на уроках русского языка работа над смысловой цельностью, речевой связностью и последовательностью изложения должна содержать элементы редактирования и объяснения типичных ошибок; упражнения на основе готовых типовых конструкций (клише); знакомство с текстами-образцами.

Р. А. Кузнецова (Ижевск)

Колыбельные песни как средство приобщения детей дошкольного возраста к диалогу культур

Диалог пронизывает всю нашу жизнь. Он является средством осуществления коммуникационных связей, условием взаимопонимания людей. Взаимодействие культур, их диалог – наиболее благоприятная основа для развития межэтнических, межнациональных отношений. Характерной особенностью диалога культур является, прежде всего, его направленность на взаимобогащение культур, вступающих в диалог: в процессе положи-

тельного взаимодействия каждая из культур, изменившись, не исчезает, а обогащает свой потенциал.

Для народной культуры было характерно стремление дать ребёнку основные ориентиры как можно раньше, задолго до того, как он этот мир практически будет осваивать сам. Построение картины мира ребёнка начиналось сразу после появления младенца на свет через обращенный к нему материнской фольклор – колыбельные песни, пестушки, потешки...

Колыбельные песни дарят счастье, покой и умиротворённость. Ритм колыбельной песни, соотнесённый с ритмом дыхания и сердцебиения матери и ребёнка, играет важную роль в их душевном единении. Колыбельные песни – первые уроки родного языка. Постепенно привыкая к повторяющимся интонациям, ребёнок начинает различать отдельные слова, что помогает ему овладеть речью, понимать её содержание. Колыбельные песни формируют музыкальный слух и чувство ритма. Сочетание согласных в таких песнях помогает развитию артикуляции и освобождению довольно распространённого дефекта – картавости, например: «Ой-ой-ой, тара-ра-ра, на горе стоит гора...», «А ду-ду-ду-ду-ду, потерял мужик трубу...», «Зыбаю, зыбаю. Отец ушёл за рыбою...», «А тари, тари, тари, Да куплю Марьке ян-тари».

Экспериментальной площадкой нашей диссертационной работы явился детский сад № 5 г. Ижевска. На вопрос «Какими ласковыми словами называют вас родители?», одни дети ответили: «Зайчиком, солнышком», некоторые пожали плечами, другие сказали: «Никакими, просто называют по имени». На следующий вопрос «Как укладывают вас спать?» ответили следующим образом: «Поют колыбельные песни», «Читают сказки», «Просто говорят: спокойной ночи!», некоторые с досадой сказали: «Папа говорит: Марш в кровать! Пора спать!». Этот разговор с детьми побудил меня выступить перед родителями по теме «Значение колыбельной песни в психическом и нравственном здоровье ребёнка».

Дети, которым не хватает ласки дома, пусть хотя бы в дошкольном учреждении получают её через разучивание колыбельных песен. Такие фольклорные произведения уместно разучивать на музыкальных занятиях при ознакомлении с музыкаль-

ным фольклором. Учитывая тот факт, что в Удмуртской Республике действуют 2 государственных языка, считаем уместным исполнение музыкальным руководителем удмуртской колыбельной наряду с русской. Если нет такой возможности, можно прочесть тексты удмуртских колыбельных в переводе на русский язык, чтобы дети имели представление, о чём пела удмуртка своему младенцу, какими ласковыми словами называла она ребёнка.

Колыбельные песни можно разучивать и на занятиях по обучению детей удмуртскому языку. Например, фрагментом одного из моих занятий было следующее: дети приходят на занятие со своей любимой куклой (медвежонком, зайчиком и т. д.). После описания каждым ребёнком своей игрушки воспитатель (учитель) просит детей исполнить для своих игрушек колыбельную на удмуртском языке. Когда игрушки «засыпают», воспитатель говорит: «Ваши детки уснули, пойдёмте поиграем». Дети аккуратно укладывают свои игрушки на свои стульчики и подходят к воспитателю. Таким образом, начинается следующий этап занятия – разучивание удмуртских народных игр.

В том же детском саду был один мальчик, который хорошо владел удмуртским языком. Некоторые дети недоумевали: «Почему Максим так хорошо знает удмуртский язык, а я совсем не могу говорить?». Я им ответила: «Когда мама кормила Максима грудью, пела ему колыбельные на удмуртском языке, поэтому Максим начал говорить по-удмуртски. Саше мама пела русские колыбельные, поэтому Саша стал хорошо говорить по-русски, а Ильяс слышал колыбельные на татарском языке, поэтому Ильяс выучил татарский язык». После этого разговора дети вспомнили русскую и удмуртскую колыбельные песни, я прочитала текст татарской колыбельной в переводе на русский язык. Разобрали лингвистические особенности исполненных песен.

После каждого занятия в уголок для родителей помещала список слов, с которыми дети ознакомились в этот день, тексты песен, сказок, которые инсценировали. Подобная работа даёт возможность родителям контролировать успехи детей в изучении языка, а также самим совместно с детьми изучать удмуртский язык и песни.

Работая в детском саду, убедилась, что дети в тихий час любят слушать не только сказки и рассказы, но и песни. Я исполняла им русские и удмуртские колыбельные песни, дети просили петь ещё и ещё, засыпали очень спокойно.

Неизгладимое впечатление оставила поездка в архитектурно-этнографический музей-заповедник «Лудорвай». Надо было видеть глаза детей, когда им показывали настоящую колыбель. Качая куклу в зыбке, они исполнили для неё колыбельные на русском и удмуртском языках.

Таким образом, разучивая колыбельные песни в условиях полиязычной среды, мы приобщаем детей к диалогу культур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гуси–лебеди. Фольклор для детей от колыбельных до былин. – М., 1990.

СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Л. В. Бусыгина (Ижевск)

Территориальное распространение и происхождение наименований комара в удмуртском языке

*Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ.
Проект № 09-06-00-304а*

Настоящая статья выполнена в рамках создания Диалектологического атласа удмуртского языка. Понятие *комар* в удмуртских диалектах выражается различными по своему происхождению и распространению наименованиями, что и явилось иницилирующим фактором нашего исследования.

Комар обыкновенный (*Culex ripiens*) принадлежит к отряду двукрылых. Обладает длинными ногами и низкими крыльями, несущими чешуйки и волоски, размах крыльев варьирует от менее 3 до 15 мм. У комаров длинные антенны с завитками волосков, которые более развиты у самцов. Ротовой аппарат приспособлен к прокалыванию и сосанию, большинство самок питается кровью млекопитающих или птиц; а самцы обычно нектаром. Известно более 1600 видов комаров [Брем 2002: 364]. Названные физиологические особенности насекомого легли в основу номинации некоторых его названий.

В удмуртских диалектах для обозначения комара употребляются слова *комар*, *пискун*, *нымы*, *кус'кук*, *куз'ныр*, *куа\га*, *чибин'*, *кюс'кук чибин'*, *чырткэй*, *юбра*.

Наличие в письменных источниках

komar 'комар' [< Russ.] (1892–1894) [Wichm., 120]; *комар*, *комари диал.* комар // *комариный* [УРС 1983: 206]; *комари* 'комар' (1994) [БиолКБ, 23, 88];

пугу 'комар' (1892–1894) [Wichm., 169]; *nQmQ Sar.* 'комар' (1896) [Munk., 513]; *нымы* 'комар' (1775) (Соч., 28), [Тепляшина, 164–165]; *nimi* (1785) (Дам., 115) [Тепляшина, 164–165]; *пугу* = *пот* (S) 'комар' (1880) [Wied., 508]; *Нымы* I *Culex*, *комарь* (1892)

[Верещагин, 172]; *нымы* с., ‘комар’ (1919) [Яковлев, 21, 56] (Слово *нымы* И. В. Яковлев дает с объяснительной пометой, что в казанском говоре оно используется в значении ‘мошка’); *Нымы* ‘Мошка’ (1919) [Крылов, 25]; *нымы* ‘комар’ [РУС 1931: 24]; *нымы* ср. ‘комар’ (1932) [Борисов, 198]; *нымы* 1) ‘мошка’; 2) *сред.* ‘комар’ [УРС 1948: 210]; *нымы* ‘комар’; ‘мошка, мошкара // комариный; мошкариный’ [УРС 1983: 306]; *нымы* ‘комар’; ‘мошка (мошкара)’ (1994) [БиолКБ, 33, 88]. Помимо приведенного выше материала, также в письменных источниках зафиксированы сложные слова, одним из компонентов которых является лексема *нымы*:

pQr-nQmQ ‘мошка’ (1896) [Munk., 513]; *пырнымы* ‘мошка’ (1932) [Борисов, 198]; *пырнымы* 1. ‘мошкара’ 2. диал. ‘комар’ [УРС 1983: 373];

nQmQ-kut ‘насекомые вообще’ (1896) [Munk., 513]; *нымыкут* ср. ‘насекомое вообще’ (1932) [Борисов, 198]; *нымыкут* 1) ‘мелкое насекомое’; 2) ‘мошкара’ [УРС 1948: 210]; *нымы-кут* ‘мошкара, комары и мухи’ [УРС 1983: 306]; *нымы-кут* ‘тж’ [БиолКБ, 33];

нымы-кибы 1) ‘мелкое насекомое’; 2) ‘мошкара’ [УРС 1948: 210]; *нымы-кибы* ‘мошкара’; *нымы-кибыос* ‘насекомые, комары и букашки’ [УРС 1983: 306]; *нымы-кибы* ‘мошкара, насекомое’ [БиолКБ, 33];

кут ‘комар’ [БиолКБ, 88];

t's'ibin' G U ‘sāāski’ (G), ‘мошка’ (U), ‘M]cke’ (GU) (< Тат.) (1892–1894) [Wichm., 283]; *cibiñ* Glaz. Kaz. [Тат.] ‘комар’; *k/z' ñYr cibirin'* ‘тж’ (1896) [Munk., 321]; *c'ibin'*; *цибинь* ‘комар’ (1786) (Могилин, 39), [Тепляшина, 244]; *Чибинь* I, *Чибинь* II ‘Culex, комарь’ (1892–1920) [Верещагин, 245]; *Чибинь* ‘Комар, муха’ (1919) [Крылов, 40]; *цибинь* ‘комар’ [РУС 1931: 24]; *цибинь* св. кр. юж. ‘мошка, комар’ (1932) [Борисов, 317]; *цибинь* ‘комар’; *векчи* *цибинь* ‘мошкара’ [УРС 1948: 325]; *цибин'* ‘комар’, бавл. ‘муха’; *сукър* *цибин'* ‘мошкара’ [Тараканов 1982: 60]; *цибинь* 1. ‘комар // комариный’ 2. диал. ‘муха’ [УРС 1983: 472]; *цибинь* ‘комар; муха’ [БиолКБ, 49, 88];

kuz'-kuk Sar. Jel. Kaz. ‘род комара’ (1896) [Munk., 215]; *kuz-kuk* ‘комар’ (1880) [Wied., 497]; *Кузь* *кук* к. ‘комар’ [Яковлев, 21, 56]; *кузькук* *нымы* ‘длинноногий комар’ (1932) [Борисов, 148]; *кузь-*

кук диал. ‘комар // комариный’ [УРС 1983: 226]; *кузькук* ‘комар’ [БиолКБ, 26, 88];

k/z' nYr Kaz. ‘комар’ (1896) [Munk., 215]; *кузьныр* св. кр. юж. ‘мошка, комар’ (1932) [Борисов, 317]; *кузьныр* диал. ‘комар’ [УРС 1983: 226]; *кузьныр* ‘комар’ [БиолКБ, 26, 88];

t's'irikeq U M]cke (< Тат.) (1892–1894) [Wichm., 285]; *tAirkei, tAerkei* ‘комар’ (1880) [Wied., 540]; *чырккей* южн. ‘мошкара’ [УРС 1948: 331]; *чыркэй* ‘комар’ [Тараканов 1982: 60]; *чырккей* диал. ‘мошкара’ [УРС 1983: 482];

Куаник I ‘Culex, комарь’ (1892) [Верещагин, 129].

Варианты слова и их территориальное распространение

Заимствованная из русского языка лексема *комар* употребляется в основном в говорах среднеижского диалекта (92, 94–98, 123) и южного наречия (124, 126, 127, 136). Усеченная форма данного слова *ком* встречается в д. Кульма Кильмезского района Кировской области (12). Фонетический вариант *комари* отмечен у бесермян д. Юнда Балезинского района (36) и дд. Шармардан и Филимоново Юкаменского района (45, 46), при этом, в северном наречии, за исключением слободского говора, повсеместно распространено слово *чибин'* ‘комар’. У бесермян д. Жувам Юкаменского района (49) также отмечен вариант этого слова с неогублённым гласным средне-заднего ряда среднего (средне-нижнего) подъёма ь: *чьбьн'* ‘комар’.

Лексема *чибин'* ‘комар’ бытует и в срединных говорах, за исключением омгинского говора валинского диалекта (16, 18, 107, 108). В южном наречии данная лексема встречается в дд. Нов. Бия Можгинского района (117), Стар. Утчан Алнашского района (136) и в с. Бол. Карлыган (138), представляющем шошминский говор периферийно-южного диалекта.

Заимствованное из русского языка ономотопозитическое образование *пискун* зафиксировано в д. Ниж. Адам-Учи Граховского района (131).

Слово *нымы* наличествует в срединных говорах (13, 14, 72, 74, 77–79, 89, 99, 100, 103).

Название *кус'кук*, основанием номинации которого является внешний признак насекомого и представляющее собой атрибутивное сочетание, созданное по модели «прилагательное + существительное»: *кус'* ‘длинный’ + *кук* ‘нога’, распространено пре-

имущественно в говорах южного наречия, в частности, в западной части кизнерско-можгинского говора (109–112, 116), в граховском (113, 131–133) и алнашском (135, 137, 149) говорах, а также в одном из срединных говоров – омгинском (16, 18, 107, 108). Следует заметить, в названии наблюдается структурная «неполнота» синтаксической конструкции, т. е. в процессе стягивания словосочетания в однословное наименование произошло «выпадение» языковой единицы, легко восстанавливаемой из контекста (лексема *чибин'*).

Вариант с гласным (передне-)среднего ряда верхнего подъёма *ю* – *кюс'кук* встречается в говорах периферийно-южного диалекта за исключением красноуфимского говора (175).

В с. Мал. Лызи Балтасинского района Республики Татарстан (141) бытует наименование: *кюс'кук чибин'* ‘комар’, являющееся полной (не усеченной) структурой: представляет собой составной термин, образованный по модели «прилагательное + существительное + существительное»: *кюс'* ‘длинный’ + *кук* ‘нога’ + *чибин'* ‘комар’.

Следует подчеркнуть, что исследователи говоров причепецких татар отмечают бытование в них заимствованного из удмуртского языка слова *кучкук* ‘комар’ (см. Бурганова, 1962), что фиксирует и Большой диалектологический словарь татарского языка: *кучкук* [удм.] нокр., глз. [БДСТЯ 2009: 341]. Данный факт позволяет говорить о том, что в северном наречии удмуртского языка для выражения понятия «комар» первоначально употреблялось слово *кус'кук*, и вероятнее всего, с компонентом *чибин'*. То есть, полную его форму можно реконструировать в виде *кус'кук чибин'*. При этом следует заметить, что последняя часть является заимствованием из татарского языка. Но так как в татарском языке лексема *чебен* имеет значение ‘муха’, то в целях разграничения этих двух видов насекомых, татарами, вероятно, была перенята лишь первая часть названия, или же впоследствии произошло выпадение последнего компонента. В удмуртском же языке в указанном ареале, как и в большинстве удмуртских диалектов, в значении ‘комар’ закрепляется *чибин'*.

В слободском говоре нижнечепецкого диалекта удмуртского языка (1–3) в значении ‘комар’ отмечена эллиптированная лексема *куз'ныр*, при этом здесь наличествует и слово *чибин'*, кото-

рое используется в значении ‘муха’. Согласно материалам Б. Мункачи название *k/z' ŋYr* ‘комар’ в свое время было зафиксировано в казанском диалекте [Munk., 215]. Не исключено, что на нижнюю Чепцу данное наименование было привнесено по Вятке завятскими удмуртами. Не исключено также и то, что изначально название *куз'ныр* как в завятских говорах, так и, возможно, в слободском говоре, употреблялось с компонентом *чибин'*.

Слово *чырткэй* и его фонетические варианты *чырткэй*, *чърткэй*, *чъркэй*, *чъркэй* для обозначения комара используются в буйско-таныпском говоре периферийно-южного диалекта и в населенных пунктах Киясовского района (128–130), относящихся к южному наречию.

В с. Нынек Можгинского района (119) выявлено параллельное использование двух наименований комара: *чиркэй* и *куага*.

Приведенное в Словаре биологических терминов С. В. Соколова слово *кут* в значении ‘комар’ в ходе полевых экспедиций не выявлено.

Происхождение

Происхождение заимствованного из русского языка слова *комар* М. Фасмер определяет как индо-европейское и возводит к др.-прусск. *satius* «шмель», ср.-в.-н. *hummen* «жужжать», д.-в.-н. *humbal* «шмель» [Фасмер 1967: 301]. Пришедшее также из русского языка наименование *пискун*, образовано от слова *пищать*, в основе которого, как утверждает М. Фасмер, «лежит, вероятно, звукоподражательное *pi-, как и в лат. *pipAre, pipiAre, pipilAre* «пищать», греч. *πίπος* «птенец», *πίπιζω* «пищу», др.-инд. *pīppaka* «определенная птица», *pīppikas* «какое-то животное»» [Фасмер 1971: 271].

Лексему *нымы* ‘комар’ В. И. Лыткин возводит к общепермскому **nytti* с основными значениями ‘комар’, ‘мошка’ и приводит допермскую форму **nytte* [КЭСК, 193] (см. также: UEW: 710–711, Соколов 1999_{1,2}: 67). В Уральском этимологическом словаре данное слово отнесено к общеуральскому пласту, где также отмечено, что удм. *пугур* ‘червь, червяк’ произошло от *пугу* ‘комар’ и приведено соответствие из коми языка: к. *потур* ‘червь, червяк’ < *пот* ‘комар’ [UEW: 303].

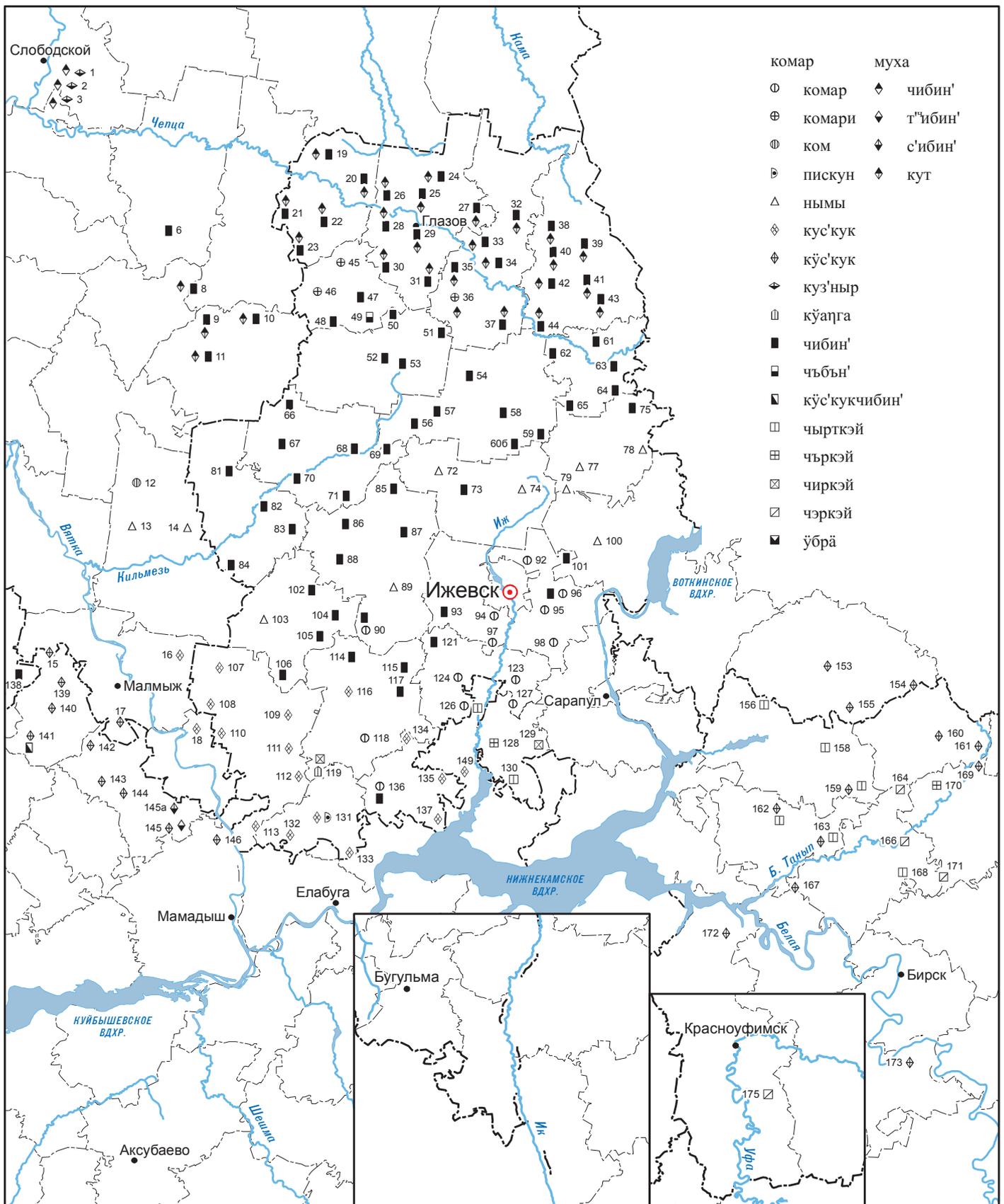
Слово *чибинь* ‘комар; муха’ возводится к тат. *чебен* ‘муха’, башк. *себен* ‘тж’ [Wichm., 283, Munk., 321, Соколов 1999₉: 80, Тараканов 1982: 142]. Данная форма, по-видимому, представляет собой старое татарское заимствование, распространившееся от южных удмуртов (о чем говорит мягкий звук *н’* в конце слова). Вероятнее всего, первоначально из татарского была заимствована форма *чибин*, но конечный звук *н* после *и* впоследствии смягчился, ср.: южн. *кин’* // сев., ср. *кин* ‘кто’; южн. *син’* // сев., ср. *син* ‘глаз’; южн. *нин’* // сев., ср. *нин* ‘лыко’) и продвинувшееся к северу, где, возможно, оно также имело место быть в речи глазовских татар. Это, в свою очередь, могло способствовать широкому распространению данного наименования на севере Удмуртии. В южных же районах, скорее всего, по причине полисемии (здесь лексема *чибинь* используется для наименования мошкары) название комара *чибинь* исчезает и появляется собственно удмуртское название *кус’кук* (*күс’кук*) (эллиптированное название из сочетаний *куз’кук чибин’* или *куз’кук нмы*) или наименование *чырткэй*.

Лексема *чырткэй* имеет также татарское происхождение, на что указывает, в частности, Ю. Вихманн [Wichm., 285], ср.: тат. *черки* ‘комар, мошка // комариный’, баш. *серТкТй* ‘комар’ [ТРС 2007_{II}: 572; РБС 2005_I: 476].

Название *куа\га*, в основе номинации которого лежит такая физиологическая особенность комаров, как питаться кровью, произошло от заимствованного из татарского языка слова *кан* ‘кровь // кровяной; кровеносный’ [ТРС 2007_I: 524]. Сильно лабиализованный татарский гласный *а* первого слога жителями с. Нынек Можгинского района был усвоен как *-уа-*. Конечный элемент *-га* представляет собой суффикс направительного падежа в татарском языке (заднеязычный носовой сонант \ возник из *н* перед заднеязычным согласным *г*). Вероятнее всего, данное наименование в удмуртском языке является заимствованной из татарского языка усеченной формы *канга сусаган* ‘кровожадный, жаждущий крови’ [ТРС 2007_I: 524].

Распространение лексемы КОМАР (карта)

КОМАР



М 1:2 000 000
(в 1 см 20 км)

Закрепленная в д. Юва Красноуфимского района Свердловской области (175) лексема *юбра* является заимствованием из марийского языка, ср.: мар. *ювра* ‘мошка, мошкара’ [РМС 1966: 330]. В марийском языке, в свою очередь, *ювра* ‘мошка, мошкара’ перенята из чувашского языка. В. Г. Егоров чув. *вупър* ‘злой дух, упырь’ возводит к глаголу *уб-* (тат.) ~ *уп* ~ *оп* ‘проглотить’, а рус. *упырь* считает тюркским заимствованием [Егоров 1964: 57]. По поводу данного утверждения М. Фасмер замечает, что «сомнительно в фонетическом отношении популярное толкование из тат. *убур* «мифологическое существо» (Радлов I, 1782 и сл.), которое связывают с *цртак* «глотать»» [Фасмер 1973: 165]. По мнению ученого, обсуждаемое слово имеет восточнославянское происхождение. Но Э. В. Севортыан поясняет, что звонкий *-б-* может свидетельствовать о долгом *о:-*, т. е. **о:n-*, так как более старая форма должна быть *опур* ~ *упыр*, с которой, считает ученый, видимо связано русское *упырь* [Севортыан 1974: 465]. М. Р. Федотов считает, что чув. *вупър* > марЛ. *вувер*, мар. *увер* ведьма / удм. *убир* злой дух; вампир; людоед < тат. *убыр* [Федотов 1996: 132].

Таким образом, исследовав ареалы распространения наименований комара и наличие их в письменных источниках, мы можем констатировать тот факт, что наиболее древнее, собственно удмуртское название комара *нымы*, сохранившееся лишь в некоторых группах срединных говоров, практически повсеместно на территории проживания удмуртов было смещено преимущественно заимствованными словами, что, вероятнее всего, было связано по причине полисемии: с необходимостью разграничить различные роды и виды комаров.

Условные сокращения диалектов и языков

башк. – башкирский язык; *греч.* – греческий язык; *д.-в.-н.* – древневерхненемецкий язык (диалект); *др.-инд.* – древнеиндийский язык; *др.-прусск.* – древнепруссский язык; *к.* – коми язык; *лат.* – латинский язык; *мар.* – марийский язык; *марГ* – горное наречие марийского языка; *рус.* – русский язык; *ср.-в.-н.* – средневерхненемецкий язык (диалект); *тат.* – татарский язык; *удм.* – удмуртский язык; *чув.* – чувашский язык.

Названия удмуртских диалектов в трудах Ю. Вихманна

G – глазовский, *J* – елабужский, *M* – малмыжский, *MU* – малмыжско-уржумский, *U* – уфимский.

Названия удмуртских диалектов в трудах Б. Мункачи
Kaz. – казанский, *Sar.* – сарапульский.

Названия удмуртских диалектов в словаре Т. Борисова
св. – северное наречие; *ср.* – срединное наречие; *юж.* – южное наречие.

Названия удмуртских диалектов в словаре И. Яковлева
с. – сарапульский; *к.* – казанский.

Названия татарских диалектов в БДСТЯ
нокр. – нукратовский говор; *гыз.* – глазовский подговор нукратовского говора

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

БиолКБ – Соколов, С. В. Биологической нимкыльёсын кылбугор = Словарь биологических терминов / С. В. Соколов, В. В. Туганаев; Под общ. ред. С. В. Соколова; Илл. Н. Вахрушевой. – Ижевск : Удмуртия, 1994. – 144 с.; вкл.

Борисов, Т. К. Удмурт кыллюкам. Толковый удмуртско-русский словарь: Ок. 15000 слов / АН СССР. УрО. Удм. ИИЯЛ; Удм. отд. Всесоюзного фонда культуры. – Ижевск, 1991. – 384 с.

Брем, А. Жизнь животных: Млекопитающие, птицы, рептилии, земноводные, рыбы, насекомые / А. Брем. – М. : Эксмо, 2002. – 960 с.

БДСТЯ – Татар теленен зур диалектологик сүзлеге (Большой диалектологический словарь татарского языка) / тәз.: Ф. С. Баязитова, Д. Б. Рамазанова, З. Р. Садыкова, Т. Х. Хәйретдинова. – Казан : Тат. кит. нәшр., 2009. – 839 б.

Бурганова, Н. Б. Говор каринских и глазовских татар // МТД. Вып. 2. – Казань, 1962. – С. 19–56.

ВерещСл.– Верещагин, Г. Е. Собрание сочинений: В 6 т. / Г. Е. Верещагин; Под. ред. В. М. Ванюшева. Т. 6. Кн. 2: Вотско-русский словарь [= Удмуртско-русский словарь] / Отв. за выпуск и авт. предисл., комментарии Л. М. Ившин; РАН УрО УИИЯЛ. –Ижевск, 2006. – 288 с. (Памятники культуры).

Егоров, В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. – Чебоксары : Чувашское кн. изд-во, 1964. – 356 с.

Крылов – Вотско-русский словарь глазовского наречия вотяков, составленный преподавателем вотского языка при Глазовской учительской семинарии В. Д. Крыловым. – Вятка, 1919. – 47 с.

Могилин, М. Краткой отяцкія Грамматики опытъ = Опыт краткой удмуртской грамматики / М. Могилин; РАН УрО УИИЯЛ; Отв. ред. Л. Е. Кириллова. – Ижевск, 1988. – 203 с.; прил.: С. 192–201.

РБС – Русско-башкирский словарь: В 2 т. / Под ред. З. Г. Ураксина. – Уфа : Башкирская энциклопедия, 2005. – Т. 1. А–О. 2005. – 808 с.

РМС – Русско-марийский словарь: Ок 35000 слов / Сост. И. Ф. Андреев, Л. П. Васинова, Ф. И. Гордеев и др.; Гл. ред. И. С. Галкин; Мар. НИИ ЯЛИ. – М. : Советская энциклопедия, 1966. – 848 с.

РУС 1931 – *Русских, П. М.* Русско-удмуртский словарь / *Русских, П. М., Русских, П. Я.* Изд 2-е., испр. и доп. – М. : Центриздат, 1931. – 64 с.

Севортян, Е. В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные / В. Севортян; АН СССР. Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1974. – 768 с.

Соколов, С. В. Этимологической пичи кылбугор / С. В. Соколов // Вордском кыл. – 1998. – 6–7-тй №. – 54–72 б.

Соколов, С. В. Этимологической пичи кылбугор / С. В. Соколов // Вордском кыл. – 1999. – 9-тй №. – 73–89 б.

Тараканов, И. В. Заимствованная лексика в удмуртском языке: Удмуртско-тюркские языковые контакты / И. В. Тараканов. – Ижевск : Удмуртия, 1982. – 188 с.

Тепляшина, Т. И. Памятники удмуртской письменности XVIII века / Т. И. Тепляшина. АН СССР. Ин-т языкознания. – Вып. I. – М., 1966. – 324 с.

ТРС – Татарско-русский словарь: В 2 т. Т. 1 (А–Л). – Казань: Магариф, 2007. – 726 с.

ТРС – Татарско-русский словарь: В 2 т. Т. 2 (М–Я). – Казань : Магариф, 2007. – 726 с.

УРС 1948 – Удмуртско-русский словарь: Ок. 15000 слов / В. М. Вахрушев, К. А. Корепанова, Е. Н. Ложкина и др.; НИИ ист., языка, лит. и фольклора при Сов. Мин. УАССР. – М. : ГИС, 1948. – 447 с.

УРС 1983 – Удмуртско-русский словарь: Ок. 35000 слов / А. С. Белов, В. М. Вахрушев, Н. А. Скобелев, Т. И. Тепляшина; Под ред. В. М. Вахрушева; НИИ при Сов. Мин. УАССР. – М. : Рус. яз., 1983. – 592 с.

Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / М. Фасмер; Перевод с немецк. и доп. О. Н. Трубачева; Под ред. Б. А. Ларина. – Т. II: Е–Муж. – М. : Прогресс, 1967. – 671 с.

Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / М. Фасмер; Перевод с немецк. и доп. О. Н. Трубачева; Под ред. Б. А. Ларина. – Т. III: Муза–Сят. – М. : Прогресс, 1971. – 827 с.

Чураков, В. С. Расселение удмуртов в Вятско-Камском регионе в X–XVI вв. // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции [Текст]: Научно-практический журнал. – № 2. Выпуск, посвященный 70-летию профессора Р. Ш. Насибуллина. – 2007. – С. 79–100.

Яковлев, И. В. Удмуртъёслэсь ог-огзылэсь мукет сямен вераськон кылъёссэс валэктӥсь книга / И. В. Яковлев. – Казань, 1919. – 82 с.

Munk. – *Munkacsi, B.* A votjak nyelv szotara / B. Munkacsi. – Budapest, 1896. – XVI + 836 l. 2-е изд.: Pecs, 1990.

UEW – Redei, K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. B. I–III / K. Redei. – Budapest : Akademiai Kiado, 1986–1991.

Wichm. – *Wotjakischer Wortschatz.* Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. LSFU XXI. – Helsinki, 1987. – XXIII + 422 S.

Wied. – *Wiedemann, F. J.* Syrjänisch-Deutsches Wörterbuch nebst einem wotjakisch-deutschen und mit einem deutschen Register / F. J. Wiedemann. – St.-Petersburg, 1880. – 692 S.

Р. А. Кузнецова, Т. Г. Кузнецова (Ижевск)

**Лингвистические особенности колыбельных песен
(на материале русского, удмуртского и венгерского
языков)**

Название *колыбельных* произошло от слова *колыбать* (*колебать, колыхать, качать, зыбать*). Отсюда же слова *колыбель, коляска, зыбка*. В народном обиходе было и название *байка* – от глагола *байкать* (*баюкать, качать, усыплять*). В удмуртском языке – *нуны веттан гур* ‘колыбельная’ от слов *нуны* ‘младенец’, *веттаны* ‘качать, укачать, покачать, колыхать’ и *гур* ‘мелодия’. В венгерском языке *bölcsődal, altatódal* ‘колыбельная’ от слов *bölcső* ‘колыбель’ и *altatni* ‘усыплять’.

Сюжет колыбельной песни развивается динамично, в каждом стихе развёртывается новая картина, поскольку ребёнок не может долго задерживать своё внимание на одном предмете [Капица 1988: 50]. Этнографы показали, что тексты колыбельных песен складывались постепенно, вначале они состояли из цепочек междометий и побуждающих слов, повторяющихся в такт с движениями колыбели: «*Бай-бай-бай Баю-баю-баю-бай, Поскорей ты засыпай, Лю-лю-лю-лю, Бай-бай-бай-бай*» (рус.). «*Ö-ö-ö-ö, Изь, изь, изь, изь*» (Баю-баю, баю-бай, Спи, спи, спи, спи) (удм.) [Удм. фольклор: 7]. К ним присоединялись и ритмичные поскрипывания её деревянных частей. Подобные записи сделаны у многих народов. Постепенно развивалась словесная составляющая, и появились собственно колыбельные песни [Капица 1988: 40].

Анализ древнейших колыбельных песен показывает, что круг опоэтизированных лиц, предметов, явлений предельно узок: это сам младенец, мать, отец, бабушка, дедушка ребёнка, котик, мифологические образы, колыбелька, одеяльце и некоторые другие. Главным в колыбельных песнях является мелодия, а текст не играет такой важной роли. Именно поэтому лингвистический анализ является интересным и важным.

Тексты колыбельных песен как бы сотканы из существительных и глаголов. Это не случайно. Исследователи отмечают, и нами экспериментально доказано, что маленькие дети легче запоминают такие стихи и песни, в которых больше слов, обо-

значающих предметы и действия. В колыбельные песни вводилось преимущественно то, что ребёнок может воспринять органами чувств. Звуковую и интонационную выразительность колыбельных усиливают различного рода повторы: аллитерации (повторение однородных согласных звуков), ассонансы (повторение однородных гласных звуков), синонимы, тавтологические слова и выражения, повторы слов в одном стихе, повторы начальных слов смежных стихов, цепевидные повторения слов смежных стихов, повторения целых стихов, местоимений с предлогами и без предлогов, служебных слов, звукоподражаний. Чрезвычайно редки тексты колыбельных песен, не содержащие повторов.

В венгерских колыбельных часто встречаются старинные слова, которые использовались до завоевания венграми Карпат: «csicsijja» (баю-бай), «tente» (спи).

Повествовательные песни представляют собой самую большую группу колыбельных песен. Они не имеют ярко выраженной эмоциональной окраски и подчиняются функциональным требованиям. В них рассказывается об окружающем мире, о чувствах, заботах и тревогах матери.

Большинство колыбельных публикуется в виде небольших сюжетно завершённых текстов, однако в реальной жизни колыбельные могут составлять много строк, где один сюжет плавно переходит в другой, сливается с третьим. Кроме того, исполнитель всегда импровизирует: за счёт созвучности слов может показать, как прилетели журавли, голуби и т. д. Иногда текст колыбельной переходит в припеваемые наборы звуков, сохраняющих мелодию: «Бай-бай, баю-бай. Люлю-люлю-люлю. Ту-ту-туру-руру» (рус.).

Ни один род поэзии, ни один жанр не имеет такого обилия уменьшительно-ласкательных суффиксов, как колыбельные песни. Ласка распространяется на всё, что окружает ребёнка, с чем он может соприкоснуться в жизни. Проанализировав тексты колыбельных песен, мы пришли к выводу, что в русских колыбельных песнях часто встречаются имена собственные: «...А приди к нам ночевать, в люльке *Машеньку* качать», «Приди, киса, ночевать, приди *Васеньку* качать», «Бай-бай, бай-бай! Я *Витеньку* люблю...».

В венгерских колыбельных имена собственные встречаются реже: «Aludj, aludj, *Katinka*» (Спи, спи, Катинка), «*Laci eszik lágy kenyeret*» (*Лаци* ест мягкий хлеб), в удмуртских – очень редко: «Изъ, изъ, *Яшае*, Зарни бугоре» (Спи, спи, *Яшенька*, Золотой мой клубочек), *Сашимы* зök будоз, Губияны мыноз. (Наш *Сашенька* вырастет, пойдёт за грибами).

С колыбельной песней ребёнок получает первые представления об окружающем мире: животных, птицах, предметах и начальные представления о жизни. Песенки о животных с их уменьшительно-ласкательными формами слов рожают заботливое, любовное отношение к нашим друзьям из мира природы. Подобными колыбельными богат русский детский фольклор: «Баю-бай, баю-бай, ты, *собаченька* не лай!», «*Киса-кисонька-коток*, киса – серенький хвосток», «*Котя-котенька-коток*, котя – серенький бочок», «Приди *котик* ночевать, нашу деточку качать», «Баиньки-баиньки, прибежали *зайньки*», «Петя, Петя, *Петушок*, что ты рано встаёшь?», «Люленьки, люленьки, прилетели *гуленьки*», «Баю - баю - баюшки, Да прискакали *зайюшки*», «Люли - люли - люлюшки, Да прилетели *гулюшки*», а также венгерский: «*Nyuszika is alszik*» (*Зайчишка* тоже спит), «Aludni kéne már most, mert lebontják a várost. *Manócskák* szedik széjjel, hogy ne zavarjon éjjel» (Спать пора уже, Потому что разбирают город *гномики*, чтобы ночью не мешал), «Pihen az erdő s a rét, erdőben az *őzikek*» (Отдыхают лес и поле, В лесу (отдыхают) *косульки*). В удмуртских колыбельных тоже поётся о животных, птицах, насекомых, но без уменьшительно-ласкательных суффиксов: «Учы тыныд кырзалоз, Зарни *муш* чечы ваёз» (*Соловей* тебе споёт песенку, Золотая *пчела* мёду принесёт), «*Коньы пи* мульы сётоз» (*Бельчонок* орешек подарит), «Нюлэскы пырод, *луд кечез* адзод, *Кионэз* адзод, собере Бадзым будод» (В лес зайдёшь, *зайца* увидишь, *Волка* увидишь, большой вырастешь), «Чагыр бурдо *бубыли* Йыр улад валес валёз» (Голубокрылая *бабочка* Изголовье для тебя постелет) и др.

В русских колыбельных ласкательные суффиксы получают даже слова, которые не могут вызвать добрых, радостных эмоций у ребёнка: «А то *серенький волчок* из-за кустика ползёт...». Уменьшительно-ласкательные формы слов используются и при назывании неживых предметов: «Тогда *Костюшка* встаёт, на *ра-*

ботушку пойдёт», «Дам горшочек молочка да кусочек пирожка», «Поливали огород, где капуста растёт», «...Витю кнутом не секу, лучше яичко испеку», «Через наш-то дворок летел ясный соколок, на окошко он сел, такую песенку запел», «Кага милой, не ходи-ка на лужок, на крутой бережок», «Саша-пёрышко, не летай в озёрышко», «...приди, котя, ночевать, колыбельюшку качать», «...В ручках прянички, в ножках яблочки», «Баю, баюшки, бай, бай, дочка, глазки закрывай», «Красно солнышко взойдет. Свежи росушки падут, В поле цветушки возрастут». Вопреки законам русского языка, ласкательную форму приобретают даже глаголы: «Маленькому Васеньке спатеньки велят...» [Гуси-лебеди 1990: 24].

В венгерских колыбельных выявляется следующее:

- В выделенных словах из строчек колыбельных песен нет уменьшительно-ласкательных суффиксов, но, по нашему мнению, они имеют уменьшительно-ласкательный смысл: «*Fejed hajtsd ölembe*» (Наклони свою голову мне на колени), «*A szemedet hunyd le*» (Закрой свои глазки), «*Hallgasd, hunyd be két szemed megfogom apró kezéd*» (Слушай и закрывай глазки. беру твои крохотные ручки).

- Слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами: «*Ícipíci lencsilányka, lencsibabát ringatott*» (Маленькая-маленькая девочка качала маленькую-маленькую куколку), «*Ícipíci házikóban ícipíci ágyikó*» (В маленьком-маленьком домике – маленькая-маленькая кроватка).

- Также характерно использование уменьшительно-ласкательных слов: «*csibe*» (птенчик), «*kismadár*» (птенец), «*bogárka*» (букашка), «*baba*» (малыш), «*kisbaba*» (младенец), «*madákó*» (медвежонок) и т. д.

Подобных примеров в удмуртских колыбельных не выявлено, но в них часто встречается специфичная лексика детского языка: «Бадяр куар кадь кикие*, Тыпы куар кадь быбие*...(*лит. кыи, пыды)» (Как кленовый лист мои ручки, Как дубовый лист мои ножки...), «Анаед ужысь бертоз, Ческыт лёлэ* со ваёз (*лит. йёл)» (Мама вернётся с работы, Принесёт вкусного молочка), «Кынь инь, кынь чимыостэ* (лит. синьёс)» (Закрой уж, закрой глазки).

В русских колыбельных уменьшительно-ласкательные формы слов используются и при упоминании родителей: «Когда *напенька* придёт, Много хлебца принесёт», «Баю, бай, баю, бай, Скоро *мамочка* придёт», чего не выявлено в удмуртских колыбельных. Ласкательные формы слов в адрес родителей встречаются и в венгерских колыбельных: «*Jó anyád is álmos már*» «Твоя *матушка* тоже уже сонная».

Во всех исследуемых нами языках много ласковых слов встречается в адрес ребёнка:

В русских колыбельных песнях: «усни моя *хорошенька*, усни моя *разуменька*», «Приди, котик, на денёк у нас Лёничку (мово *детыньку* / нашу *деточку*) качать, *дорогого* величать», «Спи, моя радость, усни, спи, моя *девонька*, спи!», «Приди, котик, ночевать, мово *сынулечку* качать», «...*сынок*, рано не вставай», «Спи, спи, *дитя моё родное...*», «...Ты, *сыночек*, крепко спи».

В удмуртских: «Изь, изь, *нуные*, *Зарни бугоре*» (Спи, спи, *моё дитя*, Мой *золотой клубочек*), «Улмопуйсь сяськае» (Мой яблоневоый цветочек), «Зарни комоке» (золотой комочек), «ба-лае» (мой ребёночек), «чебере» (красивый мой).

В венгерских: «*drága gyermekem*» (дорогое моё дитя), «*szép kicsi fiacskám*» (маленький красивый сынок), «*gyermekem*» (мой ребёнок), «*baba*» (малыш), «*kicsim*» (мой маленький), «*kincsem*» (сокровище моё), «*édesanya csillaga*» (мамина звезда), «*szívem gyöngye*» (сердца моего жемчужина), «*kicsi rózsabimbó*» (маленький розовый бутон) и т. д.

В колыбельных песнях выражаются благопожелания матери и других членов семьи ребёнку. Чаще всего подобные явления встречаются в венгерских колыбельных: «*Álmodjál szépeket*» (Пусть приснится красивое), «*Tündérekről álmodjál*» (Пусть приснятся феи), в русских встречаются редко: «Брат сестру качает, Её величает. Её величает расти поскорее. Расти поскорее да будь поумнее. Да будь поумнее, Собой хорошее. Собой хорошее, лицом побелее. Лицом побелее, косой подлиннее. Косой подлиннее, Нравом веселее». В удмуртских колыбельных благопожелания младенцу не выявлены.

Тексты колыбельных песен оставались открытыми для широкой импровизации. Этим и объясняется существование боль-

шого числа их вариантов. Выявлено несколько сюжетов колыбельных песен, которые будут рассмотрены в дальнейшем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гуси–лебеди. Фольклор для детей от колыбельных до былин. – М., 1990.

Капица, Ф.С. Русский детский фольклор / Ф. С. Капица. – М.,1988.

Удмуртский фольклор. Песенки, потешки, считалки, дразнилки / Сост. Л. Н. Долганова. – Ижевск : Удмуртия, 1981.

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

<http://www.altai.fio.ru/projects/group4/potok20/site/page02-2.html>

<http://dom-teremok.narod.ru/kolib/kolib.html>

<http://mek.niif.hu/02100/021115/html/1-960.html>,

http://gyermekdal.lap.hu/altatodalok_bolcsodalok_tortenete/24760189

С. А. Максимов (Ижевск)

Территориальное распространение и происхождение названий чеснока в удмуртском языке

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ.

Проект № 09-06-00-304а

1. Чеснок – “огородное и дикорастущее растение семейства лилейных с острым вкусом и резким запахом, а также его дольчатая луковица” [Ожегов 1992: 915]. Культура чеснока (чеснок посевной – *Allium sativum* L.) очень древняя, уже 4 тыс. лет назад он употреблялся в пищу и как лечебное средство [Туганаев 1993: 51].

2. Заимствованное из русского языка название *чэснок* в удмуртском языке получило наибольшее распространение. Оно полностью охватывает северное и бесермянское наречия, все срединные говоры и собственно южный диалект. В периферийно-южном наречии данное название употребляется в шагиртско-гондырском (Пермская обл.) и красноуфимском (Свердловская обл.) говорах, а в буйско-таньпском и канлинском говорах (Башкортостан) бытует параллельно с другим наименованием *сарымсак*. Описываемое слово и его варианты встречаются и в кукморском говоре (Татарстан): *чэснок* – в деревнях Стар. Кня-Юмья, Стар. Юмья, *с'эснок* – Ниж. Уча, Пойкино, *кумЫз'* (~ *кумьз'*) *т"эснок* – Стар. Уча. Варьирование начального согласного связано с особенностью функционирования консонантизма в соответствующих населённых пунктах.

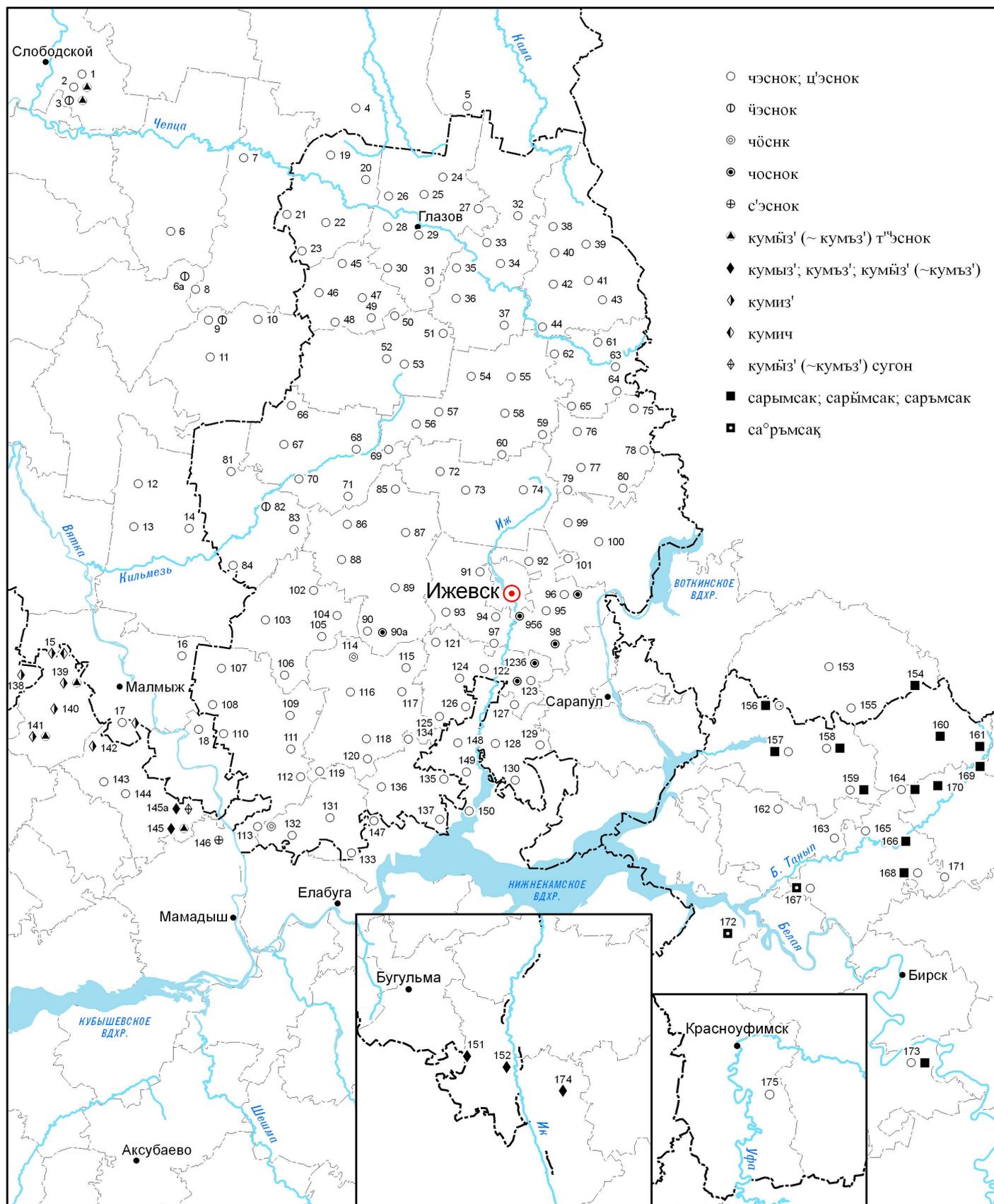
Кроме указанных выше форм описываемого названия чеснока, зафиксировано ещё несколько других фонетических вариантов. Вариант *ц'эснок* связан со свистящим произношением зубных аффрикат в населённых пунктах Кильмезского района Кировской области. Форма с твёрдой аффрикатой *чэснок* зафиксирована в нижнечепецком диалекте (Кировская обл.), а также в д. Вылынгурт (Сюмсинский р-н), и лексема усвоена от местного русского населения. Следует отметить, что данная форма в речи самого старшего поколения в нижнечепецком диалекте встречается (или встречалась ранее) практически повсеместно. Произношение твёрдой аффрикаты вместо палатальной в русских заимствованиях, возможно, имеет более широкое распространение

и в бассейне Кильмези. В населенных пунктах Удм. Сарамак и Пазял записан вариант *чӧснок*, в котором вместо переднерядного э выступает среднерядный ö. Частичной отодвижке назад в этом слове, по-видимому, способствовал палатальный согласный ч – в качестве параллели можно привести пример из среднечепецкого диалекта: *чэчь ~ чӧчь* ‘мёд’. Форма *чоснок* употребляется в ижском диалекте в населенных пунктах Стар. Чультем, Стар. Казмаска, Бабино, Бураново, Пуро-Можга, Ср. Кечёво, а также записана в д. Пунем (нылгинский говор). Переход гласного э в о в указанной форме мог осуществиться под влиянием гласного второго слога. С другой стороны, нельзя исключать возможность бытования названия чеснока в аналогичном фонетическом облике у местного русского населения, хотя подобными сведениями мы не располагаем. В языке бесермян Т. И. Тепляшина записала название чеснока в форме *t'esnok* [ЯзБ, 142].

В ранних письменных памятниках исследуемое слово почти отсутствует. Исключением является только Словарь вотского языка, составленный Вятским губернским акцизным управлением в 1912 г. по готовому словнику Миллера (см. Насиб., 200). Как гласит название самого документа, он опирался на материалы Миллера, следовательно, слово *чеснок* из уст удмуртов было зафиксировано ещё в начале 1730-х годов. После указанного документа вскоре в 1920 г. оно попадает на стараницы газеты “Гудыри” (25.IX) [Насиб., 200]. В словаре Борисова (С. 317) лексема *чеснок* подана с указанием на принадлежность к южному наречию.

Распространение лексемы [ЧЕШНОК](#) (карта)

ЧЕСНОК



М 1:2 000 000
(в 1 см 20 км)

Происхождение исследуемого слова не вызывает сомнений: оно заимствовано из русского языка, в котором возводится к праслав. **cesnъ*; сближается с *cesati* (чесать), сербохорв. *česati* ‘причёсывать, срывать, расщеплять’. “Таким образом, чеснок получил название в связи с тем, что его головка расщепляется на так наз. зубцы” [Фасмер 1973: 350].

3. Другое название чеснока – *кумыз'* распространено в отдельных окраинных говорах удмуртского языка. Данное название, в частности, зафиксировано в слободском говоре северного наречия, где его можно услышать только в речи старшего поколения. В 1980 году оно было записано в н. п. Городище, относящемуся к косинскому говору севернoudмуртского наречия [ДЭ – 1980].

В периферийно-южном диалекте исследуемая лексема может выступать в различном фонетическом оформлении. Вариант *кумыз'* зафиксирован в д. Сырья и с. Мал. Лызи (шошминский говор); *кумЫз'* (~ *кумъз'*) записан в дд. Стар. Уча и Верх. Шунь (кукморский говор); форма *кумъз'* употребляется в бавлинском говоре; вариант *кумиз'* характерен для шошминского говора в целом и для д. Лельвиж (142), относящейся к кукморскому говору.

Возникновение некоторых фонетических вариантов можно объяснить следующим образом. Звукпереход *ы* (*ь*) > *и* в варианте *кумиз'* произошёл под влиянием последующего палатального согласного. Та же причина, по-видимому, лежит в основе возникновения формы *кумЫз'* (если она зафиксирована точно). Фонетическая форма *кумич*, записанная от жителя д. Порез (Малмыжский р-н, Кировская обл.) требует уточнения.

Кроме указанных выше вариантов, исследуемое слово выступает в таком атрибутивном наименовании, как: *кумЫз'* (~ *кумъз'*) *сугон* (д. Верх. Шунь, кукморский говор), в котором определяемый компонент *сугон* в отдельности означает ‘лук’, а также в сочетании *кумЫз'* (~ *кумъз'*) *т^нэснок*, которое было упомянуто уже выше.

В письменные источники исследуемое слово попадает в следующих формах: *Kumis* ‘чеснок’ – в записи Г. Ф. Миллера (1733) [Тепляшина 1966б: 52]; *kumis* ‘alium’ – в записи Й. Э. Фишера (1730-е гг.) [Csúcs 1983: 316]; *Кумызь* ‘тж’ (1775) [Соч., 23];

Кумызь ‘тж’ (1785) [Кротов, 101]; *Кумызь* ‘тж’ (1786) [Могилин, 50]; *kumiz* U ‘какое-то растение’ [очевидно = удм. Wied. *kumuZ*, *kutyZ* ‘чеснок’, кп. *komidZ* ‘лук (Allium)’] (1892, 1894) [Wichm., 131]; *kumQz* (**kumuZ* Wied.) ‘чеснок; allium sativum’ (1896) [Munk., 222]; *кумызь* св. ‘чеснок’ (1932) [Борисов, 317].

Следует отметить, что некоторые группы удмуртского населения, в частности, бассейна Кильмези и Кизнерского района словом *кумызь* называют черемшу, иначе говоря, дикий лук, вкус которого напоминает вкус чеснока. Современные словари также фиксируют данное значение, например: *кумызь* бот. ‘дикий чеснок’ – в Удмуртско-русском словаре 1948 года (С. 158), *кумызь, кыр (луд) кумызь* ‘черемша’ – такое толкование находим в Удмуртско-русском словаре 1983 года (С. 230). В Словаре биологических терминов даны значения ‘чеснок’ и ‘черемша’ [БиолКБ, 26, 138].

Исследуемое слово имеет исконное происхождение. Удм. *кумызь* ‘дикий чеснок’ сравнивают с кп. *комидз* ‘Lauch (Allium)’ и кя. *кумич* ‘перо лука, зелёный лук’ и возводят к общеп. **kuṣṭi*; ‘лук, чеснок, острая приправа’ < **kuṣ*; *-*ṣṭ* (**kuṣṭ-ṣṭ*) (метатеза). Далее приводят венгерское и мансийское соответствия и реконструируют ф.-у. **koxtĕ* или **kahtĕ* ‘вид растения, похожего на лук’ [UEW, 164–165; Доп. к КЭСК, 409].

Ещё одно название – *сарымсак* распространено в закамских говорах. В буйско-таныпском оно встречается также в варианте *сарымсак*, который характерен и для канлинского говора. В татышлинском употребляется в форме *саръмсак*, ташкичинском – *са°ръмсак*. Незначительное фонетическое варьирование связано в основном с разными произносительными нормами *ы* в диалектах, а ташкичинская форма – со стремлением приблизиться носителей диалекта в произношении к оригиналу языка-источника.

В ранних письменных источниках исследуемое слово не обнаружено. Впервые зафиксировано Р. Ш. Насибуллиним в форме *sarymsak* в буйско-таныпском говоре. По происхождению данное название чеснока является поздним татарским заимствованием, ср. тат. *сарымсак* ‘чеснок’ [Тараканов 1993: 112], которое имеет общетюркское происхождение и предположительно восходит к основе *сары-* ‘сильно пахнущий, вонючий’ [КИЭСТ, 172].

Кроме рассмотренных выше названий чеснока, отметим составное наименование *курут сугон*, которое ранее было зафиксировано от уроженца д. Бол. Пурга Игринского района. Буквально оно означает ‘горький лук’. Приведённое название, скорее всего, является окказионально возникшим, чем результатом ошибочной фиксации, поскольку оно имеется и в некоторых словарях (см. БиолКБ, 138). Но в словаре Ю. Вихманна аналогичное сочетание, записанное в глазовском диалекте, имеет значение не ‘чеснок’, а ‘лук’ [Wichm., 226]. Ещё одно название чеснока в казанском диалекте в форме *tũ^ad'Y sugon* зафиксировал Б. Мункачи [Munk., 367]. Дословное значение приведённого названия ‘белый лук’.

4. В заключение отметим, что с дикорастущим чесноком предки удмуртов были знакомы уже давно, вероятно, ещё в период финно-угорской языковой общности. Но чеснок посевной стал известен относительно недавно – культура его выращивания усвоена после прихода русского населения на территорию проживания удмуртов. Закамские удмурты познакомились с данной культурой в основном от местного татарского населения. Некоторые периферийные группы удмуртов название дикого чеснока перенесли на чеснок посевной. В результате данная огородная культура получила исконно удмуртское название (*кумызь*), не смотря на то что сама реалия была заимствована у соседних народов.

СОКРАЩЕНИЯ

бот. – ботанический термин; *доперм.* – допермский язык; *кп.* – коми-пермяцкий язык; *кя.* – коми-язьвинское наречие; *общеп.* – общепермский язык-основа; *прасл.* – праславянский язык; *св.* – северное наречие; *сербохорв.* – сербохорватский язык; *тат.* – татарский язык; *удм.* – удмуртский язык; *ф.-у.* – финно-угорский язык-основа; *U* – уфимский диалект

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

БиолКБ – Соколов, С. В. Биологической нимкылъёсын кылбу-гор (= Словарь биологических терминов) / С. В. Соколов, В. В. Туганаев; Под общ. ред. С. В. Соколова; Илл. Н. Вахрушевой. – Ижевск : Удмуртия, 1994. – 144 с.: вкл.

Борисов, Т. К. Удмурт кыллюкам. Толковый удмуртско-русский словарь: Ок. 15000 слов / Т. К. Борисов; АН СССР УрО Удм. ИИЯЛ; Удм. отд. Всесоюзного фонда культуры. – Ижевск, 1991. – XXXII + 384 с.

Доп. к КЭСК – Дополнение к Краткому этимологическому словарю коми языка // Лыткин, В. И. Краткий этимологический словарь коми языка / В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. Переизд. с доп. – Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1999. – С. 387–430.

ДЭ 1980 – Материалы диалектологической экспедиции кафедры удмуртского языка и литературы Удмуртского государственного университета, Зуевский район.

КИЭСТ – Әхмәтъянов, Р. Г. Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлеге / Р. Г. Әхмәтъянов. – Казан: Тат. кит. нәшр., 2001. – 272 б.

Кротов, З. Краткой Вотской словарь съ російским переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захаріею Кротовымъ. 1785 года. 285 с. / З. Кротов [В кн.: Кротов, З. Удмуртско-русский словарь / З. Кротов; РАН. УрО. УИИЯЛ. – Ижевск, 1995. – XX + 285 с.].

Могиллин, М. Краткой отяцкія Грамматики опытъ = Опыт краткой удмуртской грамматики / М. Могиллин; РАН УрО УИИЯЛ; Отв. ред. Л. Е. Кириллова. – Ижевск, 1988. – 203 с.; прил.: с. 192–201.

Нас. – *Насибуллин, Р. Ш.* Закамские говоры удмуртского языка: Дисс. ... канд. филол. наук / Р. Ш. Насибуллин. – М., 1972б. – Ч. II: Приложения. VII + 332 с.

Насиб. – *Насибуллин, Р. Ш.* Приложения к дисс. ... докт. филол. наук на тему: Русские заимствования в удмуртском языке: Дооктябрьский период / Р. Ш. Насибуллин. – Ижевск, 1998б. – 364 л.

Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеол. выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; РАН. Ин-т рус. яз.; Росс. фонд культуры. – М.: Азъ Ltd., 1992. – 955 с.

Соч. – Сочиненія принадлежация къ грамматикъ вотского языка. Въ Санктпетербургъ при Императорской Академіи наукъ 1775 года. 113 с. [В кн.: Первая научная грамматика удмуртского языка / УдНИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. УАССР. – Ижевск: Удмуртия, 1975. – 15 + 113 + 17 с.]

Тараканов, И. В. Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи: Теория и словарь / И. В. Тараканов. – Ижевск : Изд-во Удм. ун-та, 1993. – 170 с.

Тепляшина, Т. И. Памятники удмуртской письменности XVIII века / Т. И. Тепляшина; АН СССР. Ин-т языкознания. – Вып. I. – М., 1966. – 324 с.

Туганаев, В. В. Зелёные спутники человека / В. В. Туганаев, О. Г. Баранова. – Ижевск : Изд-во Удм. ун-та. – 192 с.

Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / М. Фасмер; Перевод с немецк. и доп. О. Н. Трубачева; Под ред. Б. А. Ларина. – Т. IV: Т–Ящур. – М. : Прогресс, 1973. – 852 с.

ЯзБ – Тепляшина, Т. И. Язык бесермян / Т. И. Тепляшина; АН СССР. Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1970. – 288 с.

Csúcs, S. Edy 18. századi votják nyelvelmé / S. Csúcs // NyK 85. 1983. 311–320 old.

Munk. – Munkácsi, B. A votják nyelv szótára / B. Munkácsi. – Budapest, 1896. – XVI + 836 l. 2-е изд.: Pecs, 1990.

UEW – Rédei, K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. B. I–III / K. Rédei. – Budapest : Akadémiai Kiadó, 1986–1991.

Wichm. – Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. LSFU XXI. – Helsinki, 1987. – XXIII + 422 S.

Wied. – Wiedemann, F. J. Syrjänisch-Deutsches Wörterbuch nebst einem wotjakisch-deutschen und mit einem deutschen Register / F. J. Wiedemann. – St.-Petersburg, 1880. – 692 S.

И. С. Насипов (*Стерлитамак*)

О типах татарско-финно-угорских языковых контактов в Волго-Камье

Сложность вопроса языковых контактов и актуальность изучения их результатов для истории языка и необходимость поиска новых методов решения таких задач в контексте внутренних и внешних факторов развития языка, а также достаточно обширный круг источников позволяют выделить в современном языкознании специальную отрасль – лингвистичскую контактологию. Современный период в ее развитии определяется наличием различных лингвоконтактологических направлений на основе традиционных сравнительно-исторического и сравнительно-типологического языкознания с широкой исследовательской проблематикой с охватом билингвологии, социолингвистики, когнитивистики, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации и др. [Лабунец 2007].

В татарском языкознании проблемам языковых контактов уделяется большое внимание. В частности, различные аспекты были затронуты в изучении татарско-русского двуязычия (Л. К. Байрамова, С. Г. Васильева, Р. А. Вафеев, Р. С. Газизов, М. З. Закиев, А. З. Закиров, З. А. Исхакова, З. Н. Кириллова, Ф. К. Сагадеева, Н. Х. Шарыпова, Р. А. Юсупов и др.), тюркизмов в русском языке (К. Р. Галиуллин, Р. Г. Гатауллина, Г. Х. Гилязетдинова, Р. А. Юнаниева), лингвокультурологии (Р. Р. Замалетдинов), ономазиологии (Л. Ш. Арсланов, Ф. Г. Гарипова, Г. Ф. Саттаров, А. Г. Шайхулов и др.). Широкий охват контактологических проблем наблюдается в татарской диалектологии (Х. Ч. Алишина, Л. Ш. Арсланов, Р. Г. Ахметьянов, Ф. С. Баязитова, Д. Б. Рамазанова, Т. Х. Хайрутдинова, З. Р. Садыкова, А. Г. Шайхулов и др.). Однако, при этом, до сих пор продолжает оставаться актуальной разработка отдельных аспектов истории татарского языка в русле общей теории языковых контактов.

В зарубежном и отечественном языкознании по проблемам языковых контактов и в связанных с ними вопросах накопилось значительное количество научной литературы, однако как в теоретическом освещении, так и в практическом наполнении сохраняются существенные расхождения (В. Аврорин, Й. Айдукович,

Г. И. Асколи, К. И. Бакман, Ш. Балли, Л. Блумфильд, И. А. Бодуэн де Куртенэ, С. К. Булич, Ж. Вандриес, В. фон Вартбург, В. М. Верещагин, Б. О. Гавранек, Я. Гиннекен, Ю. Д. Дешериев, И. Г. Добродомов, Л. П. Ефремов, О. Есперсен, Ю. О. Жлуктенко, Т. П. Ильяшенко, А. Е. Карлинский, Д. А. Леле, П. Н. Лизанец, А. Мартине, А. Мейе, Г. Пауль, В. Пизани, Ю. Покорный, И. Ф. Протченко, А. А. Реформатский, В. Ю. Розенцвейг, А. Росетти, А. М. Рот, Э. Сепир, Ф. П. Филин, Э. Хауген, Г. Шухард, Л. В. Щерба, В. Н. Ярцева и др.). Систематизация имеющихся различий и попытки выработать единые подходы в лингвистической интерпретации тех или иных положений, если и привели к заметным положительным результатам, то не смогли полностью разрешить существующие разночтения.

Причина этого, на наш взгляд, кроется не только в сложности самой проблемы взаимодействия языков, в многоаспектности его проявлений, но и в подходах к его исследованию, и поэтому, очевидно, большинство отечественных исследователей, в частности, и современного периода, стараются разобраться в такой массе источников с позиций поставленных целей и задач, выработать наиболее подходящие и правильные, по их мнению, трактовки тех или иных теоретических положений в зависимости от содержания и объема предполагаемого к анализу материала. Таковы, например, исследования Н. В. Бутылова (2005), Н. И. Исанбаева (1989), С. А. Мызникова (2003, 2004), Е. В. Опельбаум (1971), И. В. Тараканова (1993) и др.

В нашем исследовании не ставится задача подробного обзора теоретических проблем языковых контактов и связанных с ними терминологии. Мы ограничимся теми аспектами данной проблемы, которые непосредственно связаны с объектом нашей работы и важны для теоретического обоснования отдельных его положений.

Язык как сложный живой организм постоянно развивается и меняется во времени как за счет внутренних ресурсов (интралингвистический фактор), так и внешних влияний (экстралингвистический фактор). Проблема языковых контактов тесно связана со всей совокупностью этнических, политических, социально-экономических, культурно-исторических условий соприкосновения носителей взаимодействующих языков. Результатом взаи-

модействия языков всегда является приобретение одним языком, состоящим в соприкосновении с другим, чужих элементов этого другого языка. Ещё А. А. Реформатский в свое время писал, что «нет ни одного языка на земле, в котором словарный состав ограничивался бы только своими исконными словами. В каждом языке имеются и слова заимствованные, иноязычные. В разных языках и в разные периоды их развития процент этих «не своих» слов бывает различным».

В лингвистической литературе термин «языковой контакт», введенный в языкознание Г. Шухардтом, стали применять повсеместно вслед за А. Мартине и У. Вайнрайхом вместо термина «смешение языков» [Розенцвейг 1972: 5]. «Языковой контакт» употребляется наряду с терминами «межъязыковые связи», «языковые взаимосвязи», «языковое взаимовлияние», «взаимодействие языков». Вместе с тем, эти термины, на наш взгляд, являются вполне адекватными для обозначения одного и того же явления. При этом следует заметить, что существует определенный разброс мнений как в толковании термина «языковой контакт», так и о природе языкового контакта и в определении его типов.

В лингвистике языковой контакт толкуется в узком и в широком смысле [Жлуктенко 1979: 211]. В узком смысле языковой контакт рассматривается как видовое понятие, т. е. рассмотрение как объекта исследования одного из его аспектов, чаще всего в ситуации двуязычия. Например, классики теории языковых контактов – А. Мартине, У. Вайнрайх, Э. Хауген, В. Ю. Розенцвейг и др. – языковой контакт определяют как «поочередное использование двух или более языков одними и теми лицами», которых называют носителями двух (или более) языков, или двуязычными носителями» [Хауген 1972: 61], т. е. «в процессе коммуникации, противопоставляя тем самым этот вид межъязыковых связей другим видам, следствием которых не является двуязычие» [Опельбаум 1971: 16]. Здесь необходимо уточнить, что В. Ю. Розенцвейг под языковым контактом понимает «речевое общение между двумя языковыми коллективами», однако «их описание лингвистически сводимо в общем к описанию контакта между двумя языками» [Розенцвейг 1972: 13]. Однако это не говорит о том, что исследователи языковой контакт рассматривали как чисто лингвистическую проблему. У. Вайнрайх отмечал, что

«языковой контакт можно лучше всего понять только в широком психологическом и социокультурном контексте... Эту задачу невозможно решить, пользуясь только данными обычного лингвистического описания; необходимо еще использовать ряд экстралингвистических средств. Значительно бóльшей глубины и обоснованности исследования языкового контакта можно достичь на междисциплинарной основе» [Вайнрайх 1979: 26].

В широком смысле «языковой контакт» толкуется в том случае, когда это языковое явление не ограничивается двуязычием, а как бы охватывает по возможности все явления, относящиеся к данной проблематике, и учитывает все многообразие его форм. В таком понимании языковой контакт – это «языковые связи на одном, нескольких или всех лингвистических уровнях, устанавливающихся между родственными или неродственными языковыми системами вследствие определенных историко-географических, социально-политических, культурных, психологических и других экстралингвистических факторов» [Опельбаум 1971: 16]. Широкое толкование языкового контакта позволяет некоторым лингвистам рассматривать его как родовое понятие для обозначения любого вида межъязыковых связей, в том числе и двуязычия. Такое понимание чаще наблюдается во многих исследованиях как отечественных, так и зарубежных языковедов (А. М. Рот, Е. В. Опельбаум, А. Е. Карлинский и др.).

В аспекте исторической контактологии целесообразно рассматривать языковой контакт как устное речевое общение двух (многих) сопредельных коренных этносов (этнических групп), являющихся следствием интенсивных лингвоэтнических, бытовых, хозяйственных и др. отношений. В реальности же, когда осуществляется взаимодействие этнических групп, языковой контакт проявляется как речевой, диалектный (этноречевой, этнодиалектный), складывающийся и развивающийся под влиянием целого ряда факторов лингвистического и внелингвистического характера. Традиционно принято всю область взаимодействия – речь в синхронии, язык в диахронии – обозначать как «языковой контакт». При таком понимании языкового контакта, как отмечают исследователи, практически всегда – идет ли речь о синхронии и диахронии – мы имеем дело с результатом языко-

вого взаимодействия, проявляющихся, хотя и в разной мере, на всех языковых уровнях [Карлинский 1990: 19–20].

В плане установления типологии языкового контактирования можно, очевидно, выделить два основных параметра классификации – основанные на интралингвистических критериях и основанные на экстралингвистических критериях. Несмотря на различия при выделении типов языковых контактов и смешении их с определением результатов, можно, таким образом, в общих чертах представить их следующие основные типы [Ср. Опельбаум 1971: 17; Лизанец 1977: 44; Лабунец 2007: 20 и др.]:

1) по способу установления контакта – прямой (т. е. проксимальный) и опосредованный (т. е. дистантный);

2) по длительности и устойчивости – казуальный (т. е. временный) и перманентный (т. е. устойчивый);

3) по территориальному размещению контактирующих языков – маргинальный (т. е. внешний) и внутрирегиональный (т. е. внутренний);

4) по генетической и структурной близости – контакты неродственных языков, родственных языков и близкородственных языков;

5) по последствиям протекания контактов – с односторонними и двусторонними воздействиями;

6) по степени участия ярусов языковой системы;

7) по степени языкового взаимопроникновения – скрещивание и слияние;

8) по характеру или функциональному статусу контактирующих единиц (языков или диалектов) – междиалектный, наддиалектный, контакты литературного языка с диалектами и контакты литературных языков;

9) по характеру и типу двуязычия контактирующих коллективов – равноправный и разнопрестижный и др..

Прямые языковые контакты – это контакты, устанавливающиеся в условиях непосредственного общения носителей двух языков. Опосредованные языковые контакты – это контакты между двумя языками, устанавливающие связь через посредство третьего языка. Прямые языковые контакты могут быть казуальные, т. е. временные и перманентные, т. е. стойкие. Последние, в свою очередь, делятся на два подтипа: а) внешние контакты,

возникающие между языками коллективов, которые входят в разные общественно-политические образования и расположены на смежных территориях; б) внутренние контакты, устанавливающиеся в процессе общения языковых сообществ, которые составляют одно общественно-политическое образование и проживают на одной и той же территории [Жлуктенко 1966: 6–8]. Маргинальное контактирование характеризуется наличием контакта двух языков, расположенных на смежных территориях без глубокого проникновения масс населения, т. е. в область распространения другого языка при этом не происходит. Внутрорегиональное контактирование характеризуется глубоким проникновением больших масс носителей одного языка на территорию, занятую носителями другого языка [Серебренников 1955: 7]. Дистантный контакт – связь языков, осуществляемая в условиях монолингвизма при отсутствии тесного соприкосновения между языками, реализуемая только в заимствованиях. Проксимальное контактирование – связь языков, осуществляемая в условиях билингвизма и непосредственного языкового контакта, результатом чего могут быть не только заимствования, но и модификации одного из языков и даже возникновение качественно новой языковой системы [Бертагаев 1972: 82–88]. Исходя из структурных соотношений между контактирующимися языками, различаются контакты неродственных языков; родственных языков, «но далеко разошедшихся по своему грамматическому строю и основному словарному составу» и близкородственных языков [Горнунг 1952: 4]. Одностороннее воздействие – языковой контакт, когда затронут уровень, как правило лексический, одного языка. Двустороннее воздействие – языковой контакт, когда затронуты аналогичные уровни обоих взаимодействующих языков. Преобразовательное воздействие – языковой контакт, когда затронуты несколько языковых ярусов одного из контактирующих языков. Скрещение или слияние – языковой контакт, когда затронуты несколько ярусов обоих взаимодействующих языков в результате которого возникают языковые союзы или новые языки [Белецкий 1967: 254]. «Языковое контактирование может быть междиалектным, наддиалектным, контактированием литературного языка с диалектами и контактированием литературных языков» [Лизанец 1977: 44].

Подобная неоднозначная типология объясняется еще и тем, что взаимодействие языков относится к таким явлениям, где сплетаются факторы лингвистические, психологические, социальные, этноисторические и др. Разумеется, в специальном исследовании ученый имеет право сосредоточить свое внимание на одном, выделенном им круге вопросов и их чисто лингвистическом анализе. Особенно важно определить соотносительную значимость различных факторов лингвистического и экстралингвистического порядков в том или ином случае взаимодействия языков [Ярцева 1956: 9].

Конечно, при анализе контактирования конкретных языков на определенной территории или регионе «можно допускать и случай одновременного выявления нескольких, а то и всех отмеченных типов контактирования» [Лизанец 1977: 44]. «Следует особо подчеркнуть тот факт, что при межъязыковых контактах нет прямого и всегда одинакового соответствия между социальными, психологическими и лингвистическими предпосылками и их последствиями. Решающим фактором оказываются конкретно-исторические условия осуществления и реализация этих предпосылок» [Ярцева 1956: 16]. Поэтому на характер и содержание, а в последующем на результаты татарско-финно-угорских контактов в Волго-Камском регионе существенное влияние оказывали исторические условия взаимодействия этих языков. «Безусловно, при маргинальном контактировании территориальное размещение контактирующих коллективов играет немаловажную роль, однако степень взаимодействия языков (диалектов) зависит от характера контактирующих языков, т. е. какой из контактирующих на данном этапе является государственным, господствующим языком» [Лизанец 1977: 44]. Так, контакты татарского и удмуртского языков Б. А. Серебернников определил как типичным примером маргинального контактирования [1955: 7]. Можно допустить, что не всегда и не везде эти контакты были такими. Также, следует предположить, что языковая ситуация в разные периоды развития взаимоотношений этих народов были разными.

Таким образом, основываясь на различных типах языковых контактов и исходя из известных их особенностей, можно определить типы татарско-финно-угорских языковых контактов Вол-

го-Камья как: 1) прямые, т. е. проксимальные; 2) устойчивые, т. е. перманентные; 3) частично внешние, т. е. маргинальные; 4) неродственные; 5) двусторонние; 6) междиалектные; 7) разно-престижные.

«Первостепенное значение для науки имеет, конечно, исследование междиалектного контактирования, ибо оно проливает свет и на историю материальной культуры народов, долгое время находившихся в непосредственных отношениях... Таким образом, исследование междиалектного контактирования является проблемой не только общетеоретического, но и практического плана» [Лизанец 1977: 45]. Междиалектный характер татарско-финно-угорских контактов в Волго-Камье определяется и результатами нашего исследования, базирующегося прежде всего на диалектном материале.

Такие же типы языковых контактов можно определить при татарско-финно-угорском (собственно татарско-марийском, татарско-мордовском, татарско-удмуртском) языковых контактах, результатом которого являются, в основном, лексические заимствования. Они могут иметь конкретные локальные особенности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белецкий, А. А. Генезис и этимология / А. А. Белецкий // Проблемы языкознания: Доклады и сообщения советских ученых на X Международном конгрессе лингвистов. – М.: Наука, 1967. – С. 251–255.

Бертагаев, Т. А. Билингвизм и его разновидности в системе употребления / Т. А. Бертагаев // Проблемы двуязычия и многоязычия. – М.: Наука, 1972. – С. 82–88.

Бутылов, Н. В. Тюркские заимствования в мордовских языках / Н. В. Бутылов. – Саранск, 2005. – 128 с.

Вайнрайх, У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования / У. Вайнрайх. – Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1979. – 263 с.

Горнунг, Б. В. К вопросу о типах и формах взаимодействия языков / Б. В. Горнунг // Докл. и сообщ. Ин-та языкозн. АН СССР. – 1952. – № 2. – С. 3–7.

Жлуктенко, Ю. А. Комментарии / Ю. А. Жлуктенко // Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. – Киев : Изд-во Киев. ун-та, 1979. – С. 211–218.

Жлуктенко, Ю. О. Мовні контакти (проблеми інтерлінгвістики) / Ю. О. Жлуктенко. – Київ : Вид-во Київ. ун-ту, 1966. – 136 с.

Исанбаев, Н. И. Марийско-тюркские языковые контакты / Н. И. Исанбаев. – Йошкар-Ола : Мари. кн. изд-во, 1989. – Ч. 1: Татарские и башкирские заимствования. – 176 с.

Карлинский, А. Е. Основы теории взаимодействия языков / А. Е. Карлинский. – Алма-Ата : Гылым, 1990. – 189 с.

Лабунец, Н. В. Русская географическая терминология в ситуации языкового контакта. Автореф. дис... д-ра филол. наук / Н. В. Лабунец. – Екатеринбург, 2007. – 51 с.

Лизанец, П. Н. Некоторые теоретические вопросы взаимодействия языков / П. Н. Лизанец // Исследование финно-угорских языков и литератур в их взаимосвязях с языками и литературами народов СССР: Тезисы докладов Всесоюзного научного совещания финно-угроведов (27–30 октября). – Ужгород : Изд-во Ужгород. ун-та, 1977. – С. 42–47.

Мызников, С. А. Русские говоры Обонежья: ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения / С. А. Мызников. – СПб. : Наука, 2003. – 540 с.

Мызников, С. А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: Этимологический и лингвогеографический анализ / С. А. Мызников. – СПб. : Наука, 2004. – 492 с.

Опельбаум, Е. В. Восточно-славянские лексические элементы в немецком языке / Е. В. Опельбаум. – Киев : Наукова думка, 1971. – 271 с.

Розенцвейг, В. Ю. Основные вопросы теории языковых контактов / В. Ю. Розенцвейг // Новое в лингвистике. – Вып. VI. Языковые контакты. – М. : Прогресс, 1972. – С. 5–22.

Серебрянников, Б. А. О взаимодействии языков (Проблема языкового субстрата) / Б. А. Серебрянников // Вопросы языкознания. – 1955. – № 1. – С. 7–25.

Тараканов, И. В. Заимствованная лексика в удмуртском языке (Удмуртско-тюркские языковые контакты) / И. В. Тараканов. – Ижевск : Удмуртия, 1982. – 188 с.

Хауген, Э. Языковой контакт / Э. Хауген // Новое в лингвистике. – М. : Прогресс, 1972. – Вып. 6. – С. 61–80.

Ярцева, В. Н. Теория субстрата в истории языкознания / В. Н. Ярцева // Докл. и сообщ. Ин-т языкозн. АН СССР. – 1956. – № 9. – С. 8–32.

А. И. Сайнахова (*Ханты-Мансийск*)

Лексико-семантические разряды слов

Наряду с группой многозначных слов, в мансийском языке выделяются еще такие лексико-семантические группы, как омонимы, синонимы, антонимы.

Омонимы, их разновидности, причины возникновения

Омонимы – это слова, одинаково звучащие, но имеющие различные значения: *лув* 'лошадь' – *лув* 'кость'; *ат* 'запах' – *ат* 'пять'; *нхр* 'болото' – *нхр* 'голый'.

По структуре омонимы можно разделить на непроеизводные (корневые) и производные. Непроеизводные (корневые) омонимы имеют непроеизводную основу: *с̄ас* 'береста' – *с̄ас* 'селезень'; *пиук* 'голова' – *пиук* 'зуб'; *с̄ар* 'табак' – *с̄ар* 'передний'.

Производные омонимы возникли в результате словообразования, они имеют производную основу: *ōлтул* 'жизнь' – *ōлтул* 'богатство'; *ёрыу но* 'гордая женщина' – *ёрыу лмух* 'дорога со следами чего-нибудь'.

Омонимы бывают полными и неполными. Полная лексическая омонимия – это совпадение слов, принадлежащих к одной части речи во всех формах: *с̄ам* 'угол' – *с̄ам* 'чешуя'; *с̄ат* 'неделя' – *с̄ат* 'ящик, погруженный в воду для хранения живой рыбы'; *лув* 'лошадь' – *лув* 'кость'.

При неполной (частичной) лексической омонимии совпадение в звучании и написании наблюдается у слов, принадлежащих к разным частям речи; такие пары слов в лингвистической литературе называются омоформами: *супыг* 'осетр' – *супыг* 'пополам'; *хук* (лёд) – *хук* 'белый'; *с̄аль* 'жаль, жалко' – *с̄аль* 'шалль'.

В числе разновидностей омонимов выявляются также:

а) омофоны – слова и формы разного значения, которые произносятся одинаково, но на письме изображаются по-

разному: *Нёр* 'Урал' – *нёр* 'гора'; *Сакв* 'река Ляпин' – *сакв* 'обломок, кусочек, крошка';

б) омографы – слова и формы, разные по значению, одинаково изображаемые, но в звучании не совпадающие из-за краткости и долготы гласного: *сам* 'глаз' – *сām* 'угол'; *сас* 'оба' – *сās* 'селезень'; *суй* 'звук' – *сий* (бор);

в) паронимы – слова с разным значением и разным написанием, но они имеют относительно близкое произношение: *ёмас* 'хороший, хорошо' – *ёмыс* 'шёл'; *мос* 'болезнь, хворь' – *мус* 'до'. В лингвистической литературе к паронимам относятся по-разному: одни считают их разновидностью омонимов (Н. М. Шанский), другие рассматривают их особо (Е. И. Диброва); нам следует считать их, как это делает Н. М. Шанский, разновидностью омонимов, так как они тоже имеют разное значение, но почти одинаковое написание и произношение.

Омонимы возникают разными путями.

1. Среди них имеются пары, в которых одно из слов является заимствованием из других языков: *сāt* 'семь' – *сат* 'садок' (< рус. сад); *русъ* 'добротный' – *русъ* 'русский'; *парс* 'доход' – *парс* 'парус' (< рус. парус); *сир* 'толстый червяк' – *сур* 'пиво' и др.

2. Омонимы могут появиться в результате проникновения в письменный язык диалектной лексики: *сјс* 'нарост на берёзе' – *сјс* 'ручей' (из верхнесосьвинского говора северного наречия мансийского языка); *нār* 'скелет' – *нār* 'палка для выбивания снега' – *нār* 'повод, причина' (из нижнесосьвинского говора северного наречия мансийского языка).

3. Причиной возникновения омонимов может быть уподобление слов по какому-нибудь признаку: по цвету, по действию, по сходству: *хук* 'лед' – *хук* 'белый'; *соныг* 'нарост на берёзе' – *соныг* 'кончик носа у животных'; *Нёр* 'Урал' – *нёр* 'гора'.

4. Омонимы возникают и в результате исторических изменений состава слов. В мансийском языке имеется частица *ман* 'ведь', образованная от местоимения 1-го лица, мн. числа *мāн* 'мы', и разделительный союз *манос* 'или', который со временем потерял второй слог (-ос); так появилась омонимическая пара: *ман* 'разве, ведь, что ли (частица)' – *ман* 'или, ли (раздели-

тельный союз)’, хотя наравне с союзом *ман* продолжает употребляться и союз в форме *манос*.

В мансийском языке представлены существительные, которые употребляются в двух или нескольких формах, например, *конс* и *кос* ‘коготь, ноготь’. Слово *кос* образовалось в результате действия регрессивной ассимиляции: в сочетании *нс* исчезает звук *н*; в результате лексема *кос* ‘коготь, ноготь’ составляет омонимическую пару с другим словом – *кос* ‘хоть, хотя’.

5. Причиной возникновения омонимичных пар является также образование слов с новыми значениями:

а) лексико-семантическим способом: *рityу* ‘родственный, обладающий родней’ – *рityу* ‘породистый’; лексическое значение уже существовавшего слова расширяется тем, что появляется новое значение; *хасхатуукве* ‘связываться’ – *хасхатуукве* ‘расписаться’; *тилмах* ‘росомаха’ – *тилмах* ‘вор’. В последней паре слов, как предполагают, более ранним является *тилмах* ‘росомаха’. Это животное отличается от многих других тем, что ворует. Позднее, когда у манси появились люди, которые брали чужое, их тоже стали называть словом *тилмах*. Слово с этим же корнем имеется и в других финно-угорских языках: венг. *tolvaj* ‘вор’; коми *тулан* ‘куница’, которая разоряет беличьи гнёзда, является вороватым животным [устное сообщение Е. А. Игушева];

б) лексико-морфологическим способом, когда одна часть речи переходит в другую часть речи: *супыг* ‘осётр’ – *супыг* ‘пополам’ – *супыг* (глагольная приставка, придающая словам новые оттенки значения); *соныг* ‘нарост на берёзе’ – *соныг* ‘кончик носа у животных’; *сяхыл* ‘туча’ – *сяхыл* ‘гром’ – *сяхыл* ‘холм’; во всех этих словах видны: 1) корни *суп-*, *сэн-*, *сях-*, хотя в настоящее время они необъяснимы; 2) суффиксы *-ыг*, *-ыл*, которые в современном языке являются действующими. В составе слов *супыг*, *сэныг*, *сяхыл* произошло историческое изменение, называемое опрошением; корни и суффиксы слились настолько тесно, что корни *супыг*, *соныг*, *сяхыл* в современном языке составляют неделимую морфему.

Лексическая синонимия

Синонимы – это слова, различные по звучанию, но тождественные или близкие по значению: *карыс* – *ллиу* ‘высокий’; *воль-*

гуукве – суртгуукве 'блестеть'; *сунсуукве – а̀кватаукве* 'смотреть, взглянуть'; *ёргуукве – волтуукве* 'строгать, тесать'.

Группа синонимов, состоящая из двух и более слов, называется синонимическим рядом: *пелп – молях* 'скоро, быстро'; *номтыу – тумайу* 'умный'; *ворасьлаукве – вори тотуукве* 'спорить, доказывать'.

Одно из слов в синонимическом ряду является стержневым, основным, и оно называется доминантой, например, в синонимическом ряду: *аквнакт – аквёс – аквпорат – аквѣгмт* 'однажды' доминантой является *аквнакт*); *рохтуукве – пилуукве* 'испугаться' (доминанта *пилуукве*). Иногда нелегко определить стержневую роль слов в синонимическом ряду, они кажутся одинаковыми в семантическом отношении и одинаково употребительны: *осься – вѣлта* 'тонкий', *суйтāl – астāl* 'тихий, тихо'.

Синонимы в основном принадлежат к одной и той же части речи, но в системе словообразования некоторые из них имеют родственные слова, относящиеся к другим частям речи и вступающие между собой в такие же синонимические отношения: *нѣтнэ – хорамыу* 'красивый' – прилагательные; от них образованы слова *нѣтнэг – хорамыуыг*: *нау нѣтнэг пнтыслын* 'ты красиво сшила'; *тав ты тор хорамыуыг вѣрыстэ* 'она этот материал красиво расшила'. Слова *нѣтнэг* и *хорамыуыг* тоже составляют синонимический ряд, но уже относятся к другой части речи – к наречию.

В мансийском языке большинство синонимических рядов образуют глаголы, меньше – существительные, прилагательные, наречия; участвуют в образовании синонимов и словосочетания, включающие разные части речи – глаголы: *ол-хйтуукве – хот-оюукве* 'убежать'; *сѣвмалтаукве – янмалтаукве* 'размножать'; *тауыртаукве – пасиртаукве* 'сжать'; *тавантмаукве – ротмуукве* 'стихнуть, успокоиться (о ветре)'; имена существительные: *янгуи – сѣруп* 'лось'; *āмп – кутюв – муи* 'собака'; *линсь – полх* 'слюна'; *пири – мий* 'свадьба'; имена прилагательные: *яныг – лосит* 'большой'; *āньтыу – мирау* 'рогатый'; *лылыу – йильпи* 'свежий'; *самайу – восьлахыу* 'топкий'; наречия: *суйтāl – астал* 'тихо'; *итыуысь – молях* 'быстро, скоро'; *аквпѣхат – аквѣнтсъл* 'рядом' (первое и второе слова включают сочетание числительного и послелогов).

Пополнение синонимического ряда может происходить как путем словообразования, так и в результате заимствования слов из других языков: *аквккм* 'равный' – *аквхурип* 'одинаковый'; *мохлыл* 'узел' – *нотмил* 'узел, связка'; эти слова образованы от глаголов *мохлуукве* 'завязать' – *ногуукве* 'завязать, привязать'; заимствованные слова имеются в синонимических рядах типа *сернила* – *хаснэ вит* 'чернила'; *сюматан* – *лэх тотан* 'чемодан'; *толк* – *польса* 'польза'; *номтыу* – *тумацу* 'умный'.

Утрата целого синонимического ряда или одного из его членов может происходить из-за архаизации слов, которые теряют свои функции в современном языке и в составе синонимического ряда они мало кому понятны, например: *аньтыу* – *мирау* 'рогатый'; *āmн* – *кутюв* – *лиуи* 'собака'; *исхор* – *имта* 'пугало'; *самацу* – *восьлахыу* 'топкий'.

Синонимы, как и большинство слов, могут быть многозначными: *лылыу* – *йильпи* 'свежий'; *лылыу* – *йильпи* 'живой'; *сокв* – *āтыр* 'прохладный'; *сокв* – *āтыр* 'ясный'. Они включаются в сложные синонимические отношения с другими многозначными словами, образуя отношения противоположности: *йильпи* – *пес* 'новый – старый'; *лылыу* – *холам* 'живой – мертвый'; *суиу* – *суйтāl* 'звонкий – глухой'; *астāl* – *рбухен* 'не шуми – кричи'; *яныг* – *мāнь* 'большой – маленький'; *лосит* – *марум* 'свободный – тесный'.

Типы синонимов. В мансийском языке абсолютно одинаковых по значению синонимов не так много, члены одного синонимического ряда чем-то отличаются друг от друга.

В зависимости от того, абсолютно одинаковы по значению синонимы или чем-то отличаются, их можно разделить на несколько типов:

а) абсолютные синонимы, значения которых полностью совпадают: *янгуи* – *сбруп* 'лось'; *пупāпси* – *вбртōлнут* 'медведь'; *мохлыл* – *нэтмил* 'узел'; *вольги* – *суртги* 'блестит';

б) относительные – это такие синонимы, семантическое подобие которых не совсем одинаковое: *тāk* – *сирум* 'крепкий – твердый'; *рохтуукве* – *пилуукве* 'испугаться – бояться'; *молях* – *йтыуысь* 'быстро – стремительно'; *тийт* – *сун* 'сани разной формы'; *рбухи* – *сйвги* 'кричит – свищет';

в) диалектные, когда синонимический ряд может быть составлен из слов разных диалектов; в частности, из лексического материала северного и восточного диалектов можно назвать: *сбвыр* (Со) – *цэцвэ* (Ка) 'заяц'; *сбви* (Со) – *пер* (Ка) 'кривой, косой'; *сын* (Со) – *ах* (Ка) 'горка'; *срп* (Со) – *кяс* (Ка) 'карман'; *сах* (Со) – *орцэх* (Ка) 'шуба'; *сыртэп* (Со) – *йорм* (Ка) 'крупа';

г) особым типом синонимов являются синонимические ряды, один из членов которых – заимствованное слово: *номтыу* – *тумацу* 'умный' (*тумацу* образовано от русского слова *думать*); *спртни* – *сёртни* 'репа' (*сёртни* заимствовано из коми, ср. удм. *сяртчы*); *сернила* – *хаснэ вит* 'чернила' (*сернила* – это русское слово *чернила*, *хаснэ вит* образовано их мансийских слов *хаснэ* 'пишущая' и *вит* 'вода'); *толк* – *польса* 'польза' (оба слова заимствованы из русского языка); *турман* – *сатум* 'темно, сумрачно' (*турман* восходит к русскому слову *тюрьма*);

д) известны пары синонимов, которые имеют в своём синонимическом ряду устаревшие слова, например: *аньтыу* – *мурау* 'рогатый' (слово *мурау* в современном языке не употребительно); *āмп* – *кутюв* – *лиуи* 'собака' (мало известным ныне является слово *лиуи*); *исхор* – *имта* 'пугало' (устаревшим считается слово *имта*).

Лексическая антонимия

Антонимы – это слова с противоположным значением: *номтыу* 'умный' – *оссām* 'глупый'; *молях* 'быстро' – *лāсял* 'медленно'; *āлтыл* 'утром' – *отипалаг* 'вечером'; *ёмас* 'хороший' – *лплль* 'плохой'.

Антонимы могут выражать:

а) качественную характеристику людей: *ёмас* 'добрый' – *лплль* 'плохой'; *кантыу* 'злой' – *ёмас* 'добрый'; *номтыу* 'умный' – *оссām* 'глупый'; *кāркам* 'трудолюбивый' – *савыу* 'ленивый'; *вāгыу* 'сильный' – *вāгтал* 'слабый';

б) качественную характеристику предмета: *систам* 'чистый' – *пāукуы* 'грязный'; *витыу* 'мокрый' – *тосам* 'сухой'; *пōлям* 'холодный' – *исум* 'горячий'; *вōиу* 'жирный' – *урум* 'худой'; *сурум* 'твёрдый' – *кāминьт* 'мягкий'; *тыныу* 'дорогой' – *тынтāl* 'дешевый'; *йильпи* 'свежий' – *солвалыу* 'солёный'; *вōиу* 'жирный' – *вōйтāl* 'нежирный'; *пāль* 'густой' – *хара* 'редкий';

в) объём, размер, признак предмета или человека: *карыс* 'высокий' – *талква* 'низкий'; *яныг* 'большой' – *мань* 'маленький'; *пāхвыу* 'широкий' – *осься* 'узкий'; *осьу* 'толстый' – *осься* 'тонкий';

г) цвет и оттенки цветов: *войкан* 'светлый' – *сомыл* 'темный'; *хук* 'белый' – *сэмыл* 'черный';

д) пространство: *ними* 'верхний' – *илы* 'нижний'; *ляпа* 'близкий' – *хоса* 'дальний'; *нимын* 'наверху' – *илын* 'внизу'; *алгаль* 'вверх по реке' – *лōухаль* 'вниз по реке'; *нāлваль* 'к реке' – *пāгле* 'от реки';

е) время: *хōтал* 'день' – *от* 'ночь'; *хōтыл* 'днём' – *оти* 'ночью'; *тыхōтал* 'сегодня' – *холытан* 'завтра';

ж) состояние природы: *няура* 'резкий, суровый о погоде' – *тавант* 'тихий, спокойный'; *хōталыу* 'солнечный' – *тилыу* 'облачный'; *посьу* 'яркий, светлый' – *постāл* 'тусклый, темный'; *вōтыу* 'ветренный' – *вōттāл*, *тавант* 'безветренный';

з) количество: *сāв* 'много' – *мосься* 'мало';

и) процесс: *нох-лпллюукве* 'встать' – *ёл-интуукве* 'сесть'; *хот-нхвлуукве* 'прогнать, удалить' – *ляпан-виукве* 'приблизить, взять к себе';

к) возраст человека: слову *мань* 'молодой'; как и в других финно-угорских языках, противопоставляются 2–3 слова в зависимости от того, относится ли этот возрастной признак к человеку, предмету или животному: *мань* 'молодой (о человеке)' – *прс* 'старый (о предмете)'; *яныг* 'старый (о животном)': *Мань хōтпа сāвнув вāруукве врми*. 'Молодой человек способен сделать больше'. *Прс колт номхотпа ат олы*. 'В старом доме никто не живёт'. *Яныг мисыт юв нхвлон, мань мисыт тот вус хультогыт*. 'Старших коров пригони домой, телята пусть там останутся'. Ср. финно-угорские примеры: коми *пōрысь* 'старый (о человеке)', *важ* 'старый (о предмете)'; удм. *пересь* 'старый (о человеке)', *вуж* 'старый (о предмете)'; хант. *пырысь* 'старый (о человеке)', *капра* 'старый (о предмете)'; венг. *ōreg* 'старый (о мужчине)', *idősebb* 'почтительно о пожилом возрасте женщины', *régi* 'старый (о предмете)' (см.: [В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. Краткий этимологический словарь коми языка. – М.: Наука, 1970. – С. 429.]).

Антонимы бывают однокорневыми и разнокорневыми: а) однокорневые: *нвттнэ* 'красивый' – *нёттāl* 'некрасивый'; *вāгыу* 'сильный' – *вāгтāl* 'слабый'; б) разнокорневые: *ляпа* 'близкий' – *хоса* 'дальний, далекий'; *нуми* 'верхний' – *ёлы* 'нижний'; *хук* 'белый' – *сомыл* 'чёрный'; *карыс* 'высокий' – *талква* 'низкий'.

Следовательно, в мансийском языке так же, как и в других языках, выделяются омонимы, синонимы и антонимы, которые характеризуются определенными специфическими особенностями.

О. Б. Стрелкова (Ижевск)

Дробные числительные удмуртского языка: способы выражения и особенности употребления в речи

Дробные числительные представляют собой один из разрядов количественных числительных, так как и те и другие обозначают количество предметов и явлений. Разница состоит лишь в семантике, ибо дробные числительные обозначают не целое число и целые предметы, явления, а их части.

В финно-угорском праязыке разряд дробных числительных, по-видимому, отсутствовал, ибо во всех современных языках представлены разнообразные способы их образования, хотя зачастую они оказываются типологически сходными по своей структуре.

По своему составу дробные числительные являются сочетанием количественных числительных, одно из которых выражает числитель, другое знаменатель. К числительному, выступающему в роли знаменателя, присоединяется суффикс *-мос*: *вить дасмос* 'пять десятых', *одйг куиньмос* 'одна третья': *Лудо вордон кык куиньмоссэ доходэз сётэ* (С. Самсонов. Дыдыккёс бус пёлы уг йыромо. 79). 'Животноводство даёт две трети дохода'. *Соин ми ваньзэ ог куиньмослы кулэстйм, сюбегатйм* (С. Самсонов. Дыдыккёс бус пёлы уг йыромо. 13). 'Поэтому мы все на одну треть уменьшили, сузили'. *Тани алигес ортчем совещанын Степанов куинь ньыльмос веранзэ азьвыл басьтэм азинсконьёслы сйиз* (Т. Архипов. Лудзи шур дурын. 168). 'Вот на прошедшем недавно совещании Степанов три четверти доклада посвятил достигнутым ранее успехам'. *Озыы бере, вай тазыы учком: войналэсь азьвыл тракторъёс гырон-кизёнэз одйг ньыльмоссэ гинэ быдэсьязы* (Т. Архипов. Лудзи шур дурын. 168). 'Раз так, давай так посмотрим: до войны трактора выполняли лишь одну четверть весенних полевых работ'.

При склонении по падежам изменению подвергается только числительное, выражающее знаменатель дроби, имеющее суффикс *-мос*. Все формы дробных числительных в косвенных падежах являются грамматически возможными, но все они практически не употребляются в речи.

В большинстве случаев в дробных числительных, числитель которых равен одному, числитель пропускается, употребляется только знаменатель с показателем *-мос*: *Захарлэн нуллэм сион-юонэз пöлысь дасмосэз но отчы уг мыны* (Г. Архипов. Лудзи шур дурын. 102). 'Из увозимых Захаром продуктов и десятая часть туда не уходит'.

Дробные числа, имеющие целую часть, в удмуртском языке обозначаются следующим образом: в начале ставится числительное, обозначающее целую часть, затем следует слово *быдэс* 'целый, целое', союз *но* 'и' плюс числительные, обозначающие числитель и знаменатель (*кык быдэс но куинь дасмос* 'две целых и три десятых', *нбыль быдэс но кык витьмос* 'четыре целых и две пятых').

Возможны также варианты, когда слово *быдэс* 'целый, целое' выпадает, остаются лишь числовые обозначения дроби, связанные между собой соединительным союзом *но* 'и': *Миым соос кутсаллям кык но сизьым дасмос центнер жег, одйг но сизьым дасмос центнер валэс юос* (Ф. Пукроков. Кизили ныл. 179). 'В прошлом году они, оказывается, сжали два [целых] и семь десятых центнера ржи, одну и семь десятых яровых зерновых'. *Гектарезлы быдэ одйг но кык дасмос тонна кыед шеде* (Г. Перевощиков. Йыбыртты музъемлы. 52). 'На каждый гектар попадает одна и две десятых тонны навоза'. *Озыы со [кукуруза] центнерез, етйн сярысь, кык но куать дасмослы дуно усе* (С. Самсонов. Дыдыкжэс бус пöлы уг йыромо. 122). 'Так её [кукурузы] центнер, по сравнению со льном, выходит дороже на две и шесть десятых'.

Целые числа и дроби при них в коми языке выражаются следующим образом: целое число, союз *да* 'и' и дробь плюс *юкөн* 'часть', например: *вит да кык коймöд юкөн* 'пять целых две третьих (букв. пять и две третьих части)' [СКЯ 1955: 184]. Нужно также обратить внимание на то, что в коми языке знаменатель дроби является порядковым числительным. Ф. И. Видеманн и в удмуртском языке отмечал аналогичную конструкцию: *1/3 kviñmeti juket (l'uket), 1/10 daseti juket (l'uket)* [Wiedemann 1884: 156].

Использование порядкового числительного в образовании дробных числительных – широко распространенное явление

в различных языках, хоть в целом для современного удмуртского языка и нехарактерное, но представленное в диалектах: кукм. *кўн' бьдэс но кьк с'из'ьмэти* 'три целых две седьмых' [Кельмаков 1998: 134].

Не используется порядковое числительное для выражения знаменателя дроби и в большинстве тюркских языков. Здесь представлены исходный и местный падежи числительных [Дмитриев 1948: 93].

Во многих языках, однако, этот способ является основным, так же, к примеру, обстоят дела и в чувашском языке, где «дробные числительные образуются посредством прибавления к количественному числительному в полной форме (числителю) порядкового числительного (знаменателя), например, *иккё виççёмёш* 'две третьих', *виççё тиллёмёш* 'три пятых'» [Андреев 1966: 51]. Эта форма дробного числительного чувашского языка, вероятно, могла бы послужить исходной конструкцией для образования аналогичной формы в удмуртском языке. Соответственно, если рассмотреть состав знаменателя дробного числительного в удмуртском языке, то выясняется, что оно также выражено с помощью суффикса порядкового числительного, заимствованного из чувашского (*-мёш* > *-мос*), и в удмуртском языке данный суффикс уже не имеет значения порядковости, употребляясь исключительно для образования знаменателя дробного числительного.

И. С. Галкин [1964: 106] указывает на родство суффикса дробного числительного *-мос* удмуртского языка с суффиксом порядкового числительного *-ымше (-о, -ө)* в марийском языке, утверждая, что образуются они уже после распада финно-угорской языковой общности, ибо не обнаруживаются параллели в других финно-угорских языках, а суффикс порядкового числительного *-мёш* чувашского языка «очевидно, возник под влиянием марийского языка» [Галкин 1964: 107]. М. Р. Федотов, напротив, указывает на генетическое соответствие чувашского аффикса *-мёш* с тюркским *-нч* и якутским *-с* порядковых числительных, таким образом, «марийские регулярные суффиксы порядковых числительных *-ымше (-о, -ө)*, *-шы*, а также удмуртский *-мос*, нужно рассматривать как языковые приобретения болгаро-чувашского происхождения, относящиеся к самым ранним вре-

менам интенсивного культурно-экономического влияния болгар на своих соседей – предков мари и удмуртов» [Федотов 1968: 44].

Таким образом, на данном примере наблюдаем заимствование формообразующего суффикса числительных из чувашского мари́йским языком (чув. *-мăш/-мĕш* ~ *-мăшĕ/-мĕшĕ* > мар. *-ышше* [Федотов 1990: 105]), а также и удмуртским языком, при этом в удмуртском сохраняется свой суффикс порядкового числительного, заимствованный формант используется лишь в образовании дробного числительного.

Слово со значением ‘часть’ в образовании дробного числительного используется и в финском языке: *yksi kahdes / osa* ‘одна вторая (часть)’, *kaksi kolmas / osaa* ‘две третьих (части)’, *viisi kuudes / osaa* ‘пять шестых (частей)’ [Ikola 2000: 45]; манс. *akw n'ilit lōmt* ‘одна четвертая часть’ [Ромбандеева 1973: 97]; а в знаменателе, как и в коми, используется порядковое числительное. Подобную структурную модель знаменателя порядковое числительное + часть, хоть и нечасто, но встречаем и в удмуртском языке: *Но ведь али чебередлэсь ог миллионэти локетсэ гинэ адзисько* (Ф. Пукроков. Кизили ныл. 83). ‘Но ведь сейчас вижу только одну миллионную часть твоей красоты’.

Понятие ‘половина’ в удмуртском языке выражается словом *жыны*: *Азьмыниьс бригадаос али ик уни плантёссэс жыны арлы но быдэс арлы азьпалтыса мыно* (Т. Архипов. Адямилэн чеберез. 221). ‘Передовые бригады уже сейчас идут, опережая свои планы на полгода и на целый год’. *Жыны метр зокталаем йӧ ваменак чигиз* (Т. Архипов. Адямилэн чеберез. 188). ‘Лёд толщиной в полметра раскололся пополам’. *Одйг кыл гожтэ но жыны час малпаськыса пуке [Николай]* (Г. Перевощиков. Йыбыртты музъемлы. 46). ‘Пишет одно слово и полчаса сидит [Николай] в размышлениях’. *Тани куд-огез жыны часлы жегаса вуизы* (Г. Перевощиков. Йыбыртты музъемлы. 63). ‘Вот некоторые пришли с опозданием на полчаса’.

При обозначении дроби, имеющей целую часть, слово *жыны* ставится после названия целого числа и союза *но* ‘и’ (*кык но жыны* ‘два с половиной’, *букв.* ‘два и половина’): *Ети́н кык но жыны пол дунтэм* (С. Самсонов. Дыдыкжӧс бус пӧлы уг йыромо. 122). ‘Лён в два с половиной раза дешевле’. *Гектараз одйг*

тонна яке *одйг но жсыны* (Г. Перевощиков. Йыбыртты музейемлы. 24). 'С гектара одна тонна или полторы тонны (букв. одна и половина)'. *Нуналаз одйг но жсыны сяна ум гожтйське* (Т. Архипов. Лудзи шур дурын. 197). 'В день записываем только один с половиной'.

В финском языке для выражения подобного значения используется слово *puoli* 'половина'. Сама грамматическая конструкция по своему составу эквивалентна удмуртской модели: *kaksi ja puoli* 'два и половина', *puoli tuntia* 'полчаса'. В мордовских языках используются слова *пель / няле* 'половина', *мартто / мархта* 'с': *колмо пель мартто / колма няле мархта* 'два с половиной' [Кочеткова 1999: 15].

При сочетании с существительными слово *жсыны* 'половина' может стоять в различных позициях:

а) впереди существительного, если выражается понятие 'пол, половина': *Загребинлэсь вордскем нуналзэ Тонялэсь тодыса, Олён кенак жсыны ведра чёжи нуиз* (С. Самсонов. Дыдыкьёс бус пёлы уг йыромо. 74). 'Узнав от Тони о дне рождения Загребина, тётя Алёна унесла полведра молозива'. *Николай жсыны стакан лэзиз но чаляк юиз* (Г. Перевощиков. Йыбыртты музейемлы. 81). 'Николай налил полстакана и быстро выпил'. *Лысое самолётэн берти но жсыны нунал аэродромын турын вылын кылли* (П. Чернов. Тулысысен сйзьылозь. 13). 'Вернулся в Лысо на самолёте и полдня лежал на траве на аэродроме'.

Аналогичный способ используется и в коми языке, где понятие 'половина' выражается словом *джын*: *джын дон* 'полцены', *джын туй* 'полпути', *джын мыж* 'полвины' [СКЯ 1955: 184];

б) после существительного, если нужно выразить понятие 'целое плюс половина – полтора'; между ними ставится союз *но 'и'*: *Карцерлэн кузьдалаез но пасьталаез метр но жсыны* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 23). 'Длина и ширина карцера полтора метра (метр и половина)'. *Бусы сюрес кузя иськем но жсыны тубемзы бере, сюрес нюлэскы пыкъяськиз* (Н. Самсонов. Агбай. 365). 'После того, как поднялись по полевой дороге полтора километра, дорога врезалась в лес'.

Встречается еще другая модель для выражения этого же значения: существительное стоит в творительном падеже единственного числа, к нему присоединяется слово *жсыны* в основной

форме или в творительном падеже единственного числа (*ведраен жсыны* или *ведраен жсыныен* ‘полтора ведра’, *километрэн жсыны* или *километрэн жсыныен* ‘полтора километра’): **Толзэен жсыны ортчыса**, Маня лыз сатин дэрэм, сьод сукнолэсь виль костюм но тямыс сэрего фуражка вуриз (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 21). ‘Спустя полтора месяца, Маня сшила синюю сатиновую рубашку, новый костюм из черного сукна и восьмиугольную фуражку’. *Тыриз-тыриз, манетэн жсыныен уг окмы на* (Кедра Митрей. Секыт зйбет. 295). ‘Платил-платил, еще не хватает полтора рубля’. *Нош Надя арэн жсыныен гождьяз солы, посылкаос ялан лэзьяз* (В. Ар-Серги. Тулкымъёс вылын – пыжед. 35). ‘А Надя полтора года ему писала, постоянно отправляла посылки’. «Югдонэ» Виктор Лукъянов **арэн жсыныен талэсь азьло вуиз** (Г. Перевощиков. Йыбыртты музъемлы. 49). ‘В «Югдон» Виктор Лукъянов прибыл полтора года назад’. *Берло ини, арэн жсыныен пала ортчыса, Нюра та пумысен, ассэ ачиз куре уськытыса, пальышак потылоз* (Н. Самсонов. Агбай. 280). ‘Уже позже, спустя примерно полтора года, Нюра по этому поводу, обвиняя себя, будет улыбаться’. *Жоже уськытйзы ке но, мон озьы ой лэсьты, толзэен жсынйнын уждун басьтытэк улй* (Ф. Пукроков. Кизили ныл. 216). ‘Хоть и обидели, я так не поступил, полтора месяца жил, не получая зарплаты’.

Вышеназванные конструкции могут быть дополнены также союзом *но* ‘и’: *Лёнька кык-куинь кадрзэ шальк! каре но кошкыны кариське, котькуд анай-атайлэсь манет но жсыныен бичалоды, пе* (Н. Самсонов. Агбай. 280). ‘Лёнька щелкает два-три кадра и готовится уходить, с каждого родителя соберете, мол, по рублю с половиной’.

Такая же модель присутствует в коми языке: *воён-джынийён* ‘полтора года’, *ведраён джынийён* ‘полтора ведра’ [СКЯ 1955: 184].

Показатель дробных числительных *-мос* несет в себе значение не только ‘часть целого’, но и в ряде случаев используется при выражении семантики в ‘столько-то раз’, показывая кратность: *Пунэмен сёто ке, куиньмос золто но тонэ ик пыкыло, жеч каремез, пе, уд валаське* (М. Петров. Вуж Мултан. 83). ‘Если дают в долг, вытягивают втрое больше и тебя же упрекают, что не понимаете-де добра’. *Мишадэс шудыны лэзё, Федор Семёнович,*

бертэмдылы шумпотонэз кыкмос мед луоз (М. Петров. Вуж Мултан. 294). 'Мише вашему разрешу играть, Федор Семенович, пусть его радость вашему приезду будет двойная'.

ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ар-Серги Вячеслав. Тулкымъёс вылын – пыжед: Повесть, веросьёс, кылбуръёс. – Ижевск : Удмуртия, 1993. – 224 б.

Архинов, Т. А. Адымилэн чеберез: Роман. – Ижевск : Удм. кн. изд-во, 1963. – 288 б.

Архинов, Т. А. Лудзи шур дурын: Роман. Кыкетй люкетэз. – Ижевск : Удм. кн. изд-во, 1957. – 370 б.

Кедра Митрей. Секыт зйбет: Роман // Секыт зйбет: Роман, повестьёс, веросьёс, кылбуръёс, поэма, тодэ ваён. – Ижевск : Удмуртия, 1988. – С. 15–137.

Петров, М. П. Вуж Мултан: Роман. – Устинов : Удмуртия, 1987. – 360 б.

Пукроков, Ф. П. Кизили ныл: Роман, повестьёс. – Ижевск : Удмуртия, 1997. – 312 б.

Самсонов, Е. Уй пал симфония: Повестьёсын роман. – Ижевск : Удмуртия, 1989. – 274 б.

Самсонов, Н. Агбай: Веросьёс, повестьёс, роман. – Ижевск : Удмуртия, 1996. – 416 с.

Чернов, П. К. Тулысысен сйзылыозь: Роман. – Ижевск : Удмуртия, 1989. – 384 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреев, И. А. Чувашский язык / И. А. Андреев // Языки народов СССР: Тюркские языки. – М. : Наука, 1966. – С. 43–65.

Галкин, И. С. Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Часть 1 / И. С. Галкин. – Йошкар-Ола : Марийское кн. изд-во, 1964. – 204 с.

Дмитриев, Н. К. Грамматика башкирского языка / Н. К. Дмитриев. – М. : Издательство Академии наук СССР, 1948. – 276 с.

Кельмаков, В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография / В. К. Кельмаков. Удм. гос. ун-т. Каф. общ. и фин-уг. языкозн. – Ижевск : Изд-во Удм. ун-та, 1998. – 386 с.

Ромбандеева, Е. И. Мансийский (вогульский) язык / Е. И. Ромбандеева. – М. : Наука, 1973. – 208 с.

СКЯ 1955 – Современный коми язык. – Сыктывкар, 1955. – 312 с.

Федотов, М. Р. Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками / М. Р. Федотов. – Чебоксары : Чувашское кн. изд-во, 1968. – 214 с.

Федотов, М. Р. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи / М. Р. Федотов. Под ред. И. С. Галкина. – Саранск : Издательство Саратовского университета. Саранский филиал, 1990. – 336 с.

Ikola, O. Pieni nykysuomen opas / O. Ikola. Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja. – Turku, 2000. – 228 s.

Wiedemann, F. J. Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche. – Reval, 1851. – 390 S.

С. Тот (Таллинн)

**Проблема датировки опосредованного пермизма
pelmenis ~ *pelmeni* 'пельмень ~ пельмени' в латышском языке
ке
в свете новых данных**

По мере исследования происхождения и распространения пермизма *пельмень* – лексической единицы, происходящей из коми и/или удмуртского языка* и, вероятно, возникшей ещё в пермском праязыке-основе, – автором этих строк было замечено, что «в латышском языке лексема также [подобно эстонскому *pelmeen(id)*] кажется заимствованием советского времени, по крайней мере, нам более ранние данные неизвестны» [1, 323]. В цитируемой статье, не стараясь выявить самое раннее упоминание слова в латышских источниках, мы указали лишь на данные, начиная только с 70-х годов XX века [2, 437; 3, 545; 4, 600; 5, 605; 6, 670]. Поскольку в латышских лексикографических источниках первой Латвийской Республики (с 20-х до первой половины 40-х годов XX века) не удалось обнаружить данную лексему, казалось логичным предположить, что временем заимствования является как раз советский период, когда латышский

* Русск. *пельмень* < *пельнянь* < коми/удм. *пельнянь* < *пель* 'ухо' + *нянь* 'хлеб'.

язык стал подвергаться самому интенсивному в своей истории влиянию русского языка. Эти выводы получили поддержку со стороны соседнего эстонского языка: «...лексема заимствовалась из русского в эстонский язык не ранее присоединения Эстонии к СССР», – утверждалось в той же статье [1, 323]. С другой стороны, учитывая многовековое (даже – тысячелетнее!) влияние русского языка на эстонский и латышский и имея некоторые сомнения в отношении достоверности сделанных ранее выводов, вышеприведенное предложение мы закончили следующими словами: «хотя трудно было бы исключить возможность более раннего заимствования (во времена царской власти на территории Эстляндской и Лифляндской губерний)».

После выхода вышеупомянутой статьи наш скептицизм все более усиливался, в результате чего были систематически просмотрены лексикографические источники латышского языка. Следует отметить, что даже в упомянутом нами толковом словаре латышского литературного языка приведены примеры 1965 и 1974 гг. [4, 600]. Мы начали свой просмотр с советского периода и обнаружили лексему *pelmeņi* как в русско-латышских словарях [7, 696; 8, 454; 9, 23], так и в одном орфографическом словаре иностранных слов 50-х годов XX века [10, 58]. Поскольку нам не удалось обнаружить никаких данных 1920–30-х и даже 40-х годов, мы убедились, что наше прежнее заключение, согласно которому лексема является советизмом [1, 316–317, 319, 323], действительно верна.

Не смотря на это, решив проверить некоторые словари латышского языка, изданные еще в царский период (то есть до буржуазного периода), к своему огромному удивлению, обнаружили лексему в одном словаре иностранных слов 1911 г., а также в одном русско-латышском словаре 1913 г.:

- «*Pelmeņi, wahrami pihragi pee kreeweem, peepilditi ar daschadu gaļu waj sehņem*» [11, 432] 'пельмени, вареные пироги у русских, наполненные разным мясом или грибами';

- «пельмени *m. pl. pelmeņi, pihradsīņi (pilditi ar kapatu gaļu, siwim, kaposteem et c.)*» [12, 571] 'пельмени, пирожки (наполненные рубленным мясом, рыбой, капустой и т. д.)'.

Самое интересное, что более поздние издания этих же словарей [13, 14], опубликованных в 30-е гг. XX в., уже не содержат лексемы *pelmeņi*. Тем более удивительно, что русско-латышский словарь 1931 г. дает только объяснение русского слова, полностью перенятое из издания 1913 г., и при этом пропускает заимствованную явно из русского языка лексему *pelmeņi*: «pīradziņi (pildīti ar karātu gaļu, zivīm, kāpostiem etc.)» [14, 285]. Значит, известный латышский лексикограф Я. Дравниак (лтш. Jēkabs Dravnieks, 1858–1927) зафиксировал лексему в царское время, а спустя менее чем два десятилетия, во время первой Латвийской Республики – после смерти автора – редакторы словаря уже не посчитали нужным снова включить ее в новое издание.

О причинах таких крайне странных обстоятельств остается только догадываться. С одной стороны, надо учитывать, что после установления независимости Латвии влияние русского языка на латышский уменьшилось; с другой стороны, за этим могут стоять и пуристические принципы латышских лексикографов и редакторов первой Латвийской Республики. Тем более что даже в начале XX в. лексема, по-видимому, еще не входила в основной словарный фонд латышского языка, на что указывает тот факт, что ее удалось обнаружить лишь в одном словаре иностранных слов, а также только в одном русско-латышском словаре. На основании того, что в словаре иностранных слов 1911 г. имеется пометка «рее křeeweem» 'у русских' [11, 432], можно сделать вывод, что в то время данная лексема была еще экзотизмом (ксенизмом).

Судя по лексикографическим источникам, вторичное проникновение лексемы *пельмень* (*пельмени*) в латышский язык происходит в 50-х гг. XX века, когда она постепенно закрепляется в основном словарном фонде латышского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Тот С.* Лексема *пельмени* как опосредованный пермизм в эстонском и латышском языках / С. Тот // Пермистика XI: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Материалы XI Международного симпозиума (30–31 марта 2006 г.). – Пермь : Пермский государственный педагогический университет, 2006. – С. 316–328.

2. Krievu-latviešu vārdnīca. Русско–латышский словарь. – Rīgā : Izdevniecība Liesma, 1971.
3. Svešvārdu vārdnīca. – Rīga : Izdevniecība Liesma, 1978.
4. Latviešu literārās valodas vārdnīca 6₁. – Rīgā : Izdevniecība Zinātne, 1986.
5. Latviešu valodas vārdnīca. – Rīgā : Avots, 1998.
6. *Burve D. et al.* Latviešu–vācu vārdnīca. Lettisch-deutsches Wörterbuch. – Rīgā : Avots, 2001.
7. Krievu-latviešu vārdnīca. Русско–латышский словарь. – Rīgā : Latvijas valsts izdevniecība, 1950.
8. *Loja J.* Krievu-latviešu vārdnīca. Русско–латышский словарь. – Москва : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1951.
9. Krievu-latviešu vārdnīca. Русско–латышский словарь II. – Rīgā : Latvijas valsts izdevniecība, 1959.
10. *Bendiks H.* Svešvārdu pareizrakstības vārdnīca. – Rīgā : Latvijas valsts izdevniecība, 1958.
11. *Widiņsch J.* Sweschwahrdū grahmata. Rīgā : „Sinatnes” isdewums, 1911 = *Widiņsch J.* Sweschwahrdū grahmata. – Rīgā : J. Roses grahmatu pahrdotawas isdewums, s.a.
12. *Drawneeks J.* Kreewu-latweeschu wahrniza. Русско–латышский словарь. – Rīgā : J. Brigadera apgahdibā, 1913.
13. *Vidiņš J.* Svešvārdu grāmata. Otrs papildināts iespiedums. – Rīgā : Valtera un Rapas akc. sab. izdevums, 1933.
14. *Dravnieks J.* Krieviski-latviska vārdnīca. Русско–латышский словарь. 3. pārstārdāts iespiedums. – Rīgā : Valtera un Rapas akc. sab. izdevums, 1931.

**Финно-угорские языки
в образовательном пространстве**

Материалы Международной
научно-практической конференции

Технический редактор М. А. Самарова
Компьютерная верстка А. Л. Семенова

Напечатано с оригинал-макета заказчика

Подписано в печать 23.09.10. Формат 60 x 84_{1/16}

Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,2. Уч.-изд. л.

Тираж 150 экз. Заказ №

Издательство «Удмуртский университет»
426034, Ижевск, ул. Университетская, д. 1, корп. 4
Тел./факс: +7 (3412) 500295, e-mail: editorial@udsu.ru